

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Д.И.Эдельман

ИРАНСКИЕ
и СЛАВЯНСКИЕ
ЯЗЫКИ

*Исторические
отношения*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2002

УДК 811.1
ББК 81.2Иран+Слав
Э19

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 01-04-16147

Ответственный редактор
В. А. Ефимов

Редактор издательства
М. И. Карнова

Эдельман Д. И.

Э19 **Иранские и славянские языки : Исторические отношения /**
Д. И. Эдельман. — М.: Вост. лит., 2002. — 230 с — ISBN 5-02-
018251-6 (в обл.), 700 экз.

Иранские и славянские языки, входящие в единую подгруппу индоевропейских языков, имеют много общих черт, унаследованных из общего праязыка, развившихся параллельно и независимо, а также возникших в результате межъязыковых контактов

Книга является первым опытом систематизации сходных черт иранских и славянских (и отчасти балтийских) языков. В ней последовательно сравниваются их историческая фонетика и фонология, морфология и синтаксис, лексика. Выявляются степень генетического родства иранских языков со славянскими, типологические (структурные и семантические) параллелизмы, элементы, возникшие в результате контактов в разные эпохи

ББК 81.2Иран+Слав

ТП-2002-1-173
ISBN 5-02-018251-6

© Д. И. Эдельман, 2002
© Российская академия наук
Издательская фирма
«Восточная литература», 2002

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Черты сходства между иранскими и славянскими языками давно интересуют не только языковедов — в качестве лингвистического феномена, — но и представителей других гуманитарных наук, поскольку сходные элементы могут быть результатом не только развития унаследованных общих элементов более древнего состояния, но и разновременных контактов этих языков и соответственно говорящих на этих языках народов, т.е. являться свидетельствами истории народов — носителей этих языков.

Изучение иранско-европейских и в особенности иранско-славянских лингвистических отношений имеет богатую историю. Общеизвестны достижения в этой области в трудах уже XIX и первой половины XX в., а также глубокие обобщающие работы отечественных языковедов в 60-е годы XX в. Обзор проблематики, критическое рассмотрение взглядов различных исследователей, обобщение их, анализ новых открытий в период до середины 60-х годов XX в. содержатся в основном в небольших по объему, но очень емких трудах двух ученых — А.А.Зализняка (см. в особенности его статью [Зализняк 1962]) и В.И.Абаева (целый ряд статей и небольшая книга [Абаев 1965]; в настоящее время текст этой книги с дополнениями и многие более поздние статьи собраны вместе и переизданы, см. [Абаев 1995]). Ценные сведения содержатся также в работах указанного периода и в более поздних исследованиях этих и других авторов, где анализируются конкретные исторические соответствия между языками двух семей и вторичные ареальные и типологические схождения. Рассматриваются общие черты во фрагментах исторической фонетики и морфологии, в лексике (особенно пристальное внимание уделялось ономастике), в элементах мифологии и т.д. Особенно важны в этом плане труды В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева (см. «Литература»). Часть этих работ отражена также в обзорной работе Х.Бирнбаума [Бирнбаум 1987].

Теперь, когда со времени написания обобщающих работ прошли десятилетия, весьма плодотворные как для изучения языков каждой из этих семей в сравнительно-историческом (генетическом), типологическом и ареальном аспектах, так и для выявления новых иранско-славянских сходных элементов, представляется возможным пополнить (а в отдельных фрагментах — и откорректировать) некоторые представления о соотношении истории этих языковых семей.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ

§ 2. Иранские и славянские языки, как известно, в генетическом отношении представляют собой отдельные семьи, входящие — через определенные промежуточные этапы — в большую индоевропейскую семью, точнее, в одну из составляющих ее групп, условно называемую группой «сатэм» (подробнее о ее признаках см. в разделе «Фонетика и фонология»). Помимо этого дальнего генетического родства их сближают некоторые общие черты, объясняемые сходными типологическими линиями развития. Кроме того, ряд общих черт и элементов объясняется языковыми контактами между иранскими и славянскими языками, т.е. в конечном счете — ареальными факторами.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Иранские языки

§ 3. При изучении иранских языков в последние десятилетия подверглись пересмотру и были существенно уточнены их генетические связи с другими языковыми группами и семьями, а также генетическое строение самой иранской семьи. Кроме того, уточнению подверглись и те характерные признаки трансформации иранских языков, которые традиционно считались генетически общими для определенных языковых групп, но на поверку оказались общими в типологическом

или в ареальном плане и независимыми от степени генетического родства этих языков.

В частности, как уже говорилось, была уточнена генетическая позиция иранских языков среди других арийских. При общепризнанной и несомненной принадлежности иранской семьи к более древней арийской общности¹ выявились более четкая схема и относительная хронология их вычленения из этой общности. Стало ясно, что арийская семья в своей филиации прошла определенные этапы «ветвления»: а) наиболее ранний (во всяком случае, по фиксируемым ныне данным) — вычленение из нее нуристанской (традиционное название — «кафирская») группы языков, в то время, как собственно индоиранская группа еще сохраняла относительное единство, и б) более поздний, или поздние, — вычленение из индоиранской группы дочерних групп — индоарийской и иранской, а также, возможно, других, в частности дошедших до нас дардских языков. При этом вычленение иранских языков как единой семьи происходило уже с ее изначальной диалектной неоднородностью. Все эти этапы характеризовались определенными историко-лингвистическими (в основном историко-фонетическими) инновациями, свойственными тому или иному праязыку (общеарийскому, общенуристанскому, общеиранскому, общеиндоарийскому), которые теперь приходится учитывать при сопоставлении иранского материала с неиранским (историко-фонетические признаки этого процесса см. в разделе «Фонетика и фонология»).

Подробнее об этапах членения арийского состояния на «ветви» см. также [Morgenstierne 1945, 228–232, 1974; Morg. ID, 338–342; Buddruss 1977; СГВЯ-Ф, 42–43, 48, 55; Эдельман 1992].

Исследования последних десятилетий внесли еще и некоторые коррективы в наши представления о праиранской языковой системе. Отчасти это вызвано появлением новых материалов по некоторым «малым» иранским языкам, которые до тех пор не имели сколько-нибудь полного описания и словарей, и интерпретацией этих материалов в генетическом, типологическом и ареальном аспектах. Включение в реконструкцию праязыка свидетельств ряда «малых» живых иранских языков, хранящих иногда рефлексy более архаичного состояния, чем фиксируемое языками древних памятников, дало возможность выявить более древний облик общеиранского праязыка. Ныне следует, по-видимому, считать доказанным, что действительно общее для всех иранских языков праязыковое состояние оказалось более архаичным и более «отодвинутым» к общеиндоиранскому, чем оно реконструировалось ранее на основании только авестийского и

древнеперсидского языков. А это, в свою очередь, не только выявило хронологическую и ареальную неоднородность иранской праязыковой системы, но и задало иные ориентиры для сравнения истории иранских и славянских языков.

Кроме того, общеиранская, или праиранская, система представляется ныне в более детализированном виде, с ее хронологической и ареальной неоднородностью: *определились некоторые этапы как вычленения праиранских диалектов из индоиранской группы (при их неоднородности уже в тот период), так и их дальнейшей дивергенции.* Поскольку основные архаизмы и инновации классификационной значимости находятся в русле исторической фонетики арийских и иранских языков, подробнее об этом будет сказано в разделе «Фонетика и фонология». Здесь же упомянем некоторые общие моменты.

Хотя, как уже говорилось, общее для всех иранских языков праязыковое состояние оказалось более архаичным, чем представлялось ранее, оно не было единым и монолитным по всему иранскому ареалу: в праязыке совершенно отчетливо выступают диалектные или, во всяком случае, ареальные варианты, выявившиеся в их историко-фонетических чертах: 1) «продвинутый», обладающий определенными инновациями центральный под-ареал и более архаичные (либо развившие собственные инновации) маргинальные, что отразилось, например, в рефлексах индоевропейских палатальных согласных, которые, вопреки расхожему мнению, не становились сибилантами по всему праязыковому общеиранскому ареалу; 2) западный и восточный под-ареалы, в которых по-разному преобразовались рефлексы индоиранских *звонких (и отчасти глухих) согласных.* Последнее членение и переросло затем в генетическое размежевание всех иранских языков.

§ 4. На основании генетических, главным образом историко-фонетических, признаков (прежде всего рефлексов индоиранских звонких согласных) все иранские языки делятся на две большие группы, условно называемые «западной» и «восточной» (по месту расселения древних носителей иранских диалектов в I тысячелетии до н.э. по отношению к району Даште Кавир — Великой Соляной пустыни в Иране). Их основной состав:

Западная группа — южная подгруппа — вымершие: древнеперсидский, среднеперсидский; живые: продолжения среднеперсидского в виде классического и современного персидского, таджикского и дари, татский язык, лурские и бахтиярские диалекты, кумзари, группа диалектов башкарди и другие малые языки и диалекты; северная подгруппа — вымершие: мидийский, парфянский; живые: курдский, белуджский, талышский, гилянский,

мазандеранский, семнанский, сивенди, диалекты татй, малые языки и диалекты Центрального Ирана и др.

Восточная группа — северная подгруппа — вымершие: скифо-сарматские языки и диалекты, согдийский, хорезмийский языки; живые: осетинский, ягнобский; южная подгруппа — вымершие: бактрийский, сакские языки и диалекты; живые: пашто (афганский) с родственным ему языком // диалектом ванечи, мунджанский с близкородственным йидга, ваханский, ишкашимский с родственным ему сангличским, языки и диалекты шугнано-рушанской группы (наиболее значимые — шугнанский, хуфский, рушанский, бартангский, рошорвский, сарыкольский), язгулямский язык (и вымерший в конце XIX в. старованджский язык). Термин «восточноиранские» по отношению к этой группе в значительной мере условен, поскольку скифские и сарматские языки (и потомок скифских диалектов — осетинский язык) не находятся на востоке иранского ареала. Условно и ее членение на северную и южную подгруппы, поскольку оно опирается главным образом на географию (чисто языковые данные в этом членении не дают однозначной картины), в отличие от западной группы.

Язык Авесты — религиозных текстов зороастрийцев — выявляет черты восточных и западных языков (что может быть связано с распространением их в среде жрецов с родным западноиранским языком), а также следы доиранских архаизмов, сохраняя отдельные формы слов и словосочетания, возникшие значительно ранее праиранского периода и имеющие аналоги в других индоевропейских языках.

Поскольку различные иранские языки, принадлежащие к разным группам и подгруппам, контактировали в разные периоды с неиранскими, в частности со славянскими языками, и поскольку эти контакты носили различный характер — от тесного общения (и даже двуязычия) до разового (при торговле), представляется важным отождествление того или иного контактировавшего иранского языка и, следовательно, выяснение свойственных именно ему тех или иных лингвистических характеристик.

§ 5. Как уже говорилось, основными признаками генетического членения иранских языков являются определенные историко-фонетические инновации в каждой из групп. В поисках же признаков их расхождения на более высоких языковых уровнях (морфолого-синтаксическом, лексическом) приходится учитывать существенные историко-типологические изменения в их системах. В результате коренной перестройки морфолого-синтаксической системы иранских

языков в эпохи, следовавшие за древнеиранской, трудноопределимыми или вовсе не определимыми оказались соответствия в исчезнувших элементах древней флексии и аффиксов. В итоге выявление общих материальных рефлексов древних морфологических элементов удается далеко не всегда. К тому же выяснилось, что ни один из немногих выделявшихся традиционно классифицирующих морфологических признаков западной или восточной группы иранских языков на деле таковым не является: каждый из них присущ лишь части языков той или иной группы. (Утрата большей части древних аффиксов и флексии сказывается, естественно, и на генетическом сравнении иранских языков с другими, в частности славянскими.)

Так же слабо фиксируется членение иранских языков на генетические группы и подгруппы (как и степень генетического родства иранских языков с другими индоевропейскими) в лексике: наличие ~ отсутствие определенных лексем, считавшееся традиционно классифицирующим, в результате более глубокого исследования лексического фонда иранских языков, с появлением более полных словарей и т.п. тоже оказалось генетически несущественным. В связи с этим обстоятельством продуктивными представляются поиски словообразовательных моделей, средств словообразования, а главное, материальных словообразующих элементов, углубленное изучение которых — дело будущего.

Славянские языки

§ 6. В течение последних десятилетий несравненно увеличились наши знания об индоевропейских языках Европы, их истории и генетических взаимоотношениях, в особенности о славянских языках и их генетических отношениях к другим языкам группы «сатэм». В частности, появилось много работ, рассматривающих проблему генетических отношений славянских языков с балтийскими (балтийскую группу образуют, как известно, литовский, латышский, вымерший в XVII в. прусский, или древнепрусский, и предположительно ятвяжский — языки, сильно разошедшиеся между собой и находящиеся как бы на «разных этапах» ухода от праязыкового состояния).

Существует немало теорий балто-славянских отношений. Их перечень приводится, в частности, О.Н.Трубачевым (см. [Трубачев 1983, 238] со ссылками на работы предшественников)². Основные теории сводятся к следующим: 1) существовал единый балто-славянский праязык, или праязыковая общность (Шлейхер, Бругман); 2) происходило независимое, параллельное развитие близких бал-

тийских и славянских диалектов (Мейе); 3) различия между балтийскими и славянскими языками были еще на уровне индоевропейских диалектов, а затем, после выделения арийцев, произошло вторичное сближение балтийского и славянского языкового мира и образование балто-славянской общности, но без общего праязыка (Эндзелин); 4) была древняя общность балтийских и славянских языков, затем длительный перерыв и новое сближение (Розадовский); 5) славянский образовался из периферийных диалектов балтийского. Все эти гипотезы основаны главным образом на анализе сравнения историко-фонетических законов и на этимологии отдельных (хотя и существенных) морфем и слов (в основном местоимений).

Существуют и другие теории о взаимоотношениях балтийского и славянского, которые рассматриваются в [Трубачев 1983, 238–239], с отдельным анализом теории Мартынова, предполагающего происхождение праславянского как результат соединения западного прото-балтийского с италийским (при миграции в XII в. до н.э.) и с наложением иранского суперстрата [Мартынов 1978 (I), 43, 1978 (II), 102, 1981 (I), 104–106; Трубачев 1983, 238].

Р. Бошкович [1984, 30] считает, что существовала недолгая эпоха балто-славянского единства (причем о месте и времени существования этой балто-славянской общности можно только догадываться). Она длилась лишь столько, сколько было необходимо, чтобы развитие склонения в обеих группах пошло в одном и том же направлении, но не была настолько длительной, чтобы то же случилось с глагольным спряжением. Отсюда поразительное сходство в именном склонении при различиях в спряжении.

Ср. также скептическое отношение к идее изначального балто-славянского праязыка С.Б.Бернштейна [Бернштейн 1961, 27 и сл.], который рассматривает отношения балтийского и славянского как вторичное «сообщество», т.е. языковой союз (там же, 31 и сл., 133, 154), возражая К.Бругману и другим исследователям, усматривающим изначальное тесное генетическое родство между ними. Праславянский язык он возводит к более раннему периоду, чем возникновение этого союза.

Вместе с тем многие исследования последних лет, особенно в области этимологии и исторической лингвогеографии (содержащие реконструкцию ряда общих для балтийских и славянских языков словообразовательных моделей и линий семантического развития, а также учитывающие огромный диалектный материал, в том числе не отраженный ранее в специальной литературе), имеют результатом утверждение (или, во всяком случае, основательную базу для него) о существовании в древности эксклюзивных балто-славянских

генетических изоглосс и — в конечном счете — о возможности существования единой в генетическом плане праязыковой балто-славянской системы (см. историко-лексикографические и этимологические работы Ю.В.Откупщикова, А.Е.Аникина и в особенности обобщающие труды разных лет В.Н.Топорова в разделе «Литература»).

Не будучи специалистом в данной области, не берусь высказывать свое суждение, поэтому славянский и балтийский материал в данной работе будет фигурировать в раздельном виде.

§ 7. Процесс выделения праславянского языка характеризовался появлением определенных инноваций по сравнению с индоевропейским на разных языковых уровнях: в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании [Бернштейн 1961, 1974; Бошкович 1984, 30–32].

§ 8. Славянские языки делятся, в свою очередь, на три основные генетические группы: 1) восточнославянские: русский, украинский, белорусский (считается, что они довольно поздно — в XIV–XV вв. выделились из общего — древнерусского языка); 2) западнославянские: польский с примыкающими к нему диалектными ареалами — кашубским и словинским; полабский, или залабский (язык, на котором говорили некогда славяне за Эльбой и который вымер в XVIII в.); чешский и словацкий; близкий к чешскому верхнелужицкий и близкий к польскому нижнелужицкий (два последних сильно германизованы); 3) южнославянские: четыре живых языка — словенский, сербскохорватский, македонский и болгарский; один вымерший язык — старославянский — с памятниками X–XI вв.

Различия между этими тремя группами — в исторической фонетике, отдельных морфемах, типах чередований и др. (подробнее [Бернштейн 1961, 37 и сл., 225 и сл., 1974; Бошкович 1984, 32–34]). Тем самым, в отличие от иранских языков, членение славянской общности на группы опирается на существенные для каждой из них основные черты на разных языковых уровнях — в исторической фонетике, морфологии и словообразовании (см. в соответствующих разделах).

ОБЛАСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ. КОНТАКТЫ. ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ

§ 9. Как известно, о прародине индоевропейского языка нет единого мнения. Этот факт наглядно показан в созданной Дж.Мэллори карте праязыковых ареалов, предполагаемых авторами основных

трудов, изданных после 1960 г. [Mallory 1989, 144]. Вместе с тем некоторые из этих ареалов могут быть вполне реальными для разных периодов существования праязыка (о понятии «первоначальности» периода и ареала праязыка см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984 II, 865 и сл.]). В связи с этим здесь будут приниматься во внимание только (также гипотетичные) ареалы «прародин» более позднего периода для иранских и славянских языков.

§ 10. О прародине иранской семьи также нет единого мнения. Наиболее реалистичной представляется общая арийская прародина, соотносимая со степной полосой от Южнорусских степей до Средней Азии, где кочевали носители арийских диалектов и откуда затем они распространялись в места их более позднего обитания, постепенно утрачивая языковое единство (обзор мнений об их прародине и о путях распространения см. также [ОВЛГ, 73–75; Оранский 1979, 51–52]).

При этом совершенно очевидно, что в отличие от славянских и других индоевропейских языков Европы, о прародине которых ведутся дискуссии, но которые все же распространены в относительно компактном ареале — Европе, иранские языки ни в одном из регионов их нынешнего бытования не являются автохтонными. Их распространение на историческую и современную широкую территорию Евразии сопровождалось разновременными и разнотипными контактами с языками разных семей (см. [Оранский 1979, 66 и сл.], о контактах носителей индоиранских и затем иранских диалектов с финно-уграми см. также [Minissi 1970; Harmatta 1978; Абаев 1995, 458 и сл., 472 и сл.; Лушникова 1990]). В связи с этим особо существенную роль в изучении истории иранских языков играют сведения о тех ареальных общностях, в которые входят (или входили прежде) иранские языки в разных регионах.

В исследованиях последних десятилетий более явными стали результаты вхождения семьи в целом либо отдельных ее компонентов в различные вторичные общности конвергентного происхождения, включая языковые союзы.

Наиболее ярким представителем таких общностей является большой Центральноазиатский языковой союз (ЦАЯС — термин В.Н.Топорова), охватывающий языки различных семей и групп: часть языков восточноиранской генетической группы, отдельные языки западноиранской группы; нуристанские языки; дардские; часть индоарийских; некоторые неиндоевропейские языки ареала (группу гималайских языков, отдельные островные дравидийские, изолированный язык бурушаски). Этот языковой союз, возникший на относительно едином

субстрате (предположительно на языке бурушаски в его раннем состоянии или на родственных ему языках // диалектах), выявляет ряд общих структурных черт в фонологии, морфологии, синтаксисе, пласты общей лексики, некоторые словообразовательные модели, а также систему «скрытых» категорий и элементов языкового мышления, указывающих на то, что субстратом послужил язык активной типологии. Это не исключает последующего цементирувания данного языкового союза дальнейшим конвергентным развитием оказавшихся в разных зонах его ареала языков, однако элементы общего субстрата выявляются здесь практически на всех языковых уровнях, во всех подсистемах [Топоров 1965; Эдельман 1980].

Внутри этого союза прослеживаются определенные под-ареалы, часть которых представляет собой своего рода микросоюзы, характеризующиеся набором своих лексических и структурных элементов, а в некоторых случаях — и элементов языкового мышления. Один из таких микросоюзов охватывает Памиро-Гиндукушский регион, состоящий из трех ярко выраженных под-ареалов, в том числе и одного восточноираноязычного: это так называемая группа памирских языков (в составе генетически близких языков и диалектов шугнано-рушанской группы, родственного им, но обособленного язгулямского языка и более удаленных генетически ваханского, ишкашимского с сангличским, а также — по ряду черт — мунджанского языка с йидга), восходящих к разным древним восточноиранским диалектам, развивших тем не менее весьма сходные фонологические и морфолого-синтаксические структуры и имеющих большой пласт общей лексики. Эта общность сложилась благодаря единому субстрату, конвергентному развитию самих данных языков при их контактах, а также благодаря адстратному (и частично суперстратному) воздействию таджикского языка (и родственных ему таджикско-персидско-дари диалектов), который на протяжении многих столетий является в этом ареале языком культуры и межэтнического общения (см., например, [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974; Оранский 1979, 188–191]).

Осетинский язык входит в ареал кавказских языков, выявляя субстратные черты, свойственные последним, как и другой индоевропейский язык ареала — армянский [Аб ОЯФ, 75–78; Абаев 1956 (1), 1970, 1978].

Имеется и ряд других, более частных ареальных объединений. Кроме того, во многих иранских языках наблюдается большое количество ареальных элементов, обязанных происхождением различным процессам — спонтанным и контактными (см., например, [ОВЛГ, 76–99, карты 3–14]).

§ 11. В последние десятилетия уточнились некоторые сведения об ареале славянской прародины и ареалах бытования славянских языков в разные периоды и об их ранних контактах с балтийскими и другими языками. В качестве славянской прародины называют «Дунайский регион», тем более что с теорией дунайской прародины славян связана и концепция центральноевропейского ареала древних индоевропейцев. При этом интересно, что контакты балтийского языкового мира с дако-фракийским в III тысячелетии до н.э. не затронули славянских языков, а контакты славян в Центральной Европе (в том числе во II тысячелетии до н.э. с иллирийцами и др.) проходили без участия балтов [Трубачев 1983, 240–243].

Из вторичных конвергентных объединений, в которые входят славянские языки, важным является наличие Балканского языкового союза, куда помимо части славянских входят также отдельные индоевропейские языки (греческий, албанский, румынский и др.) и неиндоевропейские (например, турецкие диалекты, отчасти гагаузский язык). О славянском заселении Балкан см. [Бернштейн 1961, 82].

Из менее крупных языковых союзов, в которые входят славянские языки и диалекты, следует отметить выявленный относительно недавно языковой союз в юго-восточной Прибалтике (так называемый *Peipus-Bund*), центром которого является эстонский язык. Об одной из изоглосс, характерной для этого союза, будет сказано в разделе «Морфология и синтаксис».

§ 12. С точки зрения иранистики особый интерес для обсуждаемой проблемы представляют иранские языки западного ареала (независимо от их генетической принадлежности к западноиранской или восточноиранской группе), контактирующие или контактировавшие прежде с неиранскими языками Европы, включая славянские.

В этом плане наиболее интересен для нас скифско-осетинский мир. С одной стороны, как уже говорилось, субстратное кавказское воздействие и продолжающиеся контакты с кавказскими языками сближают в типологическом плане осетинский язык как с ними, так и с еще одним индоевропейским языком ареала — армянским. С другой стороны, продолжение в осетинском языке скифских диалектов, в течение длительного времени взаимодействовавших со славянскими и частично с балтийскими и германскими, а также с финно-угорскими, обусловило наличие в нем определенного количества прямых лексических заимствований и ряда структурных черт, общих, во всяком случае, для части этих языков (подробнее см. [Зализняк 1962; Абаев 1965]); отдельные из этих черт будут рассмотрены ниже, в контексте конкретных общностей.

Немалый интерес для рассматриваемой проблемы представляет и персидский язык на разных этапах его истории. Для нас здесь важны не только явные элементы его взаимодействия со славянскими диалектами и — позднее — с русским языком (в ходе контактов в сфере материальной и духовной культуры, о чем неоднократно писали различные исследователи, см., например, [Топоров 1971, 1978, 1979, 1983, 1989, 1995]), но и те черты внутреннего развития структуры этого языка, которые имеют определенные параллелизмы в языках Балканского языкового союза (см. [Абаев 1965; Эдельман 1989]) и происхождение которых нуждается в дополнительном объяснении.

§ 13. В плане ранних иранско-славянских контактов особый интерес представляет собой так называемый «Дунайский регион».

По мнению О.Н.Трубачева, славянско-иранские контакты относятся к периоду не ранее середины I тысячелетия до н.э. (см. [Трубачев 1992 (II), 23]). В эпоху контактов в «Дунайском регионе» славян со скифами и, возможно, с индоарийцами они вобрали иранские элементы, и это было не в глубокой древности [Трубачев 1983, 249–250]. Об ареалах контактирования носителей иранских диалектов с балтами, славянами, готами см. также [Топоров, Трубачев 1962, 231; Лер-Сплавинский 1964, 135; Топоров 1983, там же более ранняя литература].

Интересны сведения о контактах носителей иранских диалектов (скифов) с носителями западнославянских и об иранских заимствованиях (так называемых «*rolopo-irānīca*», типа **(go)pat* 'господин', охвативших только часть западнославянских диалектов, без серболужицких), о которых в 60-е годы еще не было известно, см. [Трубачев 1983, 256].

Отдельную проблему составляет возможность сохранения еще в I тысячелетии до н.э. в Скифии, в Северном Причерноморье, на территории правобережной Украины, в предгорьях Северного Кавказа, наряду с иранским (скифским), индоарийского этнического компонента и соответственно возможность проникновения в славянские языки индоарийских заимствований (подробнее см. [Трубачев 1977, 24 и сл., 1978, 1979, 41–42, 1983, 257–258, 1999]), которые не во всех случаях отличимы от иранских.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

§ 14. Немалый интерес представляют иранско-славянские общие системные черты, развившиеся в результате общих (и/или сходных)

историко-типологических процессов. Их анализ показывает, что развитие таких типологически сходных черт тоже значимо для сравнения материала языков этих двух семей, поскольку их появление может диктоваться разными причинами. Они могут возникнуть: а) в каждой из рассматриваемых групп независимо, благодаря некоторым общим тенденциям в развитии человеческого мышления, б) также независимо, но в результате общего стимула в виде единого «перволотчка», обусловленного какими-то явлениями общиндоевропейской прасистемы (что может пролить свет на некоторые принципы развития и других индоевропейских языков), в) в зависимости от иноязычного воздействия в результате контактов с другими индоевропейскими или неиндоевропейскими языками и т.д. Такие поздние схождения могут быть чисто структурными или стимулироваться некими конгенсивными сходствами.

§ 15. При исследовании иранской языковой семьи высветились различные пути историко-типологических трансформаций разных иранских языков (см. [ОИТИЯ I-II]), позволяющие установить как определенные общие линии развития, так и те отличия от «генеральных путей», которые наблюдаются в различных языках (и/или ареалах). Среди таких отклонений имеются черты, возникшие благодаря спонтанным изменениям системы конкретного языка, а также черты, обязанные своим происхождением разновременным и разнотипным контактам. Историко-типологическая трансформация славянских языков менее разнообразна. Сопоставление ряда типологических черт иранских и славянских языков позволяет уяснить соотношение генетической и типологической составляющих в общей массе схождения этих языковых семей.

ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНЕНИЯ

§ 16. Все сказанное выше заставило не только вернуться к рассмотрению отдельных характерных структур и элементов, которые квалифицировались прежде как общие для иранских и славянских языков еще с момента их праязыковых состояний, но и попытаться проанализировать заново происхождение ряда относительно поздних характеристик некоторых иранских языков и поздних схождения со славянскими.

Как видно из представленного беглого обзора, сравнение материала языков этих двух ветвей или под-ветвей индоевропейских языков, относящихся к группе «сатэм», — задача отнюдь не простая, поскольку в процессе такого исследования приходится учитывать целый ряд обстоятельств их истории и неодинаковую степень их изученности. В частности, в ходе сравнения постоянно приходится иметь в виду следующие моменты.

I. Языки иранской и славянской семей имеют разную степень «внутрисемейной» дивергенции: иранские разошлись несравнимо раньше и глубже, чем славянские, и их намного больше. Этому немало способствовало их древнее распространение на обширные территории Евразии. Это обстоятельство затрудняет сравнение иранских языков со славянскими по принципу «семья с семьей» или «праязык с праязыком», однако в случаях лексических заимствований из иранских языков в неиранские (в частности, славянские) облегчает нахождение конкретного иранского языка-источника.

II. Языки иранской и славянской семей имеют разную степень доказанного внешнего родства с другими близкими им индоевропейскими языками. Поэтому в ходе их сравнения необходимо в различной степени учитывать свидетельства других языков, родственных тем и другим по отдельности. Для реконструкции раннего состояния иранских языков весьма существенны свидетельства нуристанских, индоарийских и дардских языков, а также реконструируемые элементы «промежуточных» праязыков тех генетических групп, в которые они входили на разных этапах истории. Свидетельства же балтийских языков для изучения истории славянских, по всей вероятности, играют роль скорее «бокового освещения», чем необходимого опорного элемента реконструкции.

III. Языки иранской и славянской семей имеют разную абсолютную и относительную хронологию прослеживаемого древнейшего праязыкового уровня. Это частично подтверждается абсолютной хронологией старейших памятников отдельных языков. Ср., с одной стороны, язык Авесты, существовавший, по-видимому, уже к началу II тысячелетия до н.э. и передаваемый в устных текстах как минимум с этого периода (ср. мнение М.Бойса о времени проповеди Заратуштры между 1700 и 1500 гг. до н.э. [Воусе 1975, 1979]), и фиксированные тексты наскальных надписей древнеперсидского языка VI–IV вв. до н.э., а с другой стороны, памятники старославянского языка X–XI вв. н.э., т.е. эпохи, которая для иранских языков считается не древней и даже не средней, а новой. Это отражается и на определении относительной и абсолютной хронологии праязыкового

состояния. Праязыковая система иранских языков мало отличается от индоиранской, и ее существование относится условно к самому началу II тысячелетия или скорее к концу III тысячелетия до н.э., учитывая, что язык Авесты уже имеет ярко выраженные диалектные черты, развившиеся значительно позднее распада праиранского состояния (по мнению В.И.Абаева, распад арийской общности следует относить к III тысячелетию до н.э. [Абаев 1995, 464]). Праязыковая система славянских языков предстает в значительной мере «продвинутой» в своем развитии, и начало ее распада может относиться ко второй половине I тысячелетия н.э. (с наиболее ранним этапом, относящимся ко времени до III–II вв. до н.э.), причем заканчивается праславянский период в X–XII вв., см. [Бернштейн 1961, 49–51, 182]. Эти даты соответствуют эпохам создания письменных памятников так называемого новоиранского периода.

Приходится учитывать также ареальную и хронологическую стратификацию праязыка как для иранской, так и для славянской семьи, т.е. возможные существенные различия между ранним и поздним состоянием относительно общей прасистемы, и диалектную неоднородность праязыка при распространении его на более или менее обширный ареал. Для иранских языков это были различия между центральным и маргинальными под-ареалами, а также между западным и восточным ареалами (последнее стало затем классификационным для иранских языков); для славянских языков членение праязыкового ареала было еще более дробным.

IV. Языки иранские и славянские изучены далеко не в одинаковой степени. Если славянские языки практически все нашли свое освещение в научной литературе, в словарях (включая этимологические), то большая часть «малых» иранских языков (особенно на территории Афганистана и Ирана) еще нуждается в подобной фиксации и исследовании. Материал многих из них зафиксирован относительно фрагментарно (иногда в виде небольших текстов и списков слов), причем с разной степенью достоверности. Отсюда — разная степень изученности их синхронного состояния и их истории.

V. Языки иранские и славянские очень резко различаются в плане сохранности в них древних элементов и подсистем в фонологии (особенно в вокализме), в морфологии (особенно именной), а также в плане синтаксических структур.

Об этих различиях будет сказано подробнее в соответствующих разделах, здесь же уместно подчеркнуть, что все эти факторы налагают определенные ограничения на возможности сравнения иранских и славянских языков, особенно в морфолого-синтаксическом аспекте.

§ 17. Несмотря на все эти и другие различия, о которых будет сказано в соответствующих разделах, принадлежность иранских, и славянских языков к большой индоевропейской семье и переплетение судеб части и тех и других давно уже создали стимул для их сравнения.

При этом исследования языков и иранской, и славянской семьи не только в сравнительно-историческом, но и в историко-типологическом и ареальном аспектах, особенно развернувшиеся в последние десятилетия, выявили ряд неизвестных ранее существенных моментов как в синхронных системах этих языков, так и в специфике их диахронического развития. Это позволило уточнить наши знания, с одной стороны, о внутренних, спонтанных изменениях в истории конкретных иранских, славянских и других индоевропейских языков Европы и Азии, а с другой — о тех чертах, которые могли быть приобретены ими благодаря контактам и внешним воздействиям.

В результате наметились заново некоторые контуры тех общностей (генетических, типологических, ареальных), в которые входят эти семьи в целом и их отдельные представители (или группы таких представителей). А это позволило, в свою очередь, пересмотреть некоторые, ставшие уже традиционными, хрестоматийные случаи схождения характерных структурных черт или отдельных материальных элементов языков данных семей, включая этимологии конкретных слов, получившие в последние годы новое толкование. В некоторых случаях в таком пересмотре нуждаются не только хронологические и ареальные границы образования тех или иных общих явлений, но и причины их возникновения и даже само представление об их действительной или мнимой общности.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 18. Закрывая обзор проблемы исторических отношений иранских и славянских языков, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в трудах 60-х годов (а также на предыдущих этапах изучения проблемы) при серьезном и глубоком внимании к генетическому (сравнительно-историческому) и ареальному аспектам иранско-европейских (и особенно иранско-славянских) сходств, включая этимологии

отдельных слов и целых пластов лексики, несравнимо меньше внимания уделялось историко-типологическому аспекту проблемы, хотя в ряде работ последних десятилетий при рассмотрении некоторых историко-фонетических процессов этот фактор тоже учитывался.

Вместе с тем наблюдается целый разряд иранско-славянских сходных системных черт, развившихся в результате сходных и/или общих историко-типологических процессов. Краткая сводка иранско-европейских (включая иранско-славянские) общностей с попыткой выявления тенденций к их появлению и развитию была предложена ранее (см. [Эдельман 1989, 1998]), однако представляется необходимым вернуться к их рассмотрению для более четкого разграничения: а) общих генетических (т.е. унаследованных от единой праязыковой — индоевропейской — системы) материальных элементов, б) сходных типологических (структурных и содержательных) категорий, в) сходных или общих явлений, обязанных своим появлением ареальным тенденциям, включая контактные, г) более или менее случайных материальных и/или структурных совпадений.

В связи с этими обстоятельствами целесообразно обратиться к истории иранско-славянских отношений прежде всего не в плане отдельных элементов, возможности или невозможности их заимствования и источников такого заимствования, а к истории этих языковых семей в целом, к их генетическим, типологическим и ареальным специфическим чертам, которые соответствуют нашим современным знаниям о них.

Поскольку общие иранско-европейские, включая иранско-славянские, характеристики (и унаследованные, и инновационные) проявляются на разных уровнях системы языка, удобнее рассматривать их именно по языковым уровням, определяя при этом общие явления — как древние, продолжающие элементы единой индоевропейской прасистемы, так и более поздние, связанные с контактами или с параллельным независимым, но сходным развитием языков этих семей.

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

ПАРАДИГМАТИКА

ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ФИЛИАЦИИ ПРАЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

§ 1. Как уже говорилось, в ходе сравнительно-исторического исследования иранских и славянских языков в последние годы были уточнены основные вехи их историко-фонетического развития. При этом выяснилось, что трансформационные процессы, сопровождавшие вычленение праязыков этих групп из более ранних праязыковых общностей, т.е. из более крупных ветвей индоевропейской языковой семьи, а затем и дивергенцию этих праязыковых диалектных континуумов, проходили не совсем по тому «сценарию», который предполагался ранее при формулировке сходства или общности иранского и славянского путей развития. А поскольку в традиции имеются предположения о воздействии иранских языков на славянские в области фонетики, целесообразно вернуться к рассмотрению основных этапов становления и развития фонетических и фонологических систем обеих языковых семей.

§ 2. Исследования в этой области в последние десятилетия позволили внести некоторые коррективы в ряд положений генетического аспекта истории иранских языков, поскольку для иранских языков этот аспект проявляется прежде всего именно в их сравнительно-исторической фонетике, точнее, фонологии (при менее явных показаниях подсистем более высоких уровней, см. следующие разделы). Именно сравнительно-историческая фонетика и фонология представляют нам «тестирующие» признаки в определении места иранских языков среди других индоиранских, арийских и, наконец, индоевропейских языков, а также в представлении о генеалогической структуре самой иранской семьи. Именно с опорой на историческую

фонетику новое освещение получили, во-первых, состав диалектного континуума арийской ветви, куда входили протоиранские диалекты, и этапы его филиации, во-вторых, основные черты, явившиеся признаковыми для диалектного континуума уже общеиранского, или праиранского, состояния, и, в-третьих, основные «тестирующие» признаки филиации последнего на группы и подгруппы иранских языков и относительная хронология этапов этой филиации.

Так, поэтапная филиация арийской общности, о которой говорилось во «Введении», фиксируется прежде всего этапами изменения исторической фонетики и трансформации фонологии языков, происшедших из этой общности.

Как уже говорилось, из известных нам арийских языков прежде всего выделилась нуристанская группа (с собственными инновациями), при сохранении на какое-то время собственно индоиранского единства, точнее, континуума языков или диалектов, выявляющего ряд общих материальных инноваций. И уже позднее из этого континуума выделились иранская и индоарийская группы; предположительно, самостоятельную ветвь составили при этом также дардские языки или часть из них, см. [Коган 2000, 27]; возможно, были и иные ветви, не дошедшие до нашего времени.

Основные историко-фонетические процессы, сопровождавшие эту филиацию, включают в той или иной мере и те трансформации, которые принято считать общими у иранских языков со славянскими, поэтому имеет смысл остановиться на них подробнее.

Рефлексы индоевропейских согласных

Рефлексы индоевропейских палатальных согласных

§ 3. Как известно, одной из общих иранско-славянских черт принято считать так называемую ассимиляцию индоевропейских палатальных согласных¹, т.е. прежде всего отражение индоевропейской фонемы $*\acute{k}$ в виде общеиранской (как полагали) $*s$ и славянской $*z$. На самом деле картина оказалась более сложной даже внутри иранской языковой семьи.

Отражение позднеиндоевропейских палатальных $*\acute{k}$, $*\acute{g}$, $*\acute{g}h$, которые — через этапы «сатэмных» $*\acute{k}$, $*\acute{g}$, $*\acute{g}h$ и раннеарийских аффрикат $*\acute{c}$, $*\acute{j}$, $*\acute{j}h$ — дали поздние общеарийские аффрикаты $*\acute{c}$, $*\acute{j}$, $*\acute{j}h$, единые для раннего состояния каждого из арийских языков. Далее их развитие шло разными путями.

В нуристанских языках эти позднеарийские аффрикаты продвинулись вперед, в дентальный ряд, не утратив смычного элемента артикуляции, и перешли в дентальные аффрикаты *s*, *ʒ (> z), что в целом находит аналогию в ходе развития индоевропейских палатальных в славянских языках. Например, в языке каті *duc* 'десять' из арийск. **daśa-* < и.-е. **deḱm-t-* 'десять, десятков', ср. рус. *десять*.

В собственно индоиранских языках, т.е. в индоарийских, дардских и иранских, во всех компонентах индоиранского континуума сохранилась их палатальная артикуляция при ослаблении элемента смычки в глухом согласном с его спондизацией и переходом **ć* > **ṣ*. Очевидно, в западной части континуума этот процесс частично затронул и звонкие согласные с переходом через общеиндоиранские **j*, **jh* соответственно в **j/ṣ*, **jh/ṣ*. Ср., например, отражение и.-е. **deḱm-t-* 'десять, десятков' > праарийск. **daśa-* > индоиран. **daśa-*; и.-е. **ǵen-*, **ǵnē-*, **ǵnō-* 'знать' > арийск., индоиран. **jan-*, **jnā-* 'знать'; и.-е. **ǵlejos-* > арийск. и индоиран. **frajas-* 'море, большая река; (водное) пространство'.

Далее в диалектах общего индоарийского праязыка предполагаются их рефлексы в виде **ś*, **j*, **jh*, с переходом затем — ко времени создания древнеиндийских памятников — придыхательного **jh* в *h* (аналогично переходу в ряде случаев других звонких придыхательных в *h*, включая совпавший с данной фонемой звукотип **jh* из и.-е. **gh*, **g^hh*, находившихся в позиции палатализации, см. ниже), при сохранении в этот период *ś*, *j*. Возможно, в какой-то мере аффрикатный характер *j*, без перехода его в спонд *ṣ* или **ṣ*, поддерживался общими системными (ареальными?) тенденциями диалектов, легших в основу древнеиндийских памятников, — отсутствием в системе фонетических предпосылок (при наличии фонологических «ниш») для звонких шелевых типа **z*, **ṣ*, **ṣ*. На «неприятие» древнеиндийским языком звонких сибиллянтов указывает также и стабильное отражение более ранних индоиранских звукотипов **z*, **ṣ* (из вариантов и.-е. **z* перед звонкими согласными) в виде *d*, *ḍ*.

В диалектах общеиранского состояния согласные этой группы в наиболее ранний период развивались не по типу **ć* > **c* > **s*, как утверждается в некоторых славяноведческих работах (со ссылкой на авестийский и неиранские языки, но без учета архаизмов в иранских языках, в том числе и в самом авестийском), а через этап шипяще-свистящих — глухой **ś* и звонкой **ṣ/ṣ* (последняя представляла единую фонему в результате уже завершившегося к этому времени в праиранских диалектах процесса совпадения рефлексов арийских звонких аспирированных и звонких неаспирированных во всех рядах, см. ниже).

Только позднее в большинстве древних иранских диалектов центрального (на тот период) ареала в свободной позиции (т.е. не в составе консонантной группы) общеиран. *š переходит в s, а общеиран. *šj — в z, с совпадением их со звукотипами *s, *z иного происхождения (из рефлексов и.-е. *s перед звонкими, из вариантов *d перед глухими и звонкими согласными и др.). Поэтому в авестийском встречаем отражение общеиран. *š, *ž в виде s, z в свободной позиции, но в виде шипящих в позиции перед согласными, что особенно заметно в корнях с чередованиями (в отличие от рефлексов звонких в древнеиндийском). Ср., например, ав. *asan-* : *ašn-* 1) 'камень'; 2) 'небо, небесная твердь' (из **aśan-* : **ašn-* < и.-е. **aġen-* — то же), ав. п. *zānu.drājah-* 'длиной до колен', ав. п. *žnūt* (акк. ед.ч.) 'колени'; ав. п. *žnubyas-čit* (< **ğnubhjos*), ав. п. *fra-šnu-* 'до колен' и т.д. (ср. др.-инд. *jānu-* : *jñu-* 'колени' из праиндоиран. **jānu-* : *jñu-*, при отражении в более поздних языках: язг. *zən*; хс. *ysānū* ; ишк. *zəng* (< **zānu-ka-*) 'колени' и т.п. [СГВЯ-Ф 89, 134]).

То же самое мы встречаем в корнях, образуемых перегласовкой типа САС- > ССĀ-, в разных иранских языках (здесь также налицо отличия от древнеиндийского в развитии рефлексов звонких палатальных в преконсонантной позиции). Ср., например, отражение в иранских языках праиранского корня **žan-* : **žān-* : **žnā-* и **šnā-* (< **žnā-*) 'знать, узнавать', — продолжающего праиндоиран. **jan-* : **jān-* : **jñā-* (ср. др.-инд. *jānāti*, *jānitē* и т.п., прич. прош. вр. *jñātā-*) из и.-е. **ǵen-*, **ǵena-*, **ǵnē-*, **ǵnō-* 'знать' (ср. лит. *žinoti*, церк.-слав. *znati* [Pok. IEW, 376–378; Mh. EWA-8, 599–601]):

от корня в форме **žan-*: от презентных основ **žān-*, **žana-* — ав. г. п. *zan-* : *zān-* 'знать', ав. г. *paifī.zānaitā* 'erkennet an!', ав. п. *paiti.zanāit* 'wird anerkennen', ав. *zanān* 'sie werden gewahrt'; др.-перс. *a-dāna* 'он узнал' (с *d* < **ž*); ср.-перс., кл. перс. *dānistān* 'знать'; согд. будд. *ž'n-* 'знать'. С превербами также: шутн. *wizān-*, руш., барт. *wizōn-*, сар. *wizōn-* (< **wi-žan-*); язг. *vəžān-* (< **abi-žan-*); согд. *ptz'n-* 'узнавать'; хс. *pausān-* 'узнавать'; ишк. *ryžin-* : *ryžind* 'знать, понимать; признавать, считать, узнавать'; сгл. *pažin-* : *pažind* (< **pati-žān-*, от основы **pati-žana-*);

от корня в форме **žnā-*: 'знать (человека), узнавать' (из и.-е. **ǵnē-*, **ǵnō-*): от презентных основ **žnā-*, **šnā-sa-* (< **žnā-sa-* — рефлекс инхоативной основы, ср. лат. *nōscō*, греч. *γινώσκω*) — др.-перс. *xšnāsāitiy* (с наращением неэтимологического *x-* перед *š-*); ср.-перс. *šnās-*, кл. перс. *šinās-* 'знать, узнавать'; производные имена от **žnā-*: ав. п. *žnātar-* 'знаток', *žnōišta-* (превосходная степень) 'кто знает лучше всех', ав. г. *frašnī*, ав.п. *frašnī* 'озабоченный; осмотнительный' [Gersh. Phil. Ir., 7; СГВЯ-Ф, 89].

§ 4. При общей тенденции к ассимиляции рефлексов палатальных в свободной позиции в большей части праиранских диалектов, часть окраинных диалектов в течение относительно длительного времени сохраняла шипящий компонент в их звучании, т.е. они артикулировались, по-видимому, как *š, *ž (или, во всяком случае, с неким «шепелявым» фокусом, типа *ʃ*, *ʒ*). Это способствовало, в частности, отражению данных согласных в диалекте-предке древнеперсидского в виде *ʃ*, *ʒ* (последнего предположительно через этап **δ* [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 38; Mayrhofer 1968, 8, п. 36], артикуляционное обоснование см. также [СГВЯ-Ф, 40–45]) и в дальнейшем отличие их рефлексов от рефлексов звукотипов **s*, **z* (из и.-е. **s* и **d* перед согласными). Например, ср. праиранское **daša-* ‘десять’ (из индоиранского **daša-*, ср. др.-инд. *dāśa-*, восходящего к общеарийскому **daśa-* из индоевропейского **dekm-t-*), откуда ав. *dasa-*, но др.-перс. **daša-* > совр. перс. *dah*, при пшт. *las*, шугн. *δis*, осет. *dæš*, согд. *δs* и т.д.; индоиранское **jrajas-* ‘море, большая река, (водное) пространство’ из индоевропейского **ǵlejos-* (от и.-е. гл. **ǵlei-* ‘течь, струиться’, зафиксированного только в индоиранских языках [Pok. IEW, 401], ср. др.-инд. *jray-* с превербом *pra-* ‘распространяться’ [Mh. EWA-8, 606]); праиран. **žrajah-* ‘обширный водный массив (море, большая многоводная река)’ > ав. п. *zrayah-* ‘море; мировой океан (Vouru-kaša-); озеро’; др.-перс. *drayah-* ‘море’ [Barth. AiW, 1701–1702]; ср.-перс. *drayā(b)*, кл. перс. *daryā(b)* ‘море; океан; большая река’; совр. перс. *dāryd*, тадж. *daryo* ‘река’ (включая употребление в составе гидронимов), (уст.) ‘море’; парф. *zryh*. При дальнейшем стяжении группы **žr-* с сохранением шипящей артикуляции: йд. *ždi* ‘озеро’; рош. *žbu* — название озера; барт. *žbu* ‘мокрый; сырой; отсыревший’; язг. *žbu* ‘озеро; маленький искусственный водоем; пруд’; вах. *žbu* ‘водоем’.

Различные отклонения от центральной линии развития обнаруживают также древние иранские диалекты скифо-осетинской и сакско-ваханской групп. В частности, в осетинском языке рефлексы праиран. **š* совпали с **ʃ* (и позднее — с **s*), в результате чего в современном осетинском в исконной лексике отсутствует фонологическая оппозиция *s* ~ *ʃ*, а единая фонема /*s*/ представлена по диалектам в виде звукотипов [*s*, *ʃ*, *ʃ*].

Для сакско-ваханской группы показательны рефлексы общеиранской группы **ʃ*, сохранившие шипящий характер праиранского **š* и предстающие в виде не *ʃr*, как во многих других иранских языках (включая авестийский), а шипящего *ʃ*. Ср., например, продолжения и.-е. **ekwo-s* ‘конь, лошадь’: арийск. **aśua-* > праиран. **aśua-* (ср.

др.-инд. *aśvu-*) > хс. *aśša-*, вах. *yaš*, при ав. *aspa-*, др.-перс. *asa-* (в композите *asa-bāra-* 'всадник'); продолжения и.-е. **k̑yon-* : *k̑un-* 'собака, пёс' (ср. лит. *šiuō*, ген. *šiuōs* 'пёс, собака'; лат. *canis*, греч. *κύων*, *κυνός*, гот. *hun-d-s*, нем. *Hund*, рус. *сука*, притом что рус. *собака* многими исследователями считается иранским заимствованием из **spaka-* [Pok. IEW, 632–633; Mh. KEWA–23, 402–403]) > арийск. **śyan-* : *śun-* > индоиран., праиран. **śyan-* : *śun-* (ср. др.-инд. *śvan-* : *śun-*, ном. *śvā*, ж.р. *śunī-*) > ав. *sran-* : *sūn-* (ном. *spā*), ж.р. *sūnī-* 'собака' и производные: индоиран., праиран. **śya-ka-* (ср. др.-инд. *śvaka-* 'волк' — из и.-е. **k̑un-ko-*) > ав. *spaka-* 'собаководный', мид. **spaka-* (*спáжа*), др.-перс. **saka-* (при закономерном развитии здесь **śy-* > *s-*); ср.-перс. *sak*, кл. перс., тадж. *sag*, совр. перс. *sāg* 'собака, пёс', но вах. *šac* 'собака' (< **śya-čī-*, с суффиксом. ж.р. **-čī-* [Morg. PFL II, 469]). Подробнее об отражении **śy* и примеры см. [Morg. PFL II, 453, 541; Morg. ID, 105; Ст.-К ЭСВЯ, 327; СГВЯ-Ф 81, 84, 119–120]).

Отличия отражения общеиранской группы **śy* (из и.-е. **k̑y*) от группы **sp* (из и.-е. **sp*) отмечаются и в скифо-осетинской группе (где с **ś* совпала **š*), и в древнеперсидском языке (где первая группа отражается в исконных словах как *s*, вторая сохраняет смычный элемент — *sp*).

§ 5. В составе же консонантных групп, особенно в частотных сочетаниях «рефлекс палатального + *t*», шипящий компонент общеарийских рефлексов палатальных сохраняется во всех языках индоиранского мира (включая и авестийский язык), поскольку развитие шло здесь путем преобразования группы **k̑t* > **čt* > **čt* > **št* > **št*. Например, индоевропейское **oktō(u)-* 'восемь' дало позднеарийское **actā(u)-* и — далее — индоиран. **aštā-* > **aštā-* > праиран. **aštā-* > авест. *aštā-*. Особенно наглядно это обнаруживается в глагольных основах от корней с исходом на палатальный, где презентные основы содержат рефлекс палатальных в интервокальной позиции, а исторические причастия на **-ta-* (ставшие затем в большинстве иранских языков основами прошедшего времени) — в позиции перед **t*: ср., например, и.-е. **k̑ek̑-* > арийск. **kač-* > праиран. **kaś-* 'смотреть' (ср. др.-инд. **kaś-*, наст. вр. *kāśate*), откуда праиран. презентная основа **kaśa-* (ср. ав. *kasa-*) ~ причастие **kašta-* > **kašta-* (шугн. *čīs-* : *čūxt*, язг. *kas-* : *kūxt* 'смотреть'; ср. также шугн. *kat-* с *t* < *št*, осет. *kæst* / *kast* с *s* < *š*). То же в отражениях звонких: и.-е. **uegh-* 'передвигаться, ехать' > арийск., индоиран. **uajh-* (ср. др.-инд. *vāhati*); в иранских языках презентная основа продолжает образование **uaza-*, причастие — **uašta-*, ср. ав. *vazaiti* : *vašta-*, шугн. *wāz-* : *wīxt*, язг. *waz-*, *wex-* : *wēxt* 'плавать, купаться'.

Характерно, что это был индоиранский путь (аналогии мы видим в древнеиндийском языке), но не общеарийский, поскольку в нуристанских имеются недвусмысленные свидетельства иного развития этих групп на последних стадиях, а именно: **čt* > **ct* > *st* (ср. в языке прасун *āstē* 'восемь' из более раннего **actā(u)*- < позднеарийское **actā(u)*- < индоевропейское **oktū(u)*-). Таким образом подтверждается наличие шипящего компонента в артикуляции рефлексов палатальных в наиболее раннюю индоиранскую эпоху, что отразилось в иранских языках, как и в индоарийских, в отличие от нуристанских.

§ 6. Тем самым по признаку отражения позднеиндоевропейских палатальных диалектный континуум общеиранского праязыкового периода членился на различные ареалы: центральный, для которого был характерен относительно ранний переход **š* > *s*, **ž/j* > *z*, и маргинальные, где процесс изменений **š*, **ž/j* был замедлен или пошел иным путем. Подробнее с примерами см. [СГВЯ-Ф, 38–45, 80–92, 112 и сл.]; об отражении индоевропейских палатальных в языках арийской семьи в целом см. также [Эдельман 1992, 1994, 58–63].

§ 7. В славянских и балтийских языках изменение индоевропейских палатальных прошло по-разному и независимо друг от друга. А.Мейе рассматривает славянский и балтийский материалы отдельно [Мейе 1951, 24–25]. Вместе с тем, по мнению С.Б.Бернштейна, праславянский язык в эпоху, предшествовавшую балто-славянскому союзу, отражал индоевропейские палатальные в виде *ʃ*, *ž*, т.е. отличными от *s*, *z* звуками (см., например, праслав. *ʃm̃t-* < и.-е. **k̃rtom*, ср. ав. *satəm*, лит. *šim̃tas* 'сто', праслав. *žnatēj*, ср. лит. *žinoti* 'знать', праслав. *az* 'я' < и.-е. **eǵ(h)-om*, ср. лат. *ego*, лит. *aš* и т.д. [Бернштейн 1961, 151–154]). По мнению О.Н.Трубачева, «прабалтийский рефлекс и.-е. *k̃* — *š* неизвестен праславянскому, проделавшему развитие *k̃* > *c* > *s*. Найти здесь "общую инновацию системы согласных" элементарно невозможно, и недавняя попытка Шмальштага прямо соотносить *š* в слав. *pišeti* 'пишет' (из *sjl*) и *š* в лит. *piešti* 'рисовать' должна быть отвергнута как анахронизм» [Трубачев 1983, 239].

По мнению Р.Бошковича, в языках группы «сатэм» изменение индоевропейских палатальных в аффрикаты и фрикативные фонемы происходило разными путями: а) *k̃* > *č* > *š* (древнеиндийский и литовский языки), *ǵ* > *ž* (литовский язык), *ǵh* > *džh* (> *žh* > *h* древнеиндийский язык) > *dž* > *ž* (литовский язык); б) *k̃* > *c* > *s* (авестийский, древнепрусский, латышский и праславянский языки), *ǵ*, *ǵh* > *d(z)h* > *dz* > *z* (авестийский, древнепрусский, латышский и праславянский языки) [Бошкович 1984, 96].

Однако следует еще раз подчеркнуть сказанное выше: предположение о развитии по пути $\hat{k} > c > s$ (как и $\hat{g}, \hat{gh} > d(z)h > dz > z$) для языков иранской семьи, включая авестийский, в корне ошибочно. В этой схеме не учитываются рефлексы других иранских языков, да и авестийские рефлексы учтены не все, поскольку вне разумных объяснений остаются авестийские же архаизмы в виде сохранения шипящего характера рефлексов индоевропейских палатальных в позиции перед смычными согласными. А последний объясняется именно прохождением авестийскими рефлексами индоевропейских палатальных через этап общеарийских палатальных аффрикат $*\acute{c}, *j, *jh$, с дальнейшим развитием в данной позиции по типу $*\acute{c} > *j > *s$ (см. приведенный выше пример отражения и.-е. $*\acute{o}k\hat{i}\acute{o}(u)$ - в виде авестийского $a\acute{s}t\hat{a}$ -). Кроме того, при объяснении развития через этапы типа $*\hat{k} > *c > s$ сбрасываются со счетов другие иранские языки, среди которых особенно значимы, как уже говорилось, языки древнеиранских маргинальных ареалов. В этом отношении аналогом предполагаемого Р.Бошковичем славянского пути развития ($\hat{k} > c > s$) является скорее нуристанский тип отражения палатальных, но с поправкой на прохождение им арийского этапа в виде палатальной аффрикаты $*\acute{c}$.

С точки зрения историко-фонетических законов нельзя исключить прохождение рефлексами палатальных в праславянских диалектах раннего периода (до балто-славянского союза) предполагаемого С.Б.Бернштейном этапа неких «зашумленных», или, по его определению, «мягких» согласных, отличных от s, z . Отражение в литовском языке индоевропейских палатальных в виде шипящих \acute{s} и \acute{z} в разных позициях свидетельствует о возможном аналогичном раннем их развитии и в других балтийских языках (с последующей ассимиляцией в прусском и латышском). Ср., например, лит. *dėšimt* 'десять' ~ лтш. *desmit*, рус. *десять*; лит. *aštuoni* 'восемь' ~ лтш. *astuōni*, рус. *восемь*; лит. *žinoti* 'знать' ~ лтш. *zināt*, рус. *знать*; лит. *aš* 'я' ~ лтш. *es*, слав. $(j)azь$; лит. *dšakà* 'рыбья кость' ~ лтш. *asaka* — то же, рус. *осока*; лит. *aštrus* 'острый' ~ лтш. *ass, ašs* 'сильный, острый' ~ рус. *острый* и др. [Fraenkel LEW I, 18–19, 91; II, 1310–1311]. При этом литовские рефлексы подтверждают арийский путь развития индоевропейских палатальных: через этапы палатальных аффрикат с переходом в палатальные же щелевые. Ассимиляция палатальных щелевых в обоих случаях (т.е. в части балтийских языков и в большинстве иранских) при таком ходе развития является вторичной.

§ 8. Таким образом, для языков группы «сатэм», включая арийские, славянские и балтийские, общими явились отсутствие системной депалатализации индоевропейских палатальных согласных и

процессы их аффрикации по первоначальному типу $*\hat{k} > *č$, однако последующие переходы $*č$ в $*ć > *c$, или $*č$ в $*ć > *c > *s$, или $*č$ в $*ć > *ś > *š$, или $*č$ в $*ć > *ś > *z$ происходили уже параллельно и независимо в разных ветвях и даже под-ветвях группы «сатэм».

Характерно также, что окончательный сдвиг рефлексов палатальных в группу сибилантов в славянских и большей части иранских языков произошел относительно поздно — позже перехода индоевропейского $*z$ в определенных позициях в $*š$ и в слав. x (т.е. после окончания действия правила RUKI, см. ниже, § 11), в противном случае действие этого закона охватило бы и новые s, z из индоевропейских палатальных (см. также [Бернштейн 1961, 154]).

§ 9. Особое явление представляют собой так называемые «кентумные» слова в славянских, балтийских и иранских языках, т.е. слова с k, g вместо ожидаемых s, z . В некоторых случаях отражение индоевропейских палатальных в виде k, g в славянских языках объясняется как результат диссимилиации, если в слове уже содержался исконный сибилант: ср., например, рассмотренное А.Мейе отражение $*gvēzda$ в виде чеш. *hvězda*, польск. *gwiazda*, н.-луж. *gwězda*, полаб. *gjōzda*, при рус. *звезда*, лит. *žvaigždė*, лтш. *zvaigzne*, др.-прус. *swāigstan* (акк.), см. [Мейе 1951, 24–25]. Сюда же А.Мейе относит и случай отражения в виде k срединной палатальной, когда за ней следует r : *svekru*, при др.-инд. *śvaśrū-* 'свекровь' и т.д. (там же, 25). С.Б.Бернштейн считает такие явления результатом чередования типа $*\hat{k} \sim *k$ в индоевропейском [Бернштейн 1961, 152 и сл.], ср. индоевропейские реконструкции в [Pok. IEW, 1043–1044]: $*suekrū-$ 'свекровь' и вторичное $*suekuro-$ 'свекор' (из $*suekruro-$), в которых предполагается чередование $k \sim \hat{k}$. То же отражено в этимологиях в [Sabaliauskas 1990, 45 и др.]. Ср. также ав. *x'asura-*, др.-инд. *śvaśūra-*, лит. *šėšuras* 'свекор', указывающие на индоевропейский прототип $*suekuro-$ с палатальным $*\hat{k}$.

Однако во многих случаях это явление, строго говоря, должно быть предметом рассмотрения не столько исторической фонетики, сколько этимологии. По мнению О.Н.Трубачева, определенные «кентумные» слова в праславянском носят бесспорно культурный характер и являются в значительной степени результатом кельтского влияния.

В качестве примеров О.Н.Трубачевым рассматриваются некоторые слова, относящиеся к праславянскому фонду. Так, праслав. $*korva$ — название домашнего животного — культурный термин, восходящий (через стадию $*kārāvā$) к форме, близкой к кельт. *car(a)vos* 'олень', притом что славянское слово должно было быть $*sorva$, с рефлексом s , который есть в слав. $*sьrna$ — обозначение дикого животного.

Праславянский передал это свое звучание **kārāvā* или **korāvā* вместе с его акутовой интонацией балтийскому (лит. *kārvė*), в котором это слово тоже стоит изолированно [Трубачев 1983, 243]. То же относится к праслав. **konь* 'конь, лошадь', которое едва ли объединяемо в одну группу с **kom(o)нь*, **kobнь*, **kobyла*. Более перспективно сопоставление его с кельт. (галльским) **kankos* / **konkos* 'лошадь', сохранившимися в остаточных формах и в антропонимах и родственным др.-исл. *Há-* 'лошадь', *hestr*, др.-в.-нем. *hengist*, нем. *Hengst* 'жеребец', при этом ср. лит. *šankūs* 'проворный, быстрый'. Все эти слова восходят в конечном счете к и.-е. **kā(n)k-* 'скакать' с носовым инфиксом. Кельт. **kanko-* / **konko-* 'скакун' при заимствовании было интерпретировано как славянский диминутив с суффиксальным *-k-*, поэтому в славянском первична форма **konikь*, **konьkь*, а **konь* — вторична, сложилась уже на славянской почве. Это не единственный случай заимствования из кельтского «лошадиной» терминологии, ср. галльско-латинское название пони *tapnus* из кельт. **mandos* и нем. *Pferd* из греческо-кельтского гибрида *paraverēdus* (подробнее см. [Трубачев 1983, 243, 254], там же литература).

Сюда же относятся «каменные» слова в балтийских и славянских языках, типа рус. *камень*, лит. *akmuō*, лтш. *akmens* (при наличии также лит. *ašmuō* и *āšmenys* 'острие, лезвие', лтш. *asmens* 'клинок, лезвие'), при праиран. **ašmān-* 'камень; небо' (← 'небесная твердь'), ср. др.-инд. *aśman-*, перс. *dsmān* 'небо' от и.-е. корня **ak-*, **ok-* 'острый, остроконечный; имеющий острые грани; камень' [Pok. IEW, 18–22; Fraenkel LEW I, 5; Sabaliauskas 1990, 45; ЭСИЯ-1, 237] и др. (в частности, рус. *молоко* и пр.).

В.И.Абаев относит такие случаи к категории «перекрестных изоглосс» и считает, что в славянских языках имеет место отражение и.-е. **k̄*, **ġ*, **ġh* в виде как *s*, *z*, так и *k*, *g* [Абаев 1968, 255–258, особенно с. 257]. Не оспаривая этого положения и самого понятия «перекрестные изоглоссы» в целом, хотелось бы добавить, что каждый случай, входящий в такую группу слов с закономерными исключениями, нуждается во всестороннем анализе и объяснении, поскольку причины этих исключений могут быть различными: фонетическими (включая фонемную синтагматику и просодические моменты), морфологическими (например, парадигматическое выравнивание в разные языковые эпохи), фонетико-синтаксическими (например, сбои в анлауте, связанные с явлением внешнего сандхи), лексическими (ранние заимствования, не всегда легко распознаваемые; изменения по аналогии с другим, сходным по семантике, словом и т.п.), социолингвистическими (уподобление произнесения какого-либо слова аналогичному слову «престижного» языка в данном регионе) и т.д.

Рефлексы индоевропейской *s

§ 10. Сходно, но не вполне одинаково развивалась в иранских и славянских языках индоевропейская фонема *s — единственная для индоевропейской системы фрикативная фонема, реализовавшаяся в виде двух основных аллофонов — [s] и — перед звонкими согласными — [z].

Правило RUKI

§ 11. Ныне мы имеем более полное представление о фонетическом и фонологическом действии одного из наиболее древних изменений и.-е. *s в рамках так называемого правила RUKI, т.е. правила, согласно которому индоевропейская *s после *r, *k (и рефлексов *k^h), *k̂, *u, *u, *i, *i, *ə подвергалась в языках группы «сатэм» определенным изменениям. Наиболее общие рефлексы — в большинстве арийских языков и в балтийских — шипящие, *š*-образные согласные или — в праславянском — *x*, *š*.

§ 12. В арийских языках и.-е. *s отражалась в виде *š*-образных звуков (ср. др.-инд. *ś*, общеиран. **š*) после *i (включая *i < и.-е. *ə), *u, *r (включая *r < *l), *k (из и.-е. *k, *k^h) и после рефлексов и.-е. *k̂. При этом наблюдаются определенные этапы как протекания данного фонетического процесса, так и фонологизации его результатов.

Установлению этих этапов в арийских языках помогают характерные исключения: 1) отражение в прануристанском индоевропейской *s в виде *s* после *u, притом что в собственно индоиранских языках *s после *u переходит в *š*-образные звуки, как и в других позициях, согласно этому правилу. После *i, *r, *k и после рефлексов палатальных правило RUKI действует во всех арийских ветвях; 2) сохранение *s* в группе *sr* в древнеиндийском, притом что в иранских языках *s в этой позиции подвергается переходу в *š*-образные звуки. Ср., например, др.-инд. *tisrás*, при ав. *tišrō* 'три' (ж.р.).

§ 13. В ряде трудов переход *s > *š* рассматривается как палатализация, что, во всяком случае для арийских языков, не совсем так. При общей фонетической тенденции к появлению дополнительного фокуса у *s после указанных индоевропейских звуков характер этого фокуса варьировал в зависимости от характера предшествующего звука: после *r, *k и в большинстве диалектов после *u возникал дополнительный заднеязычный (велярный) фокус, порождая веляризованные (твердые) шипящие звукотипы [š̌, š̌], а после *i и рефлекса *k̂ (возможно, уже представлявшего к этому времени аффрикату

[č] или [č̣]) возникал дополнительный среднеязычный (палатальный) фокус, порождая палатализованные (мягкие) [ṣ̌, ṣ̣̌].

Первоначально это были позиционные варианты, находившиеся в положении дополнительной дистрибуции друг с другом и со свистящим [s]. В диалектах прануристанской зоны после *u фонема *s реализовалась, по-видимому, также в виде лабиализованного свистящего [ṣ]. Перед звонкими согласными выступали соответственно варианты [z, ž, ẓ̌, ẓ̣̌, ẓ].

Позднее — после отделения нуристанских диалектов и перехода в индоиранских языках рефлексов палатальных перед согласными в ž- и ẓ̌-образные звуки — прежняя дополнительная дистрибуция между свистящими и шипящими оказалась размытой, что способствовало фонологизации оппозиции s ~ ṣ̌. При этом в древних индоиранских диалектах образовались также минимальные пары (типа ав. *asti* 'он есть' < и.-е. **es-ti*, но ав. *ašti-* 'мера ширины в четыре пальца' — производное от раннеиндоевропейского **okto-* 'четыре'). В нуристанских языках фонологизация этой оппозиции сопровождалась закреплением звукотипа [ṣ] за фонемой s, как и рефлекса *ḳ в позиции перед согласным: см. в языке прасун *müsu* 'мышь' < и.-е. **mūs-* 'мышь, мышца'; *āstē* 'восемь' из и.-е. **oktō(u)* [Kuiper 1978 (III), 101], при праиран. **mūš-*, **aštā(u)*.

Реализация новой фонемы ṣ̌ по ареалам была различной: в древних диалектах нуристанской и индоарийской групп, а также в юго-восточных иранских диалектах она реализуется веляризованными твердыми звукотипами, в западной зоне иранских диалектов — преимущественно палатализованными, мягкими, что отражается в ее дальнейших рефлексах; ср. отражение праиран. **gauša-* 'ухо', **maiša-* 'баран' (из и.-е. **moiso-* 'баран, овца; кожа, шкура'), **maiši-* 'овца' в виде: ншт. (афг.) *γwaž, maž, mež*, шугн. *γiγ, maγ*, руш. *γōw, tēw*, язг. *γəvon, taw*, ишк. *γūl/l, mel* — с рефлексами твердого ṣ̌, но кл. перс. *gōš, mēš* и т.д. с относительно мягким ṣ̌ (подборку примеров см. [Оранский 1979, 177–178]; подробнее о фонетических факторах см. [СГВЯ-Ф, 106–118; Расторгуева 1990, 71–75, 134–137, 210–212]).

Древнеиндийское исключение в виде sγ связано именно с бемольностью здесь ṣ̌, сходной с бемольностью r: артикуляционный элемент постальвеолярности воспринимался, вероятно, не как ингерентный, а как резонансный, относящийся не к одному сегменту [ṣ̌], а к консонантной группе [ṣ̌r] в целом, т.е. как результат регрессивной ассимиляции со стороны r, не значимый фонологически и потому не включившийся в историко-фонологический процесс (см. выше).

Подробнее об этих процессах в арийской семье см. также [Morgenstierne 1945, 232, 1974, 9, Morg. ID, 340; Buddruss 1977, 38; Барроу 1976, 78; СГВЯ-Ф, 47 и сл.; Эдельман 1994].

§ 14. В славянских языках этот процесс имел несколько иное развитие: в случаях, когда за рефлексом и.-е. *s в этой позиции не следовали взрывные согласные *p, t, k* или сонанты, она отражалась как праславянская *x*, например: и.-е. *sniso- > праслав. *snixa 'сноха', и.-е. *moiso- > праслав. *moix > рус. мех (ср. праиран. *maiša- 'баран'), и.-е. *saus-, sus- > праслав. *soux- 'сухой' и т.п.; перед *p, t, k* выступала шипящая *š*. Об артикуляционной базе, относительной хронологии возникновения *x* и о путях развития здесь *x* вместо *š (ср. рус. муха ~ мушка, ухо ~ ушко) велась дискуссия, однако само распределение *š* и *x* на первых порах в праславянском как будто сомнению не подвергается (см. [Мейе 1951, 26–30, 80–81, 105; Бернштейн 1961, 154, 160–165; Бошкович 1984, 97–100, особенно с. 99]). Об исключениях в раннем праславянском см. [Бернштейн 1961, 161–165].

В балтийских языках ситуация более разнообразна: в литовском правило RUKI действовало обычно при положении *s после *r и *k. При положении ее после *i, *u следы воздействия этого правила менее ясны. Как показал в своем исследовании С.Каралюнас, в словах с *i, *u его действие в значительной мере ослаблено и затушевано влиянием на фонологический уровень со стороны морфологии и словообразования, включающих те или иные формы с рефлексам *s после *i, *u в определенные парадигмы, где они подвергаются парадигматическому уподоблению, либо рефлекс *s оказываются в них подвержены ассимиляции, либо поглощаются другими соседними звукотипами. Все это размывает стройную историко-фонетическую схему [Каралюнас 1966, 113–126]. В некоторых случаях на отражение в виде s вместо *š могут влиять и ассимилятивные процессы (ср. лит. sausrá 'засуха' от и.-е. корня *saus-, sus- 'сухой' и лит. aušrà 'заря' от и.-е. корня *ues-, *aues- 'рассветать, светить' в огласовке *us-), см. [Эдельман 1994, 63–64]. В латышском и древнепрусском во всех этих случаях представлена s вместо ожидаемой *š, как и при отражении и.-е. *k̄. И в этом случае также возможно предположить вторичный переход *š > s в данных языках [Бернштейн 1961, 161]; ср. так называемое «мазурение» в мазовских и малопольских говорах польского языка и отсутствие фонологического противопоставления s ~ š в осетинском. Имеется также гипотеза, согласно которой ход этого процесса имел ареальную зависимость: начало процессу — переходу *s в š-образные звуки в диалектах индоевропейского конти-

нуума — было положено в некоем едином центре, по отношению к которому протобалтийские диалекты находились на периферии данного ареала, а переход этого *š в x в праславянском был одним из первых (после трансформаций групп *sk > š и *sg > š) собственно праславянских фонетических изменений [Чекман 1981, 36–37].

§ 15. Таким образом, мы можем констатировать, что правило RUKI действовало во всех арийских, славянских и балтийских языках, но на действие его в той или иной группе налагались дополнительные индивидуальные правила и ограничения. При этом в славянских и в той части арийских языков, где индоевропейские палатальные перешли в сибиллянты, действие правила RUKI прошло и прекратилось прежде, чем совершилась ассимиляция палатальных; в противном случае это правило охватило бы и их.

К числу частных правил, обусловивших исключения из правила RUKI, можно отнести упомянутое выше воздействие ассимилятивных процессов, а также морфологии и словообразования, вызывающих «закономерные исключения» в разных языках. Ср., например, ав. *usaiti* 'светает' < и.-е. **us-ske-ti*, где ожидаемая *š в корне *иш- поглощается последующей *s в начале продуктивного в праиранском и в более поздние эпохи суффикса *-sa- из индоевропейского инхоативного суффикса **ske/o-* (ср. именные образования от того же корня, например, ав. г., п. *ušah-* '(утренняя) заря, рассвет'); то же в др.-инд. *ucchati* < и.-е. **us-ske-ti*, при лит. *aušta* и т.п. Подробнее о принципах воздействия таких «закономерных исключений» на правило RUKI и об изменениях по аналогии см. [Каралюнас 1966; Andersen 1968; СГВЯ-Ф, 47–49, 88; Эдельман 1994, 63–65, 1995]. См. также ниже, § 70 и сл.

Рефлексы индоевропейской *s в других позициях

§ 16. В других позициях индоевропейская *s в праславянском языке, как и в общеарийском, сохраняется в виде *z (и позиционно — перед звонкими согласными — *z).

§ 17. В иранских же языках она подверглась затем определенным новым изменениям, породив ряд инновационных процессов: во всех иранских диалектах праязыкового периода произошел переход *s в *h в свободной позиции (т.е. в начале слова перед гласными и отдельными согласными, в частности *m, *r, в середине или исходе слова в соседстве с гласными и перед теми же согласными), что коренным образом отличает иранские языки от нуристанских и индоарийских². Иногда говорят даже о фронтальном системном переходе *s в *h в общеиранском, однако на самом деле это не так: переход

*s в *h был строго позиционным и происходил только в указанных фонетических положениях. В случаях, когда за *s следовали глухие смычные согласные (включая придыхательные), *č и *n, либо когда перед *s находились *t, *d, *n, т.е. в позициях, консервирующих дентальную интенсивную артикуляцию, сибилантная глухая артикуляция *s сохраняется³; в позиции перед звонкими согласными сохраняется ее реализация в виде *z. Ср., например, отражение *s в парадигме ед. числа глагола-связки: 1-е л. *ahmi (< арийск. *asmi < и.-е. *es-mi), 2-е л. *ahi (< арийск. *asi < и.-е. *es-si), но 3-е л. *asti (< арийск. *asti < и.-е. *es-ti), повел. накл. *(a)zdi, ср. ав. zdi (< арийск. *(a)s-dhi < и.-е. *es-dhi), ср. также язг. z(ə)nay 'снег' из праиран. *snig- или *snaig- и т.п. Подробнее о позиционном распределении праиранских рефлексов *s см. [Bartholomae 1895, 16–17].

При следовании *s после *p зафиксировано изменение типа *ps > *fš (возможно, по аналогии с соответствующим изменением группы, продолжающей сочетание *p с рефлексом индоевропейской палатальной: *p + *k̂ > арийск. *pś > иран. *fš). Подробнее см. [Bartholomae 1895, 5 и сл.; Benveniste 1968, 64; Оранский 1979, 50, 57; СГВЯ-Ф, 23–24, 27; Расторгуева 1990, 67–71].

§ 18. Учитывая все эти моменты рефлексации индоевропейской *s, можно говорить не об общем переходе индоевропейской и арийской *s в иранскую *h, а о соответствующем позиционном изменении и о наличии в общеиранской системе единой фонемы *s/h/z с вариантами, обусловленными позицией.

Самостоятельную фонологическую значимость звукотип *[h] обрел позднее, в ходе дальнейших изменений в системе. И только после фонологизации h и тем самым после утраты фонемой s начальной, интервокальной и других позиций, происходит полная ассимиляция рефлексов общеиранской *ś (< и.-е. *k̂) с переходом их в s и совпадением с [s] из других источников. В случае ранней ассимиляции рефлексов *ś и совпадения их с рефлексами арийской *s переход *s > h затронул бы и те и другие рефлексы. Подробнее об этих процессах и их относительной хронологии см. [СГВЯ-Ф, 40–41, 50–54]. Здесь же следует подчеркнуть, что свидетельства относительной хронологии фонетических и фонологических изменений еще раз указывают на сравнительно поздний период окончательной ассимиляции рефлексов индоевропейских палатальных в иранских языках (точнее — в большинстве из них), а также на иной, чем в славянских и балтийских (и даже в других арийских) языках, фонологический фон, на котором протекал данный процесс.

Ср. мнение о трудности разграничения типологического сходства и генетического родства славянских, балтийских и индоиранских языков в отношении перехода и.-е. *s > š и «второй» палатализации гуттуральных с тезисом о невозможности в последнем случае генетически общей черты [Бирнбаум 1987, 30].

§ 19. Особое развитие получила индоевропейская и общеарийская *s в праиранском в позиции перед *y: здесь образовалась группа *hy, которая очень скоро почти по всем диалектам общеиранского континуума перешла в монофонеми *xʰ, в некоторых диалектах — в *hʰ (давшую в отдельных языках рефлекс в виде f). Например, праиран. *xʰāhar- 'сестра' < и.-е. *syesor-, ср. праслав. *sestra-; праиран. *xʰasura- 'свекор', ср. праслав. *svetrъ; праиран. *xʰa-, *xʰai- 'свой', ср. рус. *свой* и т.д.

§ 20. В связи с этим встречающееся в отдельных трудах утверждение о сходстве славянского и иранского отражения индоевропейской *s в некоторых случаях в виде x нуждается в существенном уточнении. Здесь имеет место лишь частичное совпадение отражения *s в неодинаковых для иранских и славянских языков позициях: в славянских языках x представляет рефлекс индоевропейской *s, появившиеся в результате действия правила RUKI, в иранских — это праиранские *h или *xʰ, лишь позднее и лишь в отдельных лексемах в разных языках перешедшие в x, а главное эти *h и *xʰ возникли из индоевропейской *s как раз не в результате действия правила RUKI, а значительно позднее, только после того, как действие правила RUKI закончилось, и из *s в других позициях.

Таким образом, они не могут быть представлены в одной и той же исторической позиции и поэтому не могут рассматриваться как регулярные звукосоответствия. Это — позднее и неполное совпадение отдельных звуков в отдельных языках, имеющее чисто типологическую общность (ср. ослабление s > h в диалектах испанского языка). Ср. соотношение рефлексов и.-е. *s при действии правила RUKI и вне его: праслав. *souh- ~ праиран. *haus- 'сохнуть, сухой, сушь' из и.-е. *saus- : sus- [Pok. IEW, 881]; праслав. *bluxa- ~ праиран. *pffruša- 'блоха' из производного на *-usa- от и.-е. *blou- (bhlou-), plou- [Pok. IEW, 102]; праслав. *snuxa- ~ праиран. *snūsā- 'сноха' из и.-е. *snusó- [Pok. IEW, 978], церк.-слав. *slъnъ* ~ праиран. *hūar-, *xʰar- (и *hūar-) 'солнце' из и.-е. *suel-, sucel- и т.д. [Pok. IEW, 881] и др.

Рефлексы индоевропейских звонких согласных

§ 21. Более детализированным стало наше представление об отражении в иранских языках общеарийских и (возможно, диалектных)

позднеиндоевропейских звонких согласных: аспирированных ~ неаспирированных (и соответственно еще более ранних индоевропейских звонких ~ глухих глоттализированных, если следовать глоттальной теории, о ней см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984]).

Так, стало очевидно, что в нуристанских языках они отражаются как звонкие неаспирированные смычные, при сохранении различия в их артикуляции в собственно индоиранских языках. То есть отделившиеся от арийской общности нуристанские языки относительно скоро бесследно утратили аспирацию звонких аспирированных (или не развили ее до фонологического признака, если следовать теории Гамкрелидзе-Иванова [Гамкрелидзе, Иванов 1984 I, 10 и сл.]), в то время как собственно индоиранские языки дольше сохраняли (или развили до фонологического признака) этот элемент артикуляции.

В древнеиндийском оппозиция звонких аспирированных (*bh, *dh, *gh) и неаспирированных (*b, *d, *g) сохранилась и стабилизировалась, и на этом фоне более устойчиво фонологизовалась аналогичная оппозиция глухих.

В диалектах общеиранского обе эти серии звонких совпали в единую фонологическую серию, утратив признак аспирированности. В фонологической транскрипции они обозначаются *b, *d, *g, однако их фонетическая реализация по группам диалектов праиранского континуума была неодинаковой. Практически основное генетическое членение иранской семьи на западную и восточную группы началось именно с трансформации звонких придыхательных и непридыхательных согласных.

§ 22. В праиранских диалектах восточного ареала, где, как и в праиндоарийских диалектах, аспирация удержалась дольше и где, по-видимому, она была относительно сильной, возобладала аспирированная артикуляция, реализовавшаяся в сильной позиции (а таковой было начало слова) в превращении аспирированного смычного в сплант (первоначально — только на фонетическом уровне, поскольку оппозиции звонких согласных по признаку «смычный ~ щелевой» еще не было). По аналогии с аспирированными повели себя рефлексы звонких неаспирированных. В результате в восточноиранских языках в анлауте наблюдается переход в спланты звонких аспирированных, а затем по аналогии с ними (при утрате оппозиции аспирации у звонких) и звонких неаспирированных, т.е. по типу *gh- > *γ- и по аналогии *g- > *γ- (то же *dh- > *δ- и *d- > *δ-, а также *bh- > *ν- и нечастое *b- > *ν-). Тем самым разрушение оппозиции звонких аспирированных ~ звонких неаспирированных в восточноиранском ареале вызвало контаминацию их по типу реализации фонологической

серии звонких аспирированных. Например, праиран. **band-* 'связывать, вязать' > согд. *βnt-* [*vand-*], пшт. *wanday* 'завязка'; шугн. *vīnd-*, язг. *vənd-* 'вязать, связывать'; праиран. **gau-* 'корова' > согд. *γ'w*, пшт. *γwā*, шугн. *zōw* (ср. язг. *γew* 'бык'); праиран. **dantan-* 'зуб' > согд. *δnt'k*, шугн. *δindān*, язг. *δān* (мн.ч. *δəndəδ*) и т.д., см. [Оранский 1979, 132 и сл.; СТВЯ-Ф, 142 и сл.].

То же произошло в срединной позиции перед согласным: группы типа **bh + t* и по аналогии с ними **b + t* отразились (согласно закону Бартоломе [Bartholomae 1895]) как звонкие **bdh* со свойственной иранским языкам еще с праязыкового периода спирантизацией преконсонантного согласного и утратой аспирации, т.е. в виде иранских **wd*, **vd*. То же произошло и с группами **gh + t* и по аналогии **g + t* > **gdh* > **yd*. Например, индоиран. **duhtar-* 'дочь' > ав.п. *duydar-*, согд. *δwyt-* [*δuyd-*], язг. *δoyd*; в праиранском причастии от корня **gaib-*: шугн. *wižiwd*, язг. *γ'ovd* 'вернулся' из **yi-* или **aça-* + **gib-ta-*. Сочетания переднеязычных **dh*, **d* с **t* отражаются регулярно в виде *st*: др.-перс. *basta-* 'связанный'; шугн. *vūst*, язг. *vūst* 'связывать' (осн. прош. вр.) от праиран. **basta-* (из и.-е. **bhndh-* + *-to-*).

Предполагаемые в традиционных трудах переходы этих групп в праиран. **ft*, **xt* с последующим озвончением в вост.-иран. **vd*, **yd* вовсе не являются необходимыми, а на фоне очень редких случаев действительного озвончения интервокальных консонантных групп в этих же языках представляются маловероятными.

§ 23. В ареале западных диалектов соотношение было обратным: ранняя утрата аспирации звонких привела к совпадению двух арийских серий в единую серию звонких смычных неаспирированных, а отсюда к отражению их в начале слова как **b-*, **d-*, **g-*, а в середине слова (также согласно закону Бартоломе) — в виде **b + *t* и по аналогии **bh + *t* > **pt* > *ft*; **g + *t*, и по аналогии **gh + *t* > **kt* > *xt*. Ср. перс. *band-* : *bast-* 'вязать, связывать', *gāw* 'корова', *dandān* 'зуб'; а также *duxtar* 'дочь' и др. (примеры см. [Оранский 1979, 132 и сл.; Расторгуева 1990, passim]).

Таким образом данные историко-фонетические и фонологические процессы, сопровождавшие дивергенцию иранских языков, были связаны с более ранней — общеарийской — оппозицией двух серий звонких согласных: аспирированных ~ неаспирированных (а в плане отражения результатов действия закона Бартоломе — и с еще более ранней оппозицией звонких ~ глухих глоттализированных согласных, см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984 I, 33–34, 405]).

§ 24. В славянских языках, как и в балтийских, в самом консонантизме следов позднеиндоевропейской оппозиции звонких непрдыха-

тельных и придыхательных нет: звонкие согласные продолжают в основных позициях как бы единую серию звонких смычных согласных *b, *d, *g (последняя — вне позиции палатализации, см. ниже). Этот факт даже породил в свое время сомнения в существовании двух серий звонких согласных в позднем индоевропейском (см. [Бернштейн 1961, 150]), однако последующие исследования обнаружили следы оппозиции этих серий и в диалектах — предках славянских и балтийских языков. Наиболее значим в этом отношении закон Винтера, согласно которому в этих диалектах гласные удлинялись перед звонкими неаспирированными, но сохранялись перед звонкими аспирированными [Winter 1978] (см. также интерпретацию этого закона в свете индоевропейской глоттализиции [Кортландт 1985, 45]).

Таким образом, в праславянском и прабалтийском, как и в праиранском, произошло слияние в единую серию двух позднеиндоевропейских серий звонких согласных.

Рефлексы индоевропейских глухих согласных

§ 25. Более детально исследована также судьба глухих согласных.

В нуристанских языках следов аспирации глухих не обнаруживается. Весьма вероятно, что ко времени вычленения нуристанской ветви из арийской группы серия глухих аспирированных согласных еще не была фонологически и фонетически устойчивой. Судя по неустойчивости и неоднородности их рефлексов в иранских языках, эта серия не обрела устойчивого фонологического статуса и в собственно индоиранском праязыке. По-видимому, фонологическая серия глухих придыхательных окончательно сформировалась уже в древнеиндийском.

В иранских языках, согласно традиции, арийские глухие придыхательные *ph, *th, *kh перешли в общеиран. *f, *θ, *x, различно отразившиеся по языкам. Однако сравнительно-исторические исследования фонетики и фонологии иранских языков последних лет показали, что в диалектах общеиранского состояния имелись перебои в отражении этой серии согласных, т.е., например, предполагаемая арийская *kh далеко не всегда отражается в виде общеиранской *x с соответствующими рефлексами, имеются примеры и отражения ее в виде общеиран. *k, а также с вариантами (ареальными и индивидуальными по языкам) *k/x. Особенно тяготеет к смычной артикуляции ваханский язык. Ср., например, разные способы отражения общеиран. *kan- // *xan- < *kan- // khan- 'источник, родник': ав. *xan-* 'колодец, родник' (ном. мн. *xā*), ст.-вандж. *kik*, язг. *xex* 'вода' (< *xā-ka- при ассимиляции -k > -x с начальным x-), но вах. *kik* 'источник,

родник', сар. *kewg* 'источник, родник' (из вах.), хс. *khāhā-*, ср.-перс. *xāh* и т.п. при др.-инд. *khā* [Абаев 1956 (II), 446]; материал восточноиранских языков см. также [СГВЯ-Ф, 140–142, 166–168, 186–187]. Сюда же относится общеиранское **kata-* 'дом, хижина; лачуга', производное от глагола **kan-* 'копать' (как и предыдущее слово), отразившееся в засвидетельствованном материале конкретных иранских языков с начальным **k-*, но в заимствованном из иранского диалекта (скифского?) украинском *xata* — с начальным **x-*.

Характерны также позиционные ограничения аспирированных, которые сформировались, по-видимому, еще в праиранских диалектах индоиранского континуума: здесь, в отличие от индоарийских языков, в позициях после *s* и носовых (очевидно, бравших на себя часть воздушной струи) придыхательные (глухие и звонкие) утрачивали аспирацию, сохраняя смычку (ср. **sth > st*, **zdḥ > zd*, **ndḥ > nd* и т.п., см. [Reichelt 1909, 39–40, 42–43; Соколов 1961, 31, 1979, 155]; подробнее см. [СГВЯ-Ф, 24–26, 55–56]).

При этом отмечается как бы «зеркальное» соотношение в их отражении с отражением соответствующих звонких: если в восточном ареале диалектов общеиранского состояния звонкие (придыхательные, а по аналогии с ними и непридыхательные) спирантизовались, проходя путь типа **gh-* > **γ-* и по аналогии **g-* > **γ-*, то глухие отражались по типу **k > *k*, **kh > *k/x*. Для западного ареала соотношение было обратным: если звонкие стремились к смычности, по типу **g > *g* и по аналогии с непридыхательными **gh > *g*, то у глухих придыхательных возобладала, как правило, щелевая артикуляция: **kh > *x*, хотя непридыхательные отражаются обычно смычными: **k > *k* (см. подробнее [СГВЯ-Ф, 139–142, 166–168, 186–187; Расторгуева 1990, 115, 121, 141–142, 179–183, 190–193, 218–223]).

Словарные расхождения в соотношении иранских рефлексов глухих аспирированных с индоарийскими, где эта серия была фонологизована, в частности с древнеиндийскими, показывают, что в целом ряде случаев иранский материал дает недвусмысленную реконструкцию праиранского глухого непридыхательного звукотипа там, где индоарийский имеет придыхательный (например, позиционно — в положении после **s*), реже — наоборот (ср. перебои в начале отдельных слов). Эти, а также многие другие факты указывают, что в общеарийском состоянии глухие аспирированные еще не были фонологизованы и что фонологизация согласных этой серии и праиранских щелевых рефлексов более ранних глухих аспирированных (скорее звукотипов, чем фонем) происходила различно по диалектам индоиранского и затем индоарийского и общеиранского ареала.

С этим связано наличие, например, таких древнеиранских диалектных вариантов, как **kan-* // **xan-*, **kata-* // **xata-*, о которых говорилось выше и на которые обычно обращают внимание в связи с иранско-славянскими изоглоссами (см. также в разделе «Лексика», § 15).

§ 26. Возможно, каким-то образом эти системные перебои, обусловленные отсутствием стабильного фонологического статуса глухих придыхательных в арийских диалектах — предках иранских и индийских языков, — повлияли и на отражение в ряде иранских слов общеарийских звонких придыхательных (и в отдельных лексемах — также звонких непридыхательных) согласных в виде глухих щелевых и их рефлексов. Ср., например, продолжения и.е. **dāiǵēr-* (ген. **daiyeres*) ‘деверь’ в виде тадж. диал. *evar* (из более раннего (*h*)*ewar* < праиран. **ḍaiǵar-*), ягн. *sewir* (при закономерном отражении в ягнобских диалектах *s* ~ *t* из общеиран. **ḍ*), осет. *t̃w / tew* (где *t* < **ḍ*), ишк. *sew* (с закономерным продолжением *s* < **ḍ*), пшт. *lewar* (где *l* может продолжать и **d*, и **ḍ*) и т.п., прошедшие предположительно через этапы праиранского диалектного **ḍaiǵar-* < позднеарийск. диал. **thaiǵar-* < раннеарийск. **dhaiǵar-*; ср. также общеиранский корень **uaf-* ‘ткать, плести’ (например, перс. *bāf-*, язг. *waf-* ‘ткать, вязать’) из и.е. **uebh-* (ср. нем. *weben*) и др. (обоснование и примеры см. также [Аб. ИЭСОЯ II, 149, 406, III, 297 и сл.; Эдельман 1982, 38–39, СТВЯ-Ф, 24]).

Подробнее свидетельства консонантизма об этапах филиации арийской общности см. также [Эдельман 1992].

§ 27. В славянских и балтийских языках индоевропейские глухие согласные отразились в основных позициях в виде глухих же **p*, **t*, **k* (вне позиции палатализации, см. ниже). Оппозиция глухих по признаку аспирации, отсутствовавшая на фонологическом уровне в позднем индоевропейском языке, не выработалась и в диалектах — предках этих языков.

Тем самым в отражении индоевропейских смычных согласных разных серий в иранских и славянских (и балтийских) языках наблюдается единая тенденция к сокращению количества этих серий. Однако нет доказательств генетической общности этого процесса.

Ранняя палатализация заднеязычных согласных

§ 28. Как говорилось выше (см. примеч. 1), при совпадении в языках группы «сатэм» индоевропейских веларных (**k*, **g*, **gʰ*) и

лабио-велярных (т.е. лабиализованных велярных, условно обозначаемых в виде $*k^w$, $*g^w$, $*g^wh$) образовался единый ряд велярных $*k$, $*g$, $*gh$. Далее, перед индоевропейскими $*i$, $*e$ они подвергаются палатализации, в остальных позициях остаются велярными. При этом не во всех языках группы «сатэм» эта палатализация имела фонологические последствия. В диалектах — предках славянских и арийских языков (включая иранские, индоарийские и нуристанские) наблюдаются общие параллельные фонетические явления — развитие этих согласных в виде продвижения вперед и аффрикации (т.е. реализации в виде $*č$, $*j$, в арийских языках также $*jh < *gh$) с последующей фонологизацией $*č$, $*j$, арийск. $*jh$, слав. $*ž$, притом что фонетические условия и фонологический фон такого изменения (называемого в литературе в традициях разных школ также «первой палатализацией» и «второй палатализацией») в славянских языках и в арийских были неидентичны. В прабалтийском же рефлекс велярных в позиции палатализации остались в сфере велярных палатализованных, не перейдя в разряд аффрикат. Ср., например, соответствия типа и.-е. $*k^w etuer-$, $*k^w etuor-$ 'четыре' > рус. *четыре*, др.-инд. *catvar-*, праиран. $*čatuar-$, но лит. *keturi*; и.-е. $*g^w tijos$ 'живой' > рус. *живой*, *жить*, др.-инд. и праиран. $*jīau-$ (ср. также в конкретных иранских языках: язг. *žaw-* 'выжить после тяжелой болезни', ягн. *ži-* 'жить'), но лит. *gyvas* 'живой'.

Характерно закрепление разных рефлексов индоевропейских велярных и лабио-велярных в «простой» и палатализованной позициях в разных основах от одного и того же индоевропейского корня при возможной семантической поддержке такого размежевания и дальнейшей поляризации форм с выработкой аналогических: и.-е. $*k^wo-$, $*k^we-$, ж.р. $*k^wā-$; $*k^wei-$ — вопросительное местоимение [Рок. IEW, 644–647] — праиран. $*ka-$ и $*ča-$, например, ав. ед.ч. м. и ср. р. ген. *kahyā* и *čahyā* (ср. др.-инд. *kasya*), дат. *kahmāi* и *čahmāi* (ср. др.-инд. *kasmāi*) и др., совр. тадж. *kī* 'кто', *čī* 'что, какой; (о животном) кто', язг. соответственно *kī* ~ *čīg* (именная классификация в иранских языках строится по признаку «личность ~ не-личность»); ср. также праслав. $*kō-to$ ~ $*čō-to$ (с частицей *-to*) и продолжающие эту оппозицию рус. *кто* ~ *что* (при именной классификации «одушевленный ~ неодушевленный»).

В дальнейшем в ряде иранских языков, как и в славянских, продолжается тенденция к позиционной палатализации заднеязычных согласных, причем неодинаковая в различных языках. Об этом будет сказано ниже.

Рефлексы индоевропейских гласных

§ 29. Система иранского вокализма представляет собой результат постепенного «свертывания» индоевропейской системы до двух гласных фонем еще в общеарийском состоянии: краткой *a* и долгой *ā* (соответственно из и.-е. кратких *e, *o, *a и длинных *ē, *ō, *ā), имеется также звукотип [i] (из и.-е. *a в определенных позициях), совпадающий с праиранским слоговым вариантом сонанта [i]. Кроме того, возможно, в наиболее раннюю праиранскую эпоху существовал звукотип [ā] < [ā] из слоговых вариантов индоевропейских носовых сонантов; впоследствии этот [ā] совпал с гласным *a*, однако в ряде слов оставил след в виде «второй» палатализации индоевропейских заднеязычных, которые в позиции перед обычным гласным *a* не палатализировались (характерно, что в древнеиндийском языке с его сильной тенденцией к парадигматическому выравниванию эти следы «неправильной» палатализации были сняты). Подробнее об этом звукотипе и материалы см., например, [Barth. AiW, 487, 494, 603; Reichelt 1909, 46, 110; Kent 1950, 27, 36; Соколов 1979, 144, 150, 153–154; С ГОЯЩ, 62–63; С ГОМЩ, 45–46, 51–53; СГВЯ-Ф, 30–31].

Тем самым в праиранскую эпоху собственно вокализм был представлен всего двумя гласными фонемами: *a* и *ā*.

§ 30. Система праславянского вокализма сформировалась в результате постепенных изменений индоевропейских гласных, а также за счет внедрения в фонологическую систему вокализма элементов слоговых вариантов индоевропейских сонантов (*ī, *i, *î, *î). Здесь на раннем этапе происходит совпадение индоевропейских длинных *ā и *ō в праславянскую *ā, как и во многих других индоевропейских языках (включая иранские), а индоевропейских кратких *ā и *ō — в праславянскую *ō; характерен также переход краткой и.-е. *e — в праславянскую *e, а долгой и.-е. *ē — в праславянскую *ē (в отличие от иранских); отмечается и ряд других более частных процессов [Бернштейн 1961, 133–134, 143–149]. Впоследствии происходят дополнительные изменения, в частности развитие сверхкратких (или — по другой терминологии — редуцированных) гласных ь, ъ из кратких ī, î соответственно⁴, развитие фонемы у из ī и ряд других (см. подробнее [Бернштейн 1961, 176–180, 204 и сл.]).

Состав праславянского вокализма качественно иной, чем в праарийском и праиранском языках, — представлены фонемы *a*, *o*, *ě*, *e*, *i*, *ь*, *у*, *ъ*. Характер изменений и формирования этой новой системы в принципе отличен от процессов, наблюдавшихся в арийских языках, поскольку в славянских сохранились качественные оппозиции гласных

(и развились новые), но была свернута индоевропейская количественная оппозиция однокачественных гласных фонем (типа *a* — *ā*, *o* — *ō* и т.п.). Тем самым здесь выработана зависимость количества гласного от его качества. Исчезла система старых дифтонгов; при этом индоевропейские дифтонги, содержавшие носовые *m*, *n*, перешли в разряд назализованных фонем-монофтонгов, образовав в результате носовые гласные: *peṭṭ* < **penktos*, *zōbṭ* < **zombos*. Монофтонгизация индоевропейских дифтонгов с сонантами *i* и *u* породила новые гласные и т.п.

Рефлексы индоевропейских сонантов

§ 31. В праиранской системе кроме собственно согласных и гласных на фонологическом уровне еще сохраняется остаточный разряд фонем-сонантов: *i̯*, *u̯*, *r̯*, которые были представлены на фонетическом уровне различными вариантами, зависящими от характера слога и от позиции в слове. Прослеживаются варианты: 1) слоговые — с вариациями: а) в виде гласных звуков-монофтонгов [*i*, *ī*], [*u*, *ū*], [*r* = *ər*, *rə*]; б) в виде слабых дифтонгов [*i̯i*, *əi̯*], [*i̯y*, *əy̯*]; [*u̯u*, *əu̯*], [*u̯w*, *əw̯*]; [*r̯r*] = [*ər*, *ar*]; 2) неслоговые — с вариациями: а) [*y*, *ī̯*], [*w*, *u̯*], [*r̯*] в позициях Son-, VSonV; б) [*i̯*], [*u̯*], [*r̯*] в позициях VSon, VSonC. В чередованиях принимали участие и сильные дифтонги, однако для этого периода их можно рассматривать как бифонемные сочетания. Позднее, после эпохи древних памятников разряд фонем-сонантов окончательно расщепляется на гласные и сонорные согласные *y*, *w* (и/или *v* — в языках, где утрачена оппозиция губно-губных и губно-зубных), *r*.

Особо следует сказать об отражении в иранских языках индоевропейского **ə* («шва»), который считается слоговым вариантом фонемы-ларингала (на что имеются не только системные, но и артикуляционные основания, см. [Степанов, Эдельман 1976, 229, 251–258]). Традиционно считается, что **ə* в древнеиранском состоянии отразился в первом слоге в виде *i*, в срединных — в виде нуля звука, в отличие от древнеиндийского, где прослеживается отражение **ə* в виде *i* также и в срединных слогах. Ср., например, праиран. **pitar-* (ав. ном. *pita*) ~ др.-инд. *pitar-* 'отец' из и.-е. *pātē(r)-* (ген. *pātr-es*, *pātr-os*), но праиран. **dugdar-* ~ др.-инд. *duhitar-* 'дочь' из и.-е. **dhug(h)ater-* [Мейе 1938, 125–126]. Однако исследования 70–80-х годов показали, что уже в языке Авесты эта закономерность не соблюдается. Здесь отмечаются существенные исключения, часть которых объясняется этимологически, часть — определенными морфонологическими условиями и

образованиями по аналогии (ср. сохранение $i < *ə$ в двусложной словоформе и выпадение в трех- и более сложной, например, ав. ед.ч. ном. *pita*, акк. *ptaram*, дат. *piðrē*, мн.ч. ном. *ptarō*, дат. *ptarabyō*; ср. также формы, производные от **pitar*: (*p*)*tar* — *fəðri-*, *tūiryu-*). Видимо, распределение рефлексов $*ə$ по слогам относительно рано затушевывалось позднейшими тенденциями. Подробнее о рефлексах $*ə$ в древних иранских языках см. [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 34; Insler 1971; Kuiper 1976, 1978 (I), 90–91, 1978 (II), 84–86; Ravnæs 1981; Beekes 1981, 1988, 50, там же анализ литературы]. Более поздние особые рефлексy $*ə$, отличные от $*i$, не отмечаются.

§ 32. Характер отражения древних сонантов в праславянском так же тесно связан со структурой слога, который имел в славянских языках тенденцию к открытости. Если сочетания гласных с носовыми элементами дали назализованные гласные, то сочетания гласных с плавными дали новые слоговые плавные. Таким образом, сонанты как особый класс фонем, выступающий в виде слоговых и неслоговых позиционных вариантов, здесь уже не существует. Судьба индоевропейского $*ə$ в славянских языках дискуссионна [Бернштейн 1961, 147–148]. Подробнее об отражениях сонантов см. (там же, 207).

ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ ПРАИРАНСКОГО И ПРАСЛАВЯНСКОГО

§ 33. В результате описанных выше процессов фонологическая система общеиранского периода вырисовывается в следующем виде.

Реконструируются фонемы трех разрядов, или подсистем: консонантная подсистема представлена согласными (всегда неслогообразующими) фонемами; вокалическая подсистема — гласными (всегда слогообразующими) фонемами; подсистема сонантов — фонемами, которые могут выступать как слогообразующие и неслогообразующие, в зависимости от позиции.

Собственно консонантная подсистема общеиранского языка выглядит следующим образом: шумные — заднеязычные g (с реализацией по ареалам в виде $[g, \gamma]$), k , x ; переднеязычные смычные d (с ареальными вариантами $[d, \delta]$), t , θ (не во всех диалектах фонологизовавшаяся); аффрикаты \check{c} , j ; губные b (с реализацией в виде $[b, v, w]$ — последний вариант, совпадавший с $[w]$ — неслоговым вариантом сонанта — в диалектах, где отсутствовал губно-зубной ряд), p , f (не во всех диалектах фонологизовавшаяся); сибилантия группа и рефлексy

более старых сибилантов *s̄, šj* (из индоевропейских палатальных), *s/h/z* (из и.-е. *s и из *d в определенных позициях), *š/z̄* (из и.-е. *s и палатальных в определенных позициях); более поздняя фонема *xʷ* [*xʷ, hʷ*] (образовавшаяся из сочетаний *sm и, реже, из вариантов *k); сонорные *m, n* и *l* (относительно редкая, но не подвергшаяся, вопреки традиционному мнению, фронтальному общеарийскому ротацизму), продолжающие соответствующие арийские и индоевропейские.

Вокалическая подсистема представлена всего двумя фонемами, условно обозначаемыми как *a* и *ā*.

Подсистема сонантов сохраняется в виде фонем *u, i* и *r* со сложной системой слоговых и неслоговых вариантов и вариаций. Подробнее о становлении общеиранской системы и о ее последующей динамике см. также [СГВЯ-Ф, 23–68].

§ 34. Праславянская система характеризуется следующим составом фонем и основных звукотипов.

Согласные: шумные — взрывные *p, t, k, b, d, g* (из соответствующих индоевропейских); аффрикаты *č, c, dz* [ʒ], (*dž*) — в основном из совпавших индоевропейских велярных и лабио-велярных в определенных позициях; фрикативные старые *s, z*; новые *x, š, ž*; сонорные *r, l, m, n, j*, билабиальная и/или лабио-дентальная (по позициям) *v*; палатализованные новые, шумные и сонорные *t', d', p', b', l', r', n', m'*.

О составе гласных см. выше.

Подробнее об общеславянском фонемном составе и его становлении см. [Бернштейн 1961, 123 и сл.; Чекман 1979; Бошкович 1984, 38–39].

§ 35. Характерно, что, в отличие от праиранского, филиация которого выявлялась по определенным консонантным признакам, филиация праславянского знаменуется целым рядом фонетических изменений, охватывающих как консонантизм, так и вокализм и некоторые последовательности фонем. О дивергенции праславянского на диалекты и впоследствии — на группы славянских языков и о комплексе признаков, образующих изоглоссы, см. [Бернштейн 1961, 37 и сл., 66 и сл., 188–190, 211 и сл., 225 и сл.].

Так, например, для восточнославянской общности в области фонетики были характерны: так называемое полногласие в отражении древних плавных — *ворона, молоко, берег*; определенные процессы в формировании системы аффрикат (совпадение *č'* из *k'* и *č'* из *tj, kt'*, а также изменение аффрикаты *ž'* в *ž'*, т.е. совпадение рефлексов *g', z', d'*); соответствие начальной *o-* в ряде слов восточнославянской группы комплексу *je-* в западнославянских и южнославянских языках (ср. рус. *один* ~ *jedinyj*, *озеро* ~ *jezero*, др.-рус. *Олена* ~ *Jelena*, рус. *осень, олень, осетр* и т.п.). Часть черт разделяется восточносла-

вянскими языками с южнославянскими, например, типы изменения определенных праславянских сочетаний: *kvě, gvě* в *cvě, dzvě* (> *zvě*) (рус. *цвет, звезда*); упрощение праславянских групп *tl, dl* в *l* (рус. *горло, плела*) — с исключениями (в др.-псковском и др.-новгородском диалектах находим на их месте *kl* и *gl*) и др.

Черты, которые являются общими для восточнославянских и западнославянских, относятся к области морфологии. Общий подробный обзор признаков членения славянской семьи на три группы языков см. [Бернштейн 1961, 225 и сл.; Бошкович 1984, 33–36].

§ 36. Таким образом, процессы становления праиранской и праславянской фонемной парадигматики происходили параллельно и независимо друг от друга: праиранская выкристаллизовывалась из более ранних — индоиранской, общеарийской, индоевропейской — поэтапно, праславянская формировалась своими путями. Общих материальных инноваций, которые образовались бы в эпоху после процессов, общих для всей группы «сатэм», не наблюдается. Следовательно, нет свидетельств более тесного генетического родства между иранскими и славянскими языками.

ВТОРИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: СУДЬБА ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 37. Судьба заднеязычных согласных в эпоху после праязыковой в славянских и иранских языках заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку сходство их развития совершенно очевидно. При этом существенно, что определенная часть такой общности находится в русле скорее типологических тенденций в артикуляционной фонетике, чем в русле исторической фонологии (см. об этом, в частности, [Высотский 1978]), что снимает, во всяком случае, часть возражений против сходства этих процессов, но не отвечает однозначно на вопрос об общности их причин.

§ 38. Общие параллельные черты развития согласных заднеязычного ряда наблюдаются уже с праязыкового состояния славянской и арийской ветвей индоевропейской семьи. Наиболее яркая из них — тенденция к палатализации, наблюдаемая в этих языках с индоевропейского периода. Выше говорилось о присущей индоевропейским диалектам группы «сатэм» фонетической тенденции к палатализации заднеязычных согласных (**k*, **g*, **gh*) перед индоевропейскими **i*, **e*, с одной стороны, и о фонологическом следствии этой палатализации,

т.е. о вычленении из них самостоятельных фонем *č, *j, *ž в славянских и индоиранских языках, — с другой, притом что в прабалтийском, который по другим показателям значительно ближе к праславянскому, чем праарийский, такой переход не произошел (примеры см. в § 28).

В иранских языках одним из этимологических последствий этого фонологического перехода явился процесс расщепления некоторых лексем, обусловленный тем, что один и тот же индоевропейский корень, где веллярный согласный мог попадать в позиции перед гласными *a, *o, *e при чередованиях гласных, в дальнейшем расщепляется на два, отклоняясь от первоначального и в семантике. Ср., например, перс. *časp-*, *časb-* 'прилипать, прицепляться' (праиран. *čap-sa- с метатезой), шугн. *čēp-* 'шупать' (< *čāp-aīa-), фарсēp- 'разузнавать, расспрашивать; нащупывать' (< *fra-čāp-aīa-), язг. *ənjāv-* 'собирать', происшедшие от праиран. корня *čap- < и.-е. *kep-, при тадж. диал. *qap-*, шугн. *anjāv-*, руш., барт. *injāv-* 'хватать' от праиран. корня *kap- < и.-е. *kap-, *kop-.

§ 39. В дальнейшем в отдельных иранских языках, как и в славянских, продолжается тенденция к позиционной палатализации заднеязычных согласных, причем неодинаковая в различных языках, даже близкородственных, и не всегда реализуемая на фонологическом уровне.

Так, например, в севернопамирских языках на каком-то этапе перед гласными переднего ряда (здесь в этот ряд входят и рефлексy общеиранских гласных *a, *ā, которые в тот период оказались в диалектах — предках данных языков сдвинутыми вперед и суженными) звукотипы, относящиеся к общеиранской фонеме *k, переходят в *k̄ или реализуются в виде звукотипа *[k̄]. Затем в языках шугнано-рушанской группы эта *k̄ дает č, а в язгулямском языке сохраняется как самостоятельная фонема k̄ или, реже (в том числе и в позиции перед рефлексами *a, которые в этом языке в нейтральной позиции отражаются позднее в виде гласной заднего ряда ū), депалатализуется, как бы «возвращаясь» в задний ряд и отражаясь в виде k (ср., например, общеиран. *kata- 'хижина, дом' > сев.-пам. *kad(a)- > шугн. čīd, но язг. kād 'дом').

Интересно, что в шугнано-рушанской группе языков в тот же период произошел и сдвиг праиранского *č > c (а также праиран. *g > γ > ž, j, праиран. *j > з, праиран. *x > š) в тех же позициях (примеры на праиран. *č см. выше).

Палатализация общеиранской *k с различными фонологическими результатами наблюдается и в других иранских языках. Имеются

случай как перехода $*k > k'$ и становления оппозиции ikl — ikl' (например, в дигорском диалекте осетинского языка, в мунджанском языке), так и дальнейшее продолжение процесса — с переходом $*k > \check{c}$ (например, в пашто, ваханском, в иронском диалекте осетинского языка). Иными словами, в иранских языках наблюдаются разные стадии продвижения вперед заднеязычных смычных согласных в палатализирующих позициях. При этом такими позициями в разных языках могут выступать дизезные окружения различного происхождения; их состав и история становления по языкам индивидуальны.

Характерно, что заднеязычные смычные могут выявлять палатализованные варианты — вплоть до палатальных — и в тех языках, где нет оппозиции палатализации, при этом среднеязычные варианты могут со временем стать основными. Таково, например, их развитие в современном персидском языке и в рушанском (хотя и с некоторыми частными различиями). Таким образом, разные типы палатализации в иранских языках не всегда имеют выход на фонологический уровень.

§ 40. Аналогичны процессы и в славянских языках, имеющие результатами палатализацию с фонологическими переходами типа $k > c$, $g > \check{z}$, $x > s$, \check{s} перед гласными переднего ряда, подробнее см. [Бернштейн 1961, 200–202]. Характерна также так называемая «третья палатализация» — $k > c'$, $g > \check{z}'$, $x > s'$, \check{s}' , вызываемая предшествующими гласными переднего ряда [Бернштейн 1961, 208].

§ 41. Много интересного дают наблюдения над щелевыми согласными, происшедшими из вариантов фонем заднеязычного ряда.

Так, возникшая из вариантов индоиранских $*k$ и $*k(h)$ щелевая $*x$ в языках большей части иранского ареала сдвинулась в увулярный ряд и реализуется как $[x]$. В меньшей части языков ареала, особенно в языках Памиро-Гиндукушского региона, фонема x допускает варианты, а чаще — свободное варьирование заднеязычного и увулярного $[x/x]$. Такой сдвиг частично объясняется ее сближением с общеиранской (или чуть более поздней, но охватившей почти весь иранский ареал древнего периода) фонемой $*x'$, происшедшей в основном из общеарийского сочетания $*s\check{u}$ (подробнее об ее артикуляции и месте в системе см. также [Эдельман 1977; СГВЯ-Ф, 51–53]). Во всяком случае, отодвинутость иран. $*x$ назад по сравнению с заднеязычными смычными очевидна, и это отразилось в дальнейшем на ее истории: кроме языков шугнано-рушанской группы, принадлежащей к Памиро-Гиндукушскому региону, она нигде не выявляет фонологических результатов палатализации, сравнимых со смычными (на фонетическом уровне в истории языков того же региона они реконструируются в виде $*\check{x}$, но затем отодвигаются назад).

§ 42. Еще сложнее обстоит дело со звонкой щелевой. Как уже говорилось, общеиранская звонкая заднеязычная фонема, условно обозначаемая как смычная *g, отражается как щелевая γ в разных позициях в различных иранских языках. Особенно характерна ее реализация в виде * γ - в начале слова во всех языках генетической восточноиранской группы с самого древнего периода — диалектов общеиранского (и еще более раннего) состояния. При этом * γ отодвигается в увулярную зону практически уже во всех иранских языках. И эта ранняя увуляризация также влияет на ее историю, обособившую ее от истории заднеязычных смычных согласных. Только единичные языки, и все в том же регионе, выявляют результаты ее палатализации: в виде фонемных изменений (типа * $\gamma > \dot{z}$ в языках шугнано-рушанской группы) или в виде позиционных палатализованных вариантов в прошлом (типа * $\dot{\gamma}$ в истории язгулямского и, возможно, мунджанского языков). В подавляющем же большинстве языков * γ , как и *x, не подвергается палатализации (даже в тех языках, где смычные легко палатализируются). См. отражение праиранского *gari- 'гора' (ср. др.-инд. *giri-*): ав. *gairi-*, шугн. *žīr*, хуф. *žær*, руш., барт. *žēr*, сар. *žer* 'камень', при язг. *γār* 'камень, скала, гора'.

Появление в ваханском языке дополнительного шипящего компонента у более ранних * γ и *x, т.е. звучание их рефлексов соответственно как $\dot{\gamma}$ и \dot{x} , в том числе и в непалатализирующей позиции (ср. вах. *γ̇ыw* 'корова' < *gau(a)-), трудно однозначно трактовать как палатализацию, тем более что в виде \dot{x} предстает и рефлекс древнеиранской *x' (например, вах. *γ̇ыу* 'сестра' < праиран. *x'āhar- < и.-е. *suesor-).

Таким образом, иранские языки наглядно демонстрируют диахронические следствия той артикуляционной асимметрии, которая была свойственна смычным и щелевым согласным заднеязычного ряда в древних иранских диалектах, как и в разных других языках мира, включая русские говоры [Высотский 1978], а именно: смычные были заднерядны и легко палатализовались и продвигались вперед при определенных условиях. Щелевые имели тенденцию отодвигаться назад, вплоть до увулярного ряда, а укрепившись в нем, они утрачивали связь с заднеязычными и не поддавались свойственной последним палатализации (даже в палатализирующих позициях).

Характерно, что лабиализации поддавались и те и другие, чему есть примеры в иранских языках (см. ниже).

§ 43. Следует отметить еще одну важную для нас особенность звонкой * γ в истории иранских языков.

Как говорилось, древнейшее членение диалектов общеиранского праязыкового состояния на западную и восточную группы выразилось,

помимо прочего, в соответствиях звонких анлаутных согласных, включая западные смычные *b-, d-, g-* ~ восточные щелевые *v-* (по диалектам, где отсутствовала губно-зубная база в виде глухой *f*, эта фонема реализовалась как *w-*), *ð-, γ-*. Поскольку к генетической восточноиранской группе относятся языки разных регионов — от пашто и «малых» языков Памиро-Гиндукушского региона до скифских диалектов (предков современного осетинского языка), эта черта представляет немалый интерес с точки зрения возможного контактного взаимодействия со славянскими языками.

Характерно, что в эпохи после общеиранской и общевосточноиранской в ходе истории отдельных иранских языков, например, осетинского, ягнобского, ишканинского, в силу разных поздних причин наблюдается как бы вторичный «возврат» части звонких щелевых фонем в однорядные им звонкие смычные: в осетинском это результат усиления анлаутной интенсивности в артикуляции звонких, в остальных языках — свои, иные причины (подробнее см. [СГВЯ-Ф, 213]). Однако **γ* при этом никогда не переходит в смычную **g*, поскольку она уже принадлежит к увулярному ряду и не отождествляется с заднерядной *g*. (То же относится к взаимоотношениям глухих *x* и *k*, см. ниже.) Даже осетинский язык, при его тяготении к смычной артикуляции анлаутных звонких согласных, сохраняет щелевую увулярную *γ* в дигорском диалекте (как более архаичном с точки зрения исторической фонетики); в иранском же диалекте, где тенденция к смычности все же возобладавала, результатом такой интенсификации артикуляции **γ* явился ее переход не в заднеязычную **g*, а в увулярную же глухую смычную *q* — как единственную смычную фонему этого артикуляционного ряда, ср. осет. *qis / γos* 'ухо' < праиран. **gauša-*.

В интервокальной же позиции переход **g* > *γ* происходил практически во всех иранских языках — западных и восточных.

Таким образом, закономерность появления звонкой щелевой *γ* (из более ранних общеарийских **g-* и **gʰ-*) в скифском и осетинском, как и сохранение ею именно щелевой артикуляции вопреки поздним тенденциям, для нас особенно важны как свидетельства того, что эти рефлексy праиранской **g* развивались в общем русле внутренних историко-фонетических законов большой генетической группы иранских языков, охватившей огромный ареал Евразии.

§ 44. Переход в относительно узком ареале славянских языков — в южновеликорусских говорах, в украинском, белорусском, чешском, словацком, верхнелужицком (позднее также в словенском языке и чакавском говоре сербскохорватского языка) — праславянской **g* > *γ* > *h* слависты рассматривают как результат спонтанного внутриславянского развития.

С.Б.Бернштейн подробно анализирует этот процесс, трактуя его как спонтанную спирантизацию праславянской *g, имевшую первоначально не фонологические, а физиологические причины [Бернштейн 1961, 297] и происходившую в славянских языках и диалектах предположительно в XII–XIV вв. н.э. в определенном ареале (см. [Бернштейн 1961, 292–297], с картой изоглоссы этого перехода, с. 295). Аналогично трактуют этот переход и другие авторы (см., например, [Супрун 1989, 16; Бошкович 1984, 100–102]).

Имеются различные объяснения причин и времени спирантизации *g и перехода ее в h в этих языках. Так, предполагается, в частности (см. [Беляев 1993]), связь некоторых изменений славянских задненёбных с процессом падения редуцированных гласных — в виде следующей диахронической цепочки: «1) падение редуцированных, X–XII вв.; 2) генезис и конкуренция первичных стрессовых колебаний, XI–XII вв.; 3) обобщение или затухание сдвига g/ɣ → γ, XII–XIII вв.; 4) затухание или развитие сдвига x/h → h/∅, XIII–XIV вв.; 5) закрепление или затухание смягчения задненёбных, XII–XIV вв.; 6) вторичная дивергенция x, XIV–XVI вв.; 7) сужение состава блока, XVII–XX вв.» [Беляев 1993, 75].

Независимо от принятия или непринятия нами этой заведомо синхронизированной для всей славянской семьи картины (маловероятной уже в силу таких разных результатов при едином потоке фонетических и фонологических трансформаций и слишком поздней датировке) удивительна сама пестрота результатов по языкам процессов трансформации в разряде согласных, связанных с процессом падения редуцированных.

§ 45. Вместе с тем, как пишет В.И.Абаев, широкая историческая локализация скифских и родственных им восточноиранских диалектов на Восточно-Европейской равнине и их контакты в этом ареале со славянским миром, носившие в определенные отрезки времени довольно тесный характер, наводят на предположение о прямом или косвенном влиянии на шелевую артикуляцию рефлексов *g в виде $\gamma > h$ в некоторых славянских языках ареала именно данных контактов (см. [Абаев 1965, 41–52, 1995, 332–342], с воспроизведением карты распространения γ в славянских языках С.Б.Бернштейна [Абаев 1965, 45, 1995, 336]). В пользу гипотезы контактного происхождения перехода *g > γ > h в данных славянских языках говорит то, что спирантизация *g в относительно замкнутом ареале славянских языков, совпадающем в целом с распространением влияния иранских (скифо-сарматских) диалектов, действительно могла произойти под воздействием или при поддержке со стороны произносительных навыков носителей этих диалектов.

В принципе такое влияние вполне вероятно, поскольку тенденции к сближению артикуляторных элементов с аналогичными в «престижном» языке региона — не редкость в разных языках и диалектах, и тенденция к реализации в ареально ограниченной части диалектов на фонетическом уровне щелевой артикуляции звонкого g в виде $[ɣ]$ или $[h]$ вполне возможна. Вместе с тем различные исследования истории заднеязычных согласных в славянских языках показывают, что предположение о переходе в части языков $*g > \gamma$ в результате прямого воздействия скифской стихии было бы упрощением. Процесс переустройства всей подсистемы заднеязычных согласных имел в этих языках значительно более сложный ход (и в собственно фонетическом, и в ареальном аспекте) и, по-видимому, большую протяженность во времени, чем это казалось еще несколько десятилетий назад.

При этом обратное воздействие в виде влияния славянской среды на иранскую в процессе перехода $*g > \gamma$ в данных восточноиранских языках было бы невозможно в силу того, что этот процесс в иранских языках был системным (поскольку охватывал все ряды согласных), распространялся на всю семью (в начале слова — на всю восточноиранскую группу) во всем ареале далеко за пределами контактных со славянскими языками регионов (включая диалекты — предки пашто и других языков, контакты которых со славянскими не подразумеваются) и опережал соответствующий славянский сдвиг на тысячелетия.

§ 46. Несколько слов о связях согласных заднеязычного и увулярного рядов с лабиализацией и с лабиальным рядом [Высотский 1978].

Связь заднеязычного и увулярного рядов с лабиальным и определенная диахроническая преемственность между ними наблюдаются в истории и иранских, и славянских языков. При этом сами процессы иногда диаметрально противоположны. Для отдельных иранских языков (например, персидского, таджикского, дари, белуджского) характерны случаи перехода звонкой губной согласной $*w$ (продолжающей праиранский сонант $*\mu$) в звонкие же увулярные и заднеязычные согласные через этапы $*\gamma^* > *g^* > g$. Реже отмечается дальнейшая палатализация и переход g (из $*w$) в j . Например, праиран. $*\mu rka-$ 'волк' > кл. перс. *gurg*, совр. перс. *gorg*, тадж. *gurg*; праиран. $*\mu i(m)šani$ 'двадцать' > бел. *gīst*, орм. *jīsti* (через этапы $*\gamma^*ist > *γist > *gist$). Для некоторых других языков характерен обратный процесс — переход глухой лабиализованной $*x^v$ в лабиальные согласные. Переход $*x^v$ в глухую f прослежен в мидийском языке, а также в языках, продолжающих мидийский (или родственные ему другие древние диалекты), в частности, в сивенди, хури. Аналогичное явление отмечено

в отдельных словах осетинского языка. Переход $*x^v$ в звонкую w характерен для белуджского языка.

Обратные процессы, т.е. лабиализация звонких и делабиализация глухих согласных, чрезвычайно редки (см., например, язг. *tax'* - 'обжигаться' — результат частичной делабиализации $*tar$ - через этап $*taf$).

Иными словами, в иранских языках частотность лабиализации и частичной (или полной) делабиализации в звонкой и глухой сериях противоположна той, которая наблюдается в русских диалектах для согласных заднего ряда (см., например, рус. диал. [ох^фцы] 'овцы'). Однако сама взаимосвязанность лабиального и веллярного (и увулярного) фокусов — та же, это разные способы выражения общей бемольности лабиальным и веллярным (и/или увулярным) фокусами, при которой лабиальный элемент может становиться то основным, то сопутствующим компонентом артикуляции (или, иначе, линейным и внелинейным).

Ср. в связи с этим, с одной стороны, позднюю — после выделения из севернопамирской группы — лабиализацию заднеязычных и увулярных согласных в язгулямском, охватившую смычные и щелевые в соседстве с рефлексами лабиального сонанта и лабиализованными гласными, в результате чего здесь образовалась особая фонологическая серия лабиализованных согласных (k^* , g^* , x^* , γ^* , \tilde{x}^* , q^*), а с другой стороны, так называемую лабио-велляризацию согласных k , g , x в праславянском языке в позициях перед \dot{y} , \dot{u} , δ , $\bar{\rho}$ (< *on*, *ьm*), при чистой велляризации в позиции перед a , с постепенной утратой этой лабио-велляризации славянскими языками (при сохранении ее в лужицком и польском языках и поныне). Подробнее об этом явлении см. [Бошкович 1984, 92–93; Калнынь 1994].

Однако такая взаимосвязь двух фокусов — заднеязычного (или увулярного) и губного — и процессы мены $w \sim \gamma^* > g$ и т.п. наблюдаются не только в индоевропейских языках, но и во многих других, включая языки американских индейцев, и в этом плане иранские языки, как и славянские, идут в общем русле развития фонетических фреквенталий.

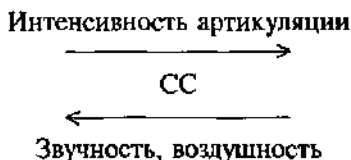
§ 47. Таким образом, вторичные процессы, преобразовывавшие заднеязычные согласные, протекали в иранских и славянских языках параллельно и независимо. В этой области много типологически общего, но нет прямых свидетельств генетически общих процессов. Единственный момент, заставляющий задуматься о возможностях сближения, — переход $*g > \gamma$ в иранских языках и $*g > *y > h$ в небольшом ареале славянских, который может быть соотнесен с ареалом контактирования этих языков.

СИНТАГМАТИКА

§ 48. Параллели между иранскими и различными индоевропейскими языками Европы, включая славянские, отмечаются также при обращении к отрезкам речи, большим, чем фонема или звуко-тип, в частности к элементам фонемной синтагматики. Замечено при этом, что в истории иранских языков, как и других индоевропейских, явления фонемной синтагматики, и в частности тенденции в формировании структуры слога и слова, могут приводить к определенным не только фонологическим, но и морфонологическим последствиям, о которых будет сказано ниже.

§ 49. Для фонемной синтагматики общепранского состояния и древних иранских диалектов (и во многих языках — поныне) характерны две тенденции: 1) начало слога и — особенно — слова стремится принять структуру CV- при максимально интенсивной артикуляции начального согласного перед гласным; отсюда — «прикрывание» анлаутного гласного согласной протезой; упрощение анлаутных консонантных групп путем ассимиляции, вставки гласных в начальную консонантную группу, метатезы и др.; 2) в консонантной группе, особенно срединной, первый компонент стремится к максимальной воздушности, звучности и минимальной интенсивности в артикуляции, при обратном соотношении в последнем компоненте (см. схему на с. 54; обоснование см. [СГВЯ-Ф, 60]); отсюда в ряде языков тенденция к спирантизации первого компонента консонантной группы, к метатезе (с выносом вперед «слабых», особенно сонорных, согласных) и целый ряд других явлений. В результате слово и слог стремятся к идеальной структуре, при которой они начинаются интенсивным по артикуляции согласным, за ним следует гласный, далее может следовать согласный или консонантная группа, имеющая в таком случае вид CC(C), где последний согласный, как наиболее интенсивный, начинает следующий слог. Этим также предопределяется большое количество правил, влияющих на последующее развитие языка.

Схема

Наиболее отчетливыми предстают те тенденции, которые связаны с сочетаемостью, презентацией в разных позициях согласных фонем и слоговых и неслоговых вариантов сонантов в древних языках и с направлением последующих изменений.

В праиранском состоянии и в наиболее древнем из зафиксированных языков — авестийском — допускаются группы неслоговых звукотипов, представляющих согласные фонемы и неслоговые варианты фонем-сонантов; условно можно назвать их консонантными группами. Обычно они состоят из двух-трех компонентов (редко — четырех), причем для начальной позиции круг таких групп ограничен и по количеству компонентов, и по их составу⁵. Сходное положение наблюдается в древнеперсидском языке⁶, более удаленном от общеиранского прототипа (см. также [ОИТИИЯ I, 37–43]). Однако здесь уже не только существенно меньше консонантных групп (что может быть отнесено и за счет меньшего корпуса текстов), но имеются и графические свидетельства тенденции к их упрощению: к стяжению (в начальной и срединной позиции, ср. праиран **ašya-* ‘лошадь’ из и.-е. **ekyo-* — др.-перс. *asa-*; праиран. диал. **šya-ka-* от праиран. **šyan-* *šun-* ‘собака’ из и.-е. **kyon-* : *kun-* — др.-перс. **za-ka-* > перс. *ság*; праиран **putra-* ‘сын’ > др.-перс. *piša-*) либо к разбивке их вставным кратким гласным (зафиксировано только в начальной позиции: праиран. **druya* ‘крепкий’, ср. др.-инд. *dhruvā-* — др.-перс. *duruva-*). Дальнейшее развитие языков — потомков древнеперсидского — подтверждает нежелательность в языках этой генетической ветви анлаутных консонантных групп, переросшую к эпохе классического персидского языка в прямой запрет на стечение согласных в анлауте, который действует поныне в современных персидском, таджикском и дари (см. ниже)

Во многих других иранских языках такой запрет отсутствует, однако фонологические консонантные группы часто реализуются на фонетическом уровне с вставкой гласного звука (не всегда отождествляемого с определенной фонемой) либо с гласной протезой, переводящей эти группы в срединную позицию, где они допустимы (см. ниже)

В иранских языках сам состав консонантных групп и порядок их компонентов в разное время также подвергались различным ограничениям: и начальные, и срединные консонантные группы характеризовались тенденцией к наличию в них не более одной шумной смычковой согласной.

Существенно, что эта тенденция оказалась присущей почти всем древним праиранским диалектам, в отличие от синхронных им диа-

лектов — предков индоарийских языков. Благодаря этому она может рассматриваться как еще один классификационный генетический признак, отличающий иранские языки от индоарийских и дополняющий, а иногда и предопределяющий их основные «историко-фонетические», т.е. историко-фонологические, различия, относящиеся к сфере фонемной парадигматики (их перечень и материалы см. [Оранский 1979, 52–57]).

§ 50. В последующем развитии практически всех иранских языков наблюдаются факты упрощения древних консонантных групп или их трансформации. Они различны по языкам, однако преобладающим направлением изменений почти всюду было устранение «неудобных» групп либо приведение их к указанному оптимальному типу — на фонетическом, а затем часто и на фонологическом уровне (особенно наглядны эти изменения в современных языках при адаптации заимствований). С этой синтагматической тенденцией связаны многие дальнейшие фонетические и фонологические процессы и парадигматического, и синтагматического плана, которые явились ближайшими и более удаленными и опосредованными следствиями данной «оптимизации» структуры консонантной группы. Рассмотрим наиболее явные из таких следствий.

§ 51. Уже в древнеиранских языках налицо результат процесса спондизации смычного согласного, особенно глухого, в позиции перед согласным (включая и неслоговой вариант сонанта). Этот процесс, начавшийся, очевидно, на фонетическом уровне еще в праиранских диалектах общеиндоиранского языкового континуума, породил затем устойчивый фонологический переход глухих смычных в щелевые в этой позиции (**p* > **f*, **t* > **θ*, **k* > **x*). Однако произошел этот переход не во всех древних диалектах, а в тех, где уже была подготовленная артикуляционная база, созданная спондизацией в различных позициях индоиранских глухих смычных придыхательных (**p(h)* > **f*, **t(h)* > **θ*, **k(h)* > **x*, см. выше).

В традиционной иранистике считалось, что спондизация глухих смычных перед согласными является такой же общеиранской обязательной чертой, как и спондизация глухих смычных придыхательных в различных позициях, т.е. одним из классификационных генетических инновационных общеиранских признаков, отделяющих эти языки от индоарийских (см. [Bartholomae 1895, 6 и сл.]; подробнее [Оранский 1979, 53–55]). Однако включение в реконструкцию материала всех иранских языков, а не только древних, показало, что это не совсем так: оба данных признака охватывали большинство, но не все древние праиранские диалекты. В части древних восточноиран-

ских диалектов, где не происходил (или не всегда происходил) переход глухих придыхательных в шелевые (а также в ряде случаев в авестийском языке), не произошло и спирантизации преконсонантного глухого смычного, во всяком случае на фонологическом уровне. Здесь имеются примеры сохранения смычного характера первого компонента таких групп, а также случаи преобразования этих групп, не подразумевающие промежуточного этапа в виде спирантизации первого компонента. См. развитие группы **tr*: в большинстве языков — через этап **θr* (например, **putra-* 'сын', **trai-* 'три': ав. *puθra-*, *θri-*, др.-перс. *puça-*, *çi-*, ср.-перс. *pus*, *sē*, перс. *pesār*, *se*, парф. ман. *pwhr*, *hry* и т.д.), но в некоторых восточноиранских — с сохранением **t* либо смычного элемента в артикуляции рефлексов группы (например, вах. *pātr*, шугн. *pus*, язг. *pos* 'сын'; вах. *trūy*, пшт. *dre*, хс. *drai* 'три' — с озвончением **t > d* по аналогии с **duca* 'два'; язг. *cūy* 'три' и т.д.). Характерно, что даже близкородственные языки выявляют исторические различия или колебания в артикуляции типа **tr/θr* (подробнее [ОВЛГ, 84–85; СГВЯ-Ф, 26, 172–175 и сл.; Edelman 1980, 299; Оранский 1979, 60]). О хронологической соотнесенности таких колебаний см. также [Ст.-К. ЭСВЯ, 31].

При этом на фонетическом уровне тенденция к спирантизации преконсонантных смычных глухих вполне могла существовать, не переходя на фонологический уровень. Во всяком случае, такая фонетическая тенденция отмечается в более поздние эпохи, причем и в тех языках, где их историческая фонологическая спирантизация не происходила. Об этом свидетельствует фонетическая адаптация относительно поздних заимствований (см., например, араб. *vaqt* 'время', *raqs* 'танец', произносимые в большинстве иранских языков среднеазиатского региона в виде [v/waxt, raxs], при осознании фонологического /q/).

Спирантизация же звонких смычных, оказавшихся в преконсонантной позиции, отмечается значительно реже и обычно на фонетическом, а не на фонологическом уровне (ср. ав. *γžar-* 'течь, струиться' — при отсутствии здесь фонемы *γ* — из более раннего **gžar-* ~ др.-инд. *kṣar-*, др.-перс. **xšar-* > тадж. *šoridan*). Звонкие смычные в ряде групп (например, перед неслоговым вариантом сонанта), особенно в анлауте (благодаря другой тенденции — к анлаутной интенсивности, см. ниже), вообще не были склонны к спирантизации (ср. ав. *brātar-* ~ др.-инд. *bhrātar-* ~ др.-перс. **brātar-* > тадж. *barodar*; ав. *dvan-* 'лететь' и др.). Возможно, это было связано именно с их звонкостью, т.е. большей звучностью и меньшей интенсивностью,

чем у соответствующих глухих. В срединной же позиции спирантизация преконсонантных звонких на фонетическом уровне обычна (особенно явно на поздних этапах, включая современные, ср тадж. литер. *abr* ~ диал. *awr* 'облако').

Следует оговориться, что спирантизация анлаутных звонких смычных на фонологическом уровне могла быть отслежена лишь в западноиранских языках, поскольку в восточноиранских, как уже говорилось, в раннюю праиранскую эпоху звонкие анлаутные согласные — превокальные и преконсонантные — отразились как рефлексы индоиранских звонких придыхательных в виде звонких спирантов (подробнее [СГВЯ-Ф, 57–59, 213–215]). Однако из-за отсутствия в древнюю эпоху фонологической оппозиции смычных ~ щелевых у звонких мы можем выявить лишь косвенные фонетические признаки этой тенденции.

Тем самым спирантизация глухих смычных в преконсонантной позиции, будучи одним из способов приближения к артикуляционно оптимальному типу консонантной группы, наметившись еще в праиранских диалектах индоиранской общности на фонетическом уровне, проявилась на фонологическом уровне позднее, и не во всех иранских языках, а только в тех, где для этого была фонологическая база. Спирантизация звонких, более ограниченная позиционно и диалектно, имела и менее явные исторические последствия

Таким образом, одной из классификационных генетических черт, отличающих иранские языки от индоарийских (для которых эта тенденция не была характерна), является именно наличие ярко выраженной фонетической тенденции к спирантизации глухих в преконсонантной позиции, а не фронтальный переход здесь смычных глухих в щелевые, который носил бы характер общеиранского «историко-фонетического», т.е. историко-фонологического, закона.

§ 52 В различных иранских языках на разных этапах, начиная с древнего, наблюдаются случаи метатезы компонентов консонантных групп, также направленной на приближение группы к оптимальному типу: более звучный, воздушный и менее интенсивный (обычно — сонорный, щелевой) компонент ставится перед менее звучным, воздушным и более интенсивным (обычно — шумным, смычным). Такие примеры имеются уже в авестийском языке (ср ав. *žgar-* 'течь, струиться' наряду с *γžar-*, из более раннего **gžar-*, см. выше, § 51), однако особенно много их в более поздних языках и даже в диалектах: ср праиран. **uapra-* 'снег' (из и.-е. **uēp-* 'сыпать', ср. др.-инд. *vapra-* 'насыпь') > ав. *vafra-*, ср -перс. *vafr*, но кл. перс., совр. перс., тадж. *barf*; праиран. **čakra-* 'колесо' (из и.-е. **k^wek^wios*, ср. греч.

хбхлос, др.-инд. *cakrā-*) > ав. *čaxra-*, но кл. перс., совр. перс., тадж. *čarx*; перс. литер. *mišorušam* 'продаю', а в говоре Исфахана (через этап **mišrušam*) *mīrušām* и т.п. То же при адаптации заимствований, например, араб. *tifl* 'ребенок' → сивенди (Иран), рошорвский (Западный Памир) *tuľ*, дари *teľf*; араб. *fikr* 'мысль' → седеи (Иран) *firk*; араб. *tajru'iba* → разг. дари *tarjoba* 'практика', рус. *поднос* → дари *pantus*.

Это же наблюдается на стыке исторических морфем, когда утрачивается их продуктивность и соседство согласных перестает ощущаться как морфемный шов. Например, праиран. **x'ar-sa-* . *hup-sa-* — презентная инхоативная основа от корня **x'ar-* : *hup-* 'спать' (из и.-е. **suep-* *sup-*) с суф. **-sa-* (из арийск. **-sca-* < и.-е. инхоативного суф. **-ske/o-*) — кл. перс. *xušp-*, *xušb-*, перс. *xošb-* 'спать'; **čar-sa-* от корня **čar-* 'схватывать' (из и.-е. **kep-*) с тем же суффиксом — кл. перс., совр. перс. *časp-*, *časb-*, тадж. *časp-* 'прилипать, приставать'.

Поскольку и метатеза консонантных групп, и «ослабление» первого согласного группы (см. выше) начинаются в древнейшую эпоху и продолжают поныне, можно проследить в разных языках по разным лексемам различную относительную хронологию этих процессов. Например, в кл. перс., тадж. *čarx* 'колесо', *barf* 'снег' метатеза произошла после спирализации шумных перед **r*: **k > x*, **p > f*, а в ав. *žgar-* 'течь' (из **gžar-*, см. выше) или в осет. *lysk'*, перс. *rišk*, язг. *rašk*, шугн. *rašc* 'гнида' из более раннего **riksā-* < **likšā-* < индоиран. **likšā-* (ср. др.-инд. *likšā-*) метатеза была относительно ранней, и смычный согласный, оказавшись в исходе консонантной группы, не успел подвергнуться спирализации (то же в кл. перс. *xušp-* 'спать', *časp-* 'приставать', см. выше).

Интересны в этом плане факты наличия ~ отсутствия метатезы в случаях, когда консонантная группа состоит из двух одинаково слабых согласных, особенно — из двух сонорных. Здесь отмечаются различия по языкам, обусловленные либо различной в разных языках степенью «слабости» компонентов группы, либо другими фонетическими причинами (например, совместимостью в том или ином языке определенных локальных рядов согласных, различными ассоциациями, аналогией и т.п.). Ср. ав. *urvain-*, при др.-инд. *vrata-*; араб. *ruḫṣat* → дари *roḫṣat* 'освобождение' (в дари [s] слабее, чем увулярный [x], к тому же сочетание sC, где C — спирант, здесь относительно часто и потому привычно), тадж. литер. *daryo* 'река' — диал. *dayro*, тадж. литер. *buryo* 'циновка' — диал. *buuro*, тадж. литер. *duyno* 'мир, вселенная' — диал. *duyno* ([y] здесь более слабый, чем [r], [n]); рош. *sawr* из *varv* 'кипарис' и т.д. Имеются и прямо противо-

положные типы метатезы по разным языкам и диалектам: ср. сочетания *m* и *r* в перс. литер. *narm* 'мягкий' из **nam-ra-*, но в седеи *venr-ašnuft* из *ver-m-ašnuft* и т.д. Случаев выноса вперед более интенсивного компонента очень немного (ср. дари *motfi* ← *mufti* 'муфтий').

В некоторых языках метатеза встречается особенно часто, причем количество и состав таких групп и типы метатез могут колебаться. В этом плане характерны диалекты пашто — ср. в кандагарской диалектной группе: *mzāka* 'земля', *rwaž* 'день', но *kšal* 'тянуть', в пешаварской диалектной группе соответственно: *znāka*, *wraž*, но *škāl*. В осетинском языке метатеза анлаутной группы, включавшей *r*, с выносом *r* вперед (т.е. *Cr-* > *rC-*) стала диахроническим законом и т.д.

§ 53. В истории иранских языков общие правила фонемной синтагматики и частные правила реализации согласных в консонантных группах тесно связаны с оптимальной структурой слога, не только будучи зависимыми от нее, но и воздействуя на нее существенным образом. Хотя проблема слогаделения в древних иранских языках разработана слабо, материал показывает, что при рассмотренной выше оптимальной структуре консонантной группы, например в последовательности в слове *CCVC(C)CVC(C)CV...* перед пиком слога в виде гласного звукотипа (представляющего гласную фонему или слоговой вариант сонанта) оказывался артикуляционно наиболее интенсивный компонент группы, а после гласного — наиболее звучный, воздушный и наименее интенсивный. Это относится и к срединным, и к анлаутным группам, начиная (судя по рефлексам древних словоформ) с праиранских диалектов. Иранский материал показывает, в частности, что так называемая «рамочная конструкция» слога, при которой наиболее сонорные согласные оказывались бы в середине, ближе к вокалическому пику слога, чем шумные, не является универсальной, каковой она считается в некоторых теоретических работах. Для иранских языков она, наоборот, нежелательна, артикуляционно «неудобна» в первой своей части — до пика слога. Именно на этом отрезке слог подвергался и подвергается трансформациям с превращением более ранних последовательностей *C₁C₂-*, как уже говорилось, в последовательности типа *C₁VC₂-* или *C₂C₁-*, или — при стяжениях — в *C-*.

В результате если слоги типа *CV*, *CVC* оказывались относительно устойчивыми в диахронии именно в этой структуре, то слог, содержащий три (и более) неслоговых элемента, изменялся чаще, стремясь к структуре *CVCC(C)*, в которой консонантная группа размещалась бы после слогового пика и была бы артикуляционно «удобной»

(еще больше причин для изменения имели соответственно слоги или последовательности типа CCVCC...).

§ 54. В эпоху после древнеиранских памятников (а отчасти и в их период, о чем свидетельствует написание в них отдельных слов) в ряде языков вырабатывается запрет на анлаутные консонантные группы (фонетические и фонологические), особенно явный в персидском, таджикском, дари, ягнобском и некоторых других. В большинстве иранских языков такого запрета нет, но предпочтительно односогласное начало слова. Для его фонетической реализации (и затем — фонологического закрепления) используются определенные — разные по языкам — способы элиминации древних анлаутных консонантных групп. Иногда эти способы различны в разные эпохи истории одного и того же языка либо в разных его диалектах. Наблюдаются и различия между отдельными лексемами.

Например, в древнеперсидском языке наметилась фонетическая тенденция к разбивке анлаутной консонантной группы вставным кратким гласным (см. выше). В дальнейшем эта тенденция продолжалась и развивалась. И хотя среднеперсидская графика — в основном консонантная — этих вставок обычно не фиксирует, к новоперсидскому периоду, т.е. к периоду языка классической персидской литературы (общему этапу для современных персидского, таджикского и дари), мы застаем уже практически сформировавшийся запрет на стечение согласных в анлауте — об этом свидетельствуют как огромный корпус стихотворных текстов, где традиционный размер «аруз» четко фиксирует слоги и их длительность, так и отдельные тексты с надписанными огласовками. При продолжении действия этого запрета поныне способ элиминации начальных консонантных групп частично изменился.

Так, в исконно иранских словах в формах древнего образования отмечается обычная вставка краткого гласного, происшедшая, как правило, в относительно раннюю эпоху и не зависящая от того, была ли эта группа ко времени появления вставки «удобной» (т.е. с первым слабым, а вторым сильным компонентами) или «неудобной» (с обратным соотношением компонентов). Ср., например, в «удобных» группах: **sīār-aka-* 'звезда' > перс. *setāre*, тадж. *siōra*, **stīna-* 'колонна, столб' > перс. *solun*, тадж. *sutun*; **spāraja-* (от корня **spar-*) > перс. *sepār-*, тадж. *supor-* 'вручать' и т.д.; в «неудобных» группах: **brūtar-* 'брат' > перс. *berādar*, тадж. *barodar*; **draugu-* 'ложь' > перс. *dorūy*, тадж. *durāy*; в ставших «ограниченно удобными» в древнеиранских языках: **xrutu-* (из более раннего **kratu-*, ср. др.-инд. *krātu-*) 'разум' > перс. *xerād*, тадж. *xirad* и т.п.

В настоящее же время, например, в персидском языке при адаптации заимствованной лексики в просторечии наблюдается дифференцированный подход к различным анлаутным консонантным группам. В «неудобные» группы по-прежнему вставляется краткий гласный, и группа уничтожается: *doroške* 'дрожки', *b(o)lok* 'блок', *k(e)liše* 'клише'. К «удобной» группе чаще наращивается протетическая гласная — с сохранением самой группы, но уже в качестве интервокальной: *estekân* 'стакан', *esputnik* 'спутник' и т.п. Однако и здесь возможны варианты: *estândâr* // *setândâr* 'стандарт'.

Сходные явления встречаются в различных иранских языках (ср. осет. *tʷyruba* из рус. *труба*, *sæqal* 'волна' из груз. *sʷqali* 'вода' и т.п., притом что прямого запрета на двусогласное начало в осетинском нет).

Стяжение консонантной группы в единую согласную, происходившее в различных иранских языках в разные эпохи и в анлаутной, и в срединной позициях, также способствовало исчезновению анлаутных групп. И даже в языках, где на них не было запрета, возобладало односогласное начало (и структуры начального слога CV-, SVC-, CVCC-).

§ 55. Анлаутный согласный, как и согласный, замыкающий консонантную группу, находясь перед гласным, стремится к максимальной интенсивности в артикуляции. С этим, а также с характером фонетической реализации ударения (см. раздел «Акцентные системы») в иранских языках связана свойственная большинству из них ярко выраженная тенденция к анлаутной интенсивности, которая служит пограничным сигналом и тем самым способом организации слова и средством членения речевого потока на слова.

В разных иранских языках это явление достигается различными фонологическими и фонетическими средствами (включая «избыточные» — недифференциальные для данного языка — элементы артикуляции). Во многих языках интенсивность анлаутной превокальной глухой смычной подчеркивается ее реализацией как аспирированной (например, в таджикском, персидском, осетинском), а звонкой смычной — как неполнозвонкой с интенсивной смычкой и т.д. В некоторых языках перед исторически гласным анлаутом вырабатывается согласная протеза — на фонетическом, а затем и на фонологическом уровне, например: **r̥s̥ša-* 'медведь' > **ar̥ša-* > перс. *xirs*, шугн. *yūr̥x̥*; **aišma-* 'гнев' > перс. *xešt* и т.д.

В диахронии это ведет к определенным «закономерным исключениям» в историко-фонетических законах и к выработке новых правил изменения начальных согласных.

Таковы системные «исключения» в языках скифо-осетинской подгруппы (и отчасти в сакских) из общевостоочноиранского правила спирантного отражения общеиранских анлаутных звонких. Как говорилось выше, одним из основных признаков, противопоставляющих друг другу две большие генетические группы иранских языков — западную и восточную, является отражение в них праиранских анлаутных звонких в виде соответствия: зап.-иран. смычных *b-, *d-, *g- ~ вост.-иран. спирантов *v- (и *w-), *δ-, *γ-. На этом фоне продолжение их в отдельных языках, генетически относящихся к восточной группе, в виде смычных, выглядит явным отклонением. Таково положение в скифо-осетинской подгруппе (ср. осет. b-, d-, ирон. q- / диг. γ-), менее последовательно оно обнаруживается в сакских диалектах. Аналогичные процессы наблюдаются в подсистеме дентальных согласных отдельных языков среднеазиатского ареала (в ягнобском, ишкашимском, отчасти сангличском, в ряде слов ваханского языка). Имеются косвенные свидетельства того, что смычность анлаутных звонких здесь вторична.

В осетинском языке их смычность объясняется интенсификацией артикуляции более ранних звонких щелевых в анлауте. При этом, например, переход вост.-иран. *v- в осет. b- захватил и ряд слов с начальным *g- (ср. осет. *buɣun* / *bijun* 'вить, плести' из праиран. **uai-* 'вить'); при метатезе *v- сохраняется (ср. осет. *ærvad* / *ærvadæ* из вост.-иран. **vṛātar-* 'брат'); в современном осетинском анлаутная v- в исконной лексике — крайне редка.

Интересна в этом плане судьба вост.-иран. *γ- (из индоир. *g-, *gh-): поскольку щелевая *γ относительно рано сместилась из заднеязычного ряда в увулярный, последующее усиление ее артикуляции, реализовавшееся на фонологическом уровне только в иронском диалекте, привело к переходу не в заднеязычную *g-, а в увулярную q- (см. выше, § 22).

Отражение анлаутного звонкого дентального в виде смычного в отдельных востоочноиранских языках Средней Азии (ишкашимском, сангличском, ягнобском) происходило в результате как особого спонтанного развития их фонологических систем (например, в ягнобском не получил устойчивой фонологизации *[δ]), так и глубокого адстратного влияния со стороны местных западноиранских языков (в основном таджикского — языка письменной культуры и *lingua franca* региона).

Таким образом, отклонения от историко-фонетических законов, определяющих генетическую классификацию иранских языков, явились вторичными, связанными в большей мере с тенденцией анлаутной

артикуляционной интенсивности и в меньшей — с иноязычным воздействием (подробнее см. [Эдельман 1984, 17–19; СГВЯ-Ф, 146–147, 169–171, 188–189, 213–214]).

Имеются и другие, более частные последствия тенденции к анлаутной интенсивности в разных языках. Так, интенсификация анлаутного звонкого вызвала в истории персидского, таджикского и дари на этапе между среднеперсидскими и классическими персидскими текстами переход начального *v-* (из праиран. сонанта **u*) в *b-* (например, ср.-перс. *vāfr* из **uap-ra-* 'снег' > перс., тадж. *barf*; ср.-перс. *vīst* 'двадцать' из **u(m)šati-* > перс., тадж. *bīst* и т.д.), аналогично осетинскому языку. Возможно, с этой же тенденцией связано отражение в данных языках в начальной позиции др.-перс. *ð-* (из общеиран **s* < н.-е. **k*) в виде не **h*, как в середине слова, а более интенсивной *s-* [Расторгуева 1990, 127–128]. С нею же связаны и такие диахронические закономерности, как переход начального звукотипа **r-* в сильную фонему *r̄-* в курдском, «исключения» в отражении индоиран. **s-* в анлауте перед гласными — в виде рефлексов не **h-*, как ожидалось бы, а **š-* в ряде восточноиранских языков в глагольных основах при их квазиредупликации (подробнее об этих основах см. [СГВЯ-Ф, 102–103]), и многие другие частные правила в различных языках.

§ 56. Поскольку слог, содержащий более двух неслоговых элементов, стремился к структуре $C_1VC_2C_3(C_4)$, где C_1 и C_3 (или C_4), находящиеся перед гласным, имели бы максимум артикуляционной интенсивности, а C_2 был бы наиболее слабым, эта тенденция влияла на рефлексы древних слогов, в общеиранскую эпоху принимавших участие в аблаутных чередованиях. Особенно характерны в этом плане корневые слог, содержавшие срединный сонант типа $/C_1RC_2/$ (где C_1 — согласный или неслоговой вариант сонанта, R — сонант, C_2 — согласный) и имевшие в разных образованиях аблаутные типы: $CRC-$: $CaгC-$: $Crac-$ (где $г$ — неслоговой вариант сонанта), например, праиран. **trś-* 'бояться' с вариантами **trś-* : *tθras-* : *tars-*; **grb-* 'хватать' — **grb-* : *grab-* : *garb-*; **prś-* 'спрашивать' — **prś-* : *pfraś-* : *parś-*. Как правило, их продолжения в не-древних иранских языках подразумевают в качестве прототипов слог типа $CVrC$, особенно если C_1 — глухой согласный. Исключений немного, и они связаны обычно с наращением неслоговых элементов суффикса, когда образовывалась последовательность $CCVCC-$ (например, **trp-* 'терпеть, испытывать нужду' — основа **trp-ja-* > **trəfju-*, отразившаяся затем в язг. *caf-* 'воровать', где *c-* < **tr-*, и в ишк. *tərf-* 'воровать').

В конечном счете это явление связано со способами отражения древних сонантов, когда они выступали в слоговом варианте.

Как известно, из общендоевропейских сонантов $*i$, $*u$, $*r$, $*l$, $*m$, $*n$, $*a/H$ при употреблении их в слоговой позиции только $*i$, $*u$, $*a$ могли реализоваться как «чистые» гласные звукотипы — благодаря простому расширению голосовой щели. Сонанты же, произносимые в неслоговом варианте с обязательной смычкой — носовой ($*m$, $*n$) или латеральной ($*l$) — либо с вибрацией ($*r$), такой возможности не имели. Их реализация в слоговой позиции подразумевает более сложную, неоднородную на всем протяжении, артикуляцию (представление о реализации, например, $*r$ в виде $[r-r-r]$, а $*r̄$ в виде $[r-r-r-r]$ и т.п., очень далеко от реальности). Как показывают их рефлексы, уже в древности они были представлены целыми слогами. Для вибранта $*r$ это были слоги типа $[rə]$, $[ar]$, реже $[ar^ə]$, $[^ərə]$ (где $ə$ — гласный призвук), а для смычно-проходных $*l$, $*m$, $*n$ — либо аналогичные слоги, либо сонорные согласные, но с пиком слога — резким усилением воздушной струи — на каком-нибудь участке звучания. Этот пик слога — при разрушении системы сонантов как особого класса фонем — закрепляется в виде гласного элемента типа $ə$, a , i и т.п. (ср. н.-е. $*r >$ греч. $ρα$, $αρ$, ст.-слав. $рь$, кельт. ri , ar , др.-инд. ri и др.).

По-видимому, уже в индоиранскую эпоху в праиранских диалектах сонанты этого класса в слоговой позиции перед одним согласным имели тенденцию к артикуляции типа $[ər]$, отражаясь впоследствии в виде сочетания $/Vr/$ (см. ав. $ərə$, представляющее один слог). Ср., например, причастия на $*-ta$ от корней типа $*CR-$, где «нулевая» огласовка корня обусловила структуру $*Cṛta-$, т.е. $*Cərta-$: от корня $*bar-$ 'нести' — $*bṛta-$ [$*bərta-$] $>$ перс. *bord*, тадж. *burd*, курд. *bər*, язг. *vəg*, пшт. *wəṛ* (в последних языках конечная согласная — рефлекс группы $*rt$); от корня $*mar-$ 'умирать' — $*mṛta-$ [$*mərta-$] $>$ перс. *mord*, тадж. *murd*, курд. *mər*, язг. *məg*, пшт. *məṛ*; от корня $*kar-$ 'делать' — $*kṛta-$ [$*kərta-$], позднее также $*karta-$ $>$ перс., тадж. *kard*, шугн. *čūd*, язг. *kəg* и т.д. Этим праиранские диалекты в плане синтагматики на фонетическом уровне отличались от праиндийских, в которых слоговой вариант $*r$ реализовался, вероятно, в виде $*[rə]$ и при дальнейшем разрушении сонантов отразился в виде ri (ср. *a-mrita-*, *sanskrit-* и т.п.).

Такие различия в реализации слоговых вариантов сонантов являются косвенными свидетельствами того, что их предопределяли некие оптимальные структуры не только консонантной группы (rC в древних иранских диалектах, но Cr в индийских), но и целого слога, а также отрезка, включающего слоговые и неслоговые звукотипы ($CVrC(a)-$ в древних иранских диалектах, но $CrVC(a)-$ в индийских).

§ 57. Несколько иной предстает картина структуры слога и слова в славянских языках. Здесь относительно рано возобладали тенденции к иному строению консонантных групп и к открытому слогу.

§ 58 Состав консонантных групп в праславянском (их перечень и анализ см. [Мейе 1951, 102–116; Бернштейн 1961, 136–141]) в принципе мало отличен от состава праиранских и древних иранских групп неслоговых элементов⁷. Основное отличие состоит в тенденциях изменения этих групп, а именно в том, что в праславянский период и позднее не наблюдается свойственной иранским языкам тенденции к ослаблению первого компонента такой группы. Отмечаются случаи диссимиляции в индоевропейских группах с появлением вставных **t*, **d* в раннепраславянские группы **sr*, **zr* (< **gr*) или перехода пре-консонантной **p* перед **t* в *s*: см., например, слав. *strybъ* 'дядя по отцу' (и болг. *ná-storok* 'отчим'), где *st-* < **pt-* в более раннем **ptrujo-* (из и.-е. **patrijō-s* 'дядя по отцу' — производного от **patēr-* 'отец'), ср. отражение этой группы в др.-инд. *pitr̥ya-*, ав. *tiiryu-*. Характерно также упрощение группы путем элиминации первого компонента, типа **pt* > *t*, **kt* > *t*, **bd* > *d* в определенных условиях, например, праслав. **netьjъ* 'племянник', ср. ав. *napiyu-* (подробнее см. [Мейе 1951, 103]).

Функционирование консонантных групп в раннем и более позднем состоянии праславянского тесно связано со структурой слога и слова и соответственно с характером анлаута и с принципами слога-деления.

§ 59. В славянских языках в ранний праславянский период слоги могли быть открытыми и закрытыми, но уже к позднему состоянию праславянского становится явной тенденция к открытому слогу (подробнее см. [Бернштейн 1961, 141]). Это проявилось в ряде факторов, в первую очередь в изживании закрытых слогов, в способах вокализации сонантов и в элементах внутрислоговой гармонии.

Как указывает С.Б.Бернштейн, тенденция к открытому слогу особенно усилилась в период распада праязыка на диалекты, поскольку проявилась в них неодинаково. В числе ее проявлений было падение конечных согласных, в первую очередь зубных *t*, *d*, *s* (типа *tod* > *to*), и развитие протетических согласных перед анлаутным гласным (ср. рус. *выдра* ~ ав. *udra-*, др.-инд. *udrā-*, лит. *údra-*; праслав. *esъ* > *jesъ*, ср. праиран. **ahmi*, др.-инд. *asmi* из и.-е. **es-mi*). К этой же группе явлений относится и изменение слогораздела: конечная согласная слога отходила к последующему слогу (подробнее, с примерами, см. [Бернштейн 1961, 182, 184–187]).

С тенденцией к открытому слогу связаны и способы вокализации индоевропейских сонантов в слоговой позиции и — тем самым —

преобразование ранних праславянских дифтонгов, включающих гласные *r, i*. В противовес иранским языкам, которые преобразуют слог типа *СҖС* по типу *CVRC* с появлением гласного призвука перед сонорным элементом (см. § 56), славянские языки (как и индоарийские) выявляют противоположную направленность — ранние праславянские сочетания типа *ToT, ToIt, TeT, TeIt* в южнославянских языках (чешском и словацком) преобразуются в *TraT, TrëT, TlaT, TlëT*, в языках лехитской группы — в *TrоT, TreT, TloT, TleT*, а в восточнославянских языках реализуется полногласие. Ср., например, болг. *крава, град, бреза, бряг, блато*; польск. *krowa, ogród, brzoza, błoto, mleko*; рус. *корова, город, береза, берег, болото, молоко*. Это явление, называемое в некоторых работах «славянской метатезой», — характерный признак славянских языков, диаметрально противоположный иранскому. Подробнее об этом явлении см. [Бернштейн 1961, 216 и сл.], объяснения, материалы и датировка (там же, 217–219).

Тенденция к открытому слогу способствовала также ускорению стяжения дифтонгов в монофтонги. Однако следует отметить, что стяжение дифтонгов происходит и в языках, где нет такой тенденции, включая иранские. Хотя надо признать, что сохранение в части иранских языков рефлексов слабых дифтонгов, возможно, в значительной степени связано предпочтительной структуре слога типа *CVrC*.

С тенденцией к открытому слогу связано также такое явление в славянских языках, как внутрислоговая аккомодация — воздействие гласных на предшествующие согласные. Этот процесс имел результатом внутрислоговую гармонию, которая позволила квалифицировать такие «гармоничные» слоги как слогофонемы, или силлабемы, существовавшие некоторое время в истории славянских языков. Иногда это явление трактуют как слоговой сингармонизм, однако это не совсем точно по двум причинам. Во-первых, сингармонизм — явление морфонологическое: это способ организации слова, точнее, словоформы как целостной единицы, не ограничивающейся пределами слога. Во-вторых, тенденция к внутрислоговой гармонии не привела на практике к группофонемам, а осталась на уровне фонетической тенденции. Разрушение таких «гармоничных» слогов связывают с эпохой утраты сверхкратких гласных и установления относительной самостоятельности гласных и согласных. Подробнее об этом явлении см. [Бернштейн 1961, 257–259; Журавлев В.К. 1961, 1963, 1965, 1966, 1967 (II)].

С этой же тенденцией связаны и некоторые иные ассимилятивные процессы (в широком смысле этого слова) и ограничения в славянских языках, о которых будет сказано ниже.

§ 60. Таким образом, синтагматические тенденции иранских и славянских языков — сочетаемость разных разрядов фонем, структура слога и слова и т.п. — неодинаковы уже начиная с праязыковых состояний. Дальнейшие изменения в различных иранских и славянских языках способствовали еще большему расхождению в строении слога и слова и в возможностях фонологизации некоторых звукотипов.

ВТОРИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: АССИМИЛЯЦИЯ И АККОМОДАЦИЯ. АНАЛОГИЯ

§ 61. Наблюдается целый ряд вторичных изменений, вызванных в языках обеих семей как фонемной и фонетической синтагматикой, так и фонологической аналогией.

§ 62. В иранских языках, начиная с праиранского периода, эти явления заметны и в вокализме, и в консонантизме. Анализ всех явлений этого плана — дело будущих исследований, здесь же рассмотрим лишь несколько характерных случаев, имеющих параллели в истории славянских и других индоевропейских языков Европы.

Ассимиляция и аккомодация

§ 63. Сильная тенденция к регрессивной ассимиляции (гласных и согласных) и к аккомодации представляет собой одну из существенных общих тенденций в фонемной синтагматике и иранских, и славянских языков, начиная с глубокой древности. Именно такое — регрессивное — направление ассимилятивных процессов дает результаты на фонологическом уровне в составе и «поведении» как гласных фонем, так и — особенно ярко — согласных. Значительно реже в иранских языках, как и в славянских, наблюдается обратное направление уподобительных процессов.

*По фонологическим результатам эти процессы наиболее ярко проявились в палатализации согласных, особенно заднеязычных *k, *g, и в лабиализации, о чем говорилось выше (см. § 37–46).*

На фонетическом уровне такие явления наблюдаются в самых разных иранских и славянских языках. И хотя на обозримом иранском материале не наблюдается такого отчетливого результата подобных процессов внутрислоговой аккомодации, как славянские слоговая

гармония и силлабема (см. выше, § 59), тенденции к единому резонансному оформлению последовательности CV вполне отчетливы.

Элементы регрессивной ассимиляции с выходом за пределы слога представлены в консонантизме и вокализме иранских языков.

§ 64. Сюда относится эпентеза *i*, *u* в авестийском языке — как начальный элемент воздействия дизонного и бемольного резонансов со стороны соответствующих гласных и сонантов на предшествующий гласный. См., например, ав. *vīsaiti-* 'двадцать' < **ui(m)šati-*; ав. *jaidi* 'удар' < **jadi* (императив); ав. *haurva-* 'все, всё' < **har(u)ya-*; ав. *paoirya-* 'первый' < **paru(i)ja-* и т.п. Такая эпентеза — явление, типологически сходное с «преломлением» в германских языках (см. [Стеблин-Каменский М.И. 1962, 153]).

Как бы продолжением этого процесса в более поздних языках (живых и вымерших) предстает изменение гласных предшествующего слога под воздействием гласных и отдельных согласных последующего слога либо согласных, закрывающих данный слог, т.е. явление, лежащее в фонетической базе для развития морфонологического явления — умлаута (см. раздел «Элементы морфонологии», § 9–13).

Этот же тип ассимиляции и аккомодации в различные периоды истории иранских языков породил в отдельных из них и элементы гармонии. Такова, например, была внутрислоговая гармония на определенном этапе истории севернопамирских языков (шугнано-рушанской группы и язгулямского), результатом чего явились палатализация заднеязычных согласных (хотя и в различной степени по языкам) и лабиализация в язгулямском (подробнее [СГВЯ-Ф, 130–133, 142–143]), отчасти сходные со славянскими. Межслововая гармония встречается реже (ср., например, частичную гармонию гласных внутри одного слова в гилянском и ваханском языках). При этом сингармонизм как морфонологическое явление здесь не состоялся, несмотря на агглютинативный характер парадигм целого ряда иранских языков.

В этом же — историко-типологическом — русле проходят и многие другие сходные славянско-арийские фонетические процессы, такие, например, как падение редуцированных гласных (в славянских, некоторых иранских, а также в дардских языках кашмири и шина), йотирование согласных (в славянских и отдельных нуристанских) и т.п.

§ 65. В консонантизме иранских и — в меньшей степени — славянских языков интересны изменения этого типа, вызванные процессами ассимиляции и аналогии в трансформации элементов подсистемы праиранских и праславянских сибилантов.

Уже сам состав этой серии фонем в праиранском (постепенно ассимилировавшихся **š*, **ž* и постепенно рефонологизовавшихся **s/h/z*

и *š/ž) и система их чередований в праязыковом состоянии иранских языков, в его ареальных вариантах и в языках древних памятников (см. [СГВЯ-Ф, 47–54; Расторгуева 1990, 67–75]) показывают, что, начиная с древних диалектов, эта система не была стабильной. Нестабильность ее усиливалась, помимо прочего, сохранением в тот период словоформ, построенных в более ранние эпохи с соблюдением правил индоиранского (и индоевропейского) аблаута и правила RUKI и включавших чередования типа и.-е. *ues : us > индоиран. *uas : uš (ср. др.-инд. *vas* : *uṣ*) > праиран. *uāh : uš; а также и.-е. *k(e) : kt > индоиран. *ś(a) : št > št (ср. др.-инд. *ś(a)* : *ṣṭ*) > праиран. *ś(a) : št (ср. ав. *s(a)* : *št*, др.-перс. *ṣ(a)* : *št*). Несколько проще была праславянская система, но и в ней рудименты чередований индоевропейской эпохи создавали определенные сложности.

Все это вызывало случаи фонетической ассимиляции, а также контаминации и изменения по аналогии разных лексем и форм, уподобления фонемного состава некоторых лексем, производных от единого корня (пока не утрачивалась их семантическая и этимологическая связь), различных форм, входящих в единую парадигму, и т.п.

§ 66. Ассимиляция фонем этой серии наблюдается в иранских языках не только древнего периода (ср., например, отражение инхотативного суффикса и.-е. *-ske/o- в виде праарийского *-sca- > праиран. *-sa-, при индоар. -ccha-, но праслав. *-sk-), но и в более явном виде в языках более поздних периодов. Характерно, что здесь ассимиляции подвержены не только соседние согласные, но и разделенные гласными согласные в пределах слога и слова. Ср., например, тадж. *šuyš* 'легкое (анат.)' вместо **suš*, при ав. *suši-* 'легкие'; тадж. *šabuš* 'вошь' вместо **sabuš* < **spiš-* < праиран. **šuyš-* (при ав. *spiš-*); тадж. *šištan* 'сидеть, сесть' вместо **šistan* из более раннего *nišastan*.

Ассимиляция сибилантов отмечается и в других индоевропейских языках группы «сатэм». Ср., например, др.-инд. *śuška-* 'сухой' вместо **suška-* из индоиран. **suš-ka-* (при ав. *huška-*) < и.-е. **sus-ko-*; лит. *sausas* 'сухой', *sausrà* 'засуха' вместо **saušas*, **saušrà* из и.-е. **saus-* : *sus-* [Pok. IEW, 880–881] (при лит. *aušrà* 'заря', где в отсутствие начального *s-* правило RUKI перевело и.-е. *-s- > *-š-).

§ 67. Характерно, что отмеченная в раннем праславянском диссимиляция в определенных консонантных группах, типа **sr* > **str* [Бернштейн 1961, 139], для раннего состояния праиранского не прослеживается. В иранских языках диссимиляция отмечается лишь спорадически и главным образом в виде выпадения одного из однокачественных согласных или слогов (т.е. в виде выпадения одной из *r* при наличии в слове двух *r* [Боголюбов 1976] или так называемой гаплогонии, отмечаемой уже в языке Авесты, см. [Beekes 1988, 103]).

Аналогия

§ 68. Еще более сложны изменения, вызываемые аналогией, в том числе и в словах, содержащих древние сибиланты. Из них можно выделить два типа: 1) аналогии чисто фонетические и 2) аналогии, связанные с морфологическими и словообразовательными процессами, т.е. обусловленные определенными видами семантического отождествления тех или иных словоформ с другими словоформами.

§ 69. К первому типу относится переход индоиран. *s в общеиран. *š после лабиальных согласных, происходивший, по-видимому, по аналогии с переходом *ś > *š в той же позиции, который сформировался раньше, до утраты фонемой *ś шипящего компонента артикуляции (см. § 3). Ср. закономерный переход *ps' > fš': ав. fšuman- 'хозяин скота' (при др.-инд. paśumán-); кл. перс. šurān, тадж. šubon, čūron 'пастух, чабан' из *fšu-pāna-, где *fšu- < *p(a)śu-, ср. ав. pasu- 'скот' из и.-е. *pek- [Pok. IEW, 797]; то же в ав. fšarāma-, кл. перс. šarm 'стыд' из *fšarma- < *psarma- (?) из и.-е. *kormo-, ср. ст.-слав. срамъ [Pok. IEW, 615].

К случаям фонетической аналогии может относиться, например, переход *ps > fš': ав. drafša-, кл. перс. dirafš 'знамя' (при др.-инд. drapsá-) из и.-е. *drep- : drop- + s (ср. [Bartholomae 1895, 17; Pok. IEW, 211]); ав. āfš 'вода' — ном. ед.ч. от *āp- + s; возможно, сюда же относится ав. nafšu — локатив мн.ч. от napāt- : napt- 'внук' из и.-е. *nept-su при раннем выпадении *-t-; однако в последних примерах не исключена и морфологическая аналогия, как в славянских языках (см. ниже).

§ 70. Из изменений по аналогии, связанных с лексическими и морфологическими парадигмами от корней с сибилантами в праиранский и праславянский периоды, наиболее характерны следующие.

§ 71. А. Стабилизация единого начального корневого сибиланта, вне зависимости от облика прекорневых элементов. Таковы отмечавшиеся в древнеиранских языках (как и в древнеиндийском) перебои начального корневого общеиран. *h- (из *s-, ср. др.-инд. s-) и *š- в случаях, когда они уже не были обусловлены фонетической позицией.

Так, праиранский корень *had- 'садиться, сидеть; сажать' (< индоиран. *sad- < и.-е. *sed- [Pok. IEW, 884–887]), употребляясь в глагольных формах обычно с превербом *ni-, приобретал при этом закономерный облик *-šad-. Однако в продолжениях форм этого глагола уже в древности наблюдаются варианты с *š- при следовании корня не непосредственно за превербом, а за вставляемым после преверба аугментом -a-: др.-перс. имперфект niyašādayam 'я] установил,

посадил' (и в др.-инд. *nyāṣīdat*), по аналогии с формами презенса, начинающимися на *ni-ṣ-*.

В дальнейшем в языках, где преверб рано утрачивал продуктивность и «прирастал» к корню, данный глагол продолжается с рефлексами корневой **ṣ-*, например кл. перс. осн. наст. вр. *nišīn-* : осн. прош. вр. *nišast-* (из **nišasta-* < **ni-šad-ta-*), тадж. разг. *šin-* : *šišt* (с сохранением *ṣ-* и после утраты преверба) и т.д.

В языках, где преверб дольше сохранял продуктивность, корень дольше воспринимался как самостоятельная морфема и продолжался с рефлексом **h-* даже при последующем сращении его с превербом ср., например, шуги. *niḍ-* : *nūst*, язг. *niḍ-* : *nəyūst* (из **ni-had-ja-* : *ni-hasta-* < **ni-had-ta-*) 'садиться, сидеть'. Любопытна история этого глагола в ишканимском языке: здесь осн. наст. вр. *nid-* (< **ni-had-ja-*) сохраняет следы относительно длительной в диахронии продуктивности преверба (и соответственно самостоятельности корня) в формообразовании (что естественно при изменяемости глагола по лицам и числам), а осн. прош. вр. *nəl/ūst*, продолжающая причастие (**ni-šasta-* < **ni-šad-ta-*), выявляет относительно раннее застывание формы (и соответственно приращение преверба к корню).

Сходные перебои по аналогии отмечаются в славянских языках в продолжениях глаголов от этого же индоевропейского корня с префиксом на *-i-*: ср. слав. *prisēdēti*, рус. *присесть* с рефлексом и.-е. **s-* в виде *s-*, но слав. *pri-xod-*, *pri-xodīti*, рус. *приходить* с закономерным рефлексом и.-е. **s-* в виде *x-* в продолжении производного от глагола **sed-* : **sod-* в огласовке **sod-* в значении 'идти' (см. [Pok. IEW, 884–887; Бернштейн 1961, 163–164]).

В иранской семье много перебоев такого типа наблюдается уже в языке Авесты. Например, от корня **haik-* 'лить' (< индоиран. **saik-* < и.-е. **seik**- [Pok. IEW, 893–894]) имеются, с одной стороны, ав. п. *fra-šaēkəm* 'проливание' (абсолютив с *ṣ* вместо **h*, наряду с «правильным» *fra-hixtəm* 'пролитый' — прич. м.р. ед.ч. в акк.), с другой — ав. п. *paiti-hinčaiti* 'проливает' (с *h* вместо **ṣ*); от корня **stā-* 'стоять, ставить' < индоиран. **stā-* < и.-е. **stā-* [Pok. IEW, 1004–1010] — ав. *paiti-stayatu* 'остановил' (с *s* вместо **ṣ*, ср. др.-инд. *pratiṣṭhāya-*) при «правильном» *paiti-štāiti* и т.п. (подробнее см. [Bartholomae 1895, 18; Reichelt 1909, 55]).

Наличие таких «корней-двойников» с *ṣ-* : *h-* и с *ṣ-* : *s-* в эпоху, когда причина их появления была утрачена, привело зороастрийских жрецов — кодификаторов Авесты к попыткам «нормализовать» начало корня, сохраняя при этом и элемент *ṣ* в словоформе. Результатом явились формы с расщеплением начальной корневой согласной

на последовательность двух фонем: \check{s} + h , \check{s} + s , из которых вторая фонема относилась к корню, а первая воспринималась как замыкающая прекорневую морфему (элемент композита, преверб или элемент удвоения в редуплицированных основах), например, ав. г. *huš-haxā* (ном. ед.ч. м.р.) 'добрый попутчик, друг' вместо **hu-šaxā*, ср. др.-инд. *susākhā* (из и.-е. **sū-*, *su-* 'хороший, хорошо' [Pok. IEW, 1037–1038]) и и.-е. **sekʷ-* 'следовать за' [Pok. IEW, 896]); ав. п. *niš-hidaiti* 'сидит' вместо **ni-šida-* (см. выше); ав. п. *ā-hiš-haxti* 'следует за' вместо **hišak/x-* (редуплицированная основа от **hak/x-* < и.-е. **sekʷ-*, где **hi-* < индоиран. **si-* < и.-е. **sə-* — элемент удвоения), ср. др.-инд. *siṣakti*; ав. п. *huš-xʷafa* '[он] заснул' (перф. акт. 3-го л. ед.ч.) < **hu-xʷapa* < индоиран. **su-suap-*, ср. др.-инд. *suṣvāpa* (с элементом удвоения праиран. **hu-* < индоиран. **su-* от праиран. корня **xʷap-*, *hʷap-* : *hup-* 'спать; сон' из индоиран. **suap-* : *sup-* < и.-е. **ṣep-* : *sup-* [Pok. IEW, 1048–1049]). Подробнее об этом типе аналогических изменений в языке Авесты см. [Reichert 1909, 55–56].

В лексемах, где индоиран. **su* уже закрепилось в виде др.-иран. **xʷ / hʷ* > ав. *xʷ*, такое расщепление наблюдается значительно реже — очевидно, к периоду кодификации Авесты этимологическая связь между некоторыми формами и лексемами с *xʷ* и \check{s} была в значительной мере затухивана и прямые ассоциации между ними уже не возникали (см., например, сочетания преверба *paiti* < **pati* с корнями *xʷar-*, *xʷah-*, *xʷab-* и т.п. [Barth. AiW, 1863, 1866, 1875 и сл.]).

Из иных типов аналогии следует отметить в некоторых восточноиранских языках трансформацию глагольных основ от корней с **h-* < и.-е. **s-* по типу редуплицированных, с заменой **h-* на * \check{s} - (и с последующей трансформацией * \check{s} -, обычной для каждого из языков), т.е. с изменением начальной части по типу др.-иран. **hi-šV-*, как у редуплицированных с индоиран. **si-šV-* < и.-е. **si-sV-* или **sə-sV-*, хотя исторически они не имели удвоения. Это делалось, возможно, ради избежания утраты **h-* (свойственной многим восточноиранским языкам) и сохранения анлаутной интенсивности. См. шутн. *bišis-*, бдж. *biways-*, хуф. *biuways-*, сар. *bylis-* 'распухать, надуваться' < **upa-(hi-)šik-s-ja-*, как бы из вторичного *(*hi-*)šaik- от корня **haik-* (ср. ав. *haēk-*) < индоиран. **saik-* < и.-е. **seikʷ-*. В дальнейшем в этих глаголах * \check{s} вместо **h* закрепилась в составе корня, и рефлексы * \check{s} присутствуют даже в продолжениях причастий на *-*ta* и отглагольных имен, не подразумевающих исторической редупликации. Хотя в какой-то степени этот процесс был связан с фонетической тенденцией к анлаутной интенсивности, свойственной данным языкам, сам выбор именно * \check{s} вместо **h* указывает, что замена произошла

тогда, когда чередование *h*- : *š*- в формах других глаголов еще не препятствовало отождествлению этих форм как представителей единой лексемы, и что такая замена была обязана аналогии с этими глаголами (материал см. [СГВЯ-Ф, 102–103]).

§ 72. Б. Стабилизация единого конечного корневого сибиллянта, вне зависимости от облика посткорневых элементов. Сюда относятся многочисленные примеры разновременных перебоев в различных иранских языках в исходе глагольных корней, выступающих в разных формах, например в основах настоящего времени (из древних презентных основ, где сибиллянты могли оказаться и перед гласным, и перед согласным суффикса или флексии), в основах прошедшего времени (из причастий прошедшего времени) и в отглагольных именах (где сибиллянты практически всегда оказывались перед согласными или перед неслоговыми вариантами древних сонантов).

Результаты аналогии налицо уже в Авесте: ср. ав. *vasnā* 'волею, по воле' (при закономерном др.-перс. *vašnā*) < праиран. **vasna-* от корня **uas-* < и.-е. **uek-* — по аналогии с переходом **š* > *s* между гласными в других формах от этого корня (ср. ав. *usant*, *vasemi* и т.п.); ав. *uasnō* 'почитание, поклонение; жертвоприношение' (при др.-перс. **uasna-* > кл. перс. *jašn* 'праздник') из праиран. **jažna-* (< индоиран. **iajna-*, ср. др.-инд. *yajñā-*) от корня **iaž-* < и.-е. **iaǵ-* — по аналогии с ав. *uaga-*. Сюда же — др.-перс. *u-frasta* 'хорошенько наказанный', букв. 'хорошо-спрошенный' из **hu-frašta-* < **praš-ta-* < и.-е. **prek-to-* — по аналогии с презентной основой *pars-* : *fras-* с инхотивным суффиксом **-sa* < **-ssa* < **-ske* (т.е. **praš-sa-* < **prek-ske-*).

В дальнейшем эта аналогия усиливается, особенно при вхождении основ настоящего времени (из древних презентных) и основ прошедшего времени (продолжающих древние причастия или построенных по их типу) в единую продуктивную парадигму глагола и при включении механизма внутрипарадигматического выравнивания. Здесь отмечаются разнонаправленные процессы, различающиеся как между языками (ср. язг. *pis-* : *pist* 'спрашивать' с *s* в основе прош. вр. по аналогии с основой наст. вр., но шугн. *wǝš-* : *wǝšt* 'падать' из общеиран. корня **uaž-* с *š* в основе наст. вр. по аналогии с основой прош. вр.), так и между отдельными глаголами одного языка. В ряде случаев такая аналогия могла способствовать не замене в прошлом одного сибиллянта другим, а «торможению» развития того же сибиллянта — по аналогии с другими формами или глаголами, где сибиллянт выступает в более архаичной форме благодаря «консервирующей» фонетической позиции (материал см. [СГВЯ-Ф, 108 и сл.]).

§ 73. В. Стабилизация облика посткорневых элементов, содержащих сибиллянты, вне зависимости от исхода корня или промежуточных элементов. Ср. рефлексы энклитики 3-го л., т.е. указательной, с общеиран. **h-* или **š-*, в зависимости от исхода предшествовавшего слова: ед.ч. ген.-дат. **hai*, **šai* (< индоиран. **sai*, **šai* < и.-е. **sei*), акк. **him*, **šim* и т.д. В авестийском при сохранении форм с *h-* и *š-* варианты с *h-* распространяются и на такие позиции, где по правилам ожидалось бы варианты с *š-* (*yezī hōi*, *taṭ zī hōi*, но и *yezī šē*). В древнеперсидском, наоборот, генерализовался вариант с *š-* (*adam-šim*, *adam-šaiy*, *utā-šaiy*, *avadhā-šaiy*, см. [Barth. AiW, 1721–1727, особенно 1726, примеч.]).

В более поздних языках наблюдается уже полная унификация: варианты с **š-* (обычно рефлексы ген.-дат. **šai*) становятся универсальными практически для всех западноиранских языков (ср. тал. *-(š)š*, шахрудидский *-(e)š*, ср.-перс. *-aš*, кл. перс., совр. перс., тадж. *-aš*, дари *-aš*, *-eš*, диалекты Фарса *-iš*, *-āš*, *-eš* и др., маз. *-š* и т.д.) и для части восточноиранских (ср. согд. Старые письма *-šy*, *-š*, будд., муг., хр. *-šy*, ман. *-šy(y)*, *-š*, ягн. *-(i)š*, *-š*); часть восточноиранских языков унифицировала рефлексы варианта **hai* (ср. хор. 3-е л. ед.ч. *h(y)*, хс. *ī*, *yā*, пшг. 3-е л. ед. и мн.ч. *ye*); в памирских языках форма **hai* отразилась в виде глагольного отделяемого показателя 3-го л. ед.ч. при формах прошедших времен (через этап употребления генитива энклитики для обозначения субъекта действия в конструкциях с переходными глаголами) — в шугнано-рушанской языковой группе, ваханском, ишкашимском языках *-i*, язг. *-ay*. В осетинском языке эти варианты закрепились за определенными грамматическими формами: энклитика 3-го л. ед.ч. *jæ*, *æj* / *æ* и дигорское ударное местоимение *je* 'тот' — из варианта **hai* (последнее, возможно, при контаминации с рефлексом древнего указательного местоимения **ha-*), а энклитика 3-го л. мн.ч. *sæ* — из варианта **šai* (возможно, при контаминации с ударным указательным местоимением в форме **aišām*).

§ 74. Формообразующие посткорневые элементы с сибиллянтами выявляются труднее, поскольку многие из них в иранских языках утрачены (как и другие посткорневые форманты, см. ниже). Однако и здесь в уцелевшем материале наблюдаются «сбои» аналогического происхождения. К таким может относиться, в частности, упомянутый выше авестийский локатив мн. числа *naṣbi* (от *parāt-* : *par-* 'внук'), если усматривать здесь не прямое продолжение индоевропейского **nept-su-* (от **nerōt-* [Pok. IEW, 764]) с выпадением **-t-* (см. выше), а трансформацию окончания по аналогии с окончаниями локатива мн. числа от тематических основ **-aišu*, где появление *š*

закономерно (при общей тенденции древних иранских диалектов к тематизации склонения это вполне вероятно). Ср. соответствующую праиранскую \check{s} в показателе локатива мн. числа **-aiš* славянскую *x* в генерализованном показателе локатива мн. числа (например, *ženaxъ*) [Мейе 1951, 316–317]. См. также общеиранскую правильную форму номинатива ед. числа на **-s*, где в наиболее раннюю эпоху **t* перед **s* не выпадало, в виде **napāt-s* > **napās* (аналогичную лат. *perōs*), продолжившуюся закономерно в отдельных иранских языках, ср., например, шугн. *nibōs*, язг. *nabes*, мундж. *nāwes*, тадж. диал. и дари *nawosa* (возможно, восточноиранское заимствование) ‘внук’. То же может относиться к ав. *āš* (см. выше), если усматривать здесь аналогию с отражением в номинативе **-s* > *-š* после велярных.

§ 75. Особняком стоят некоторые форманты, содержащие сибиллянты, генерализация которых явно зависит от их продуктивности. Так, например, в глагольной системе сигматический суффикс аориста, утративший продуктивность в доиранскую или раннеиранскую эпоху, строго подчиняется правилам чередования индоиран. **-s* : *-š* > праиран. **-h* : *-š*. Ср. постепенную генерализацию форм сигматического аориста с *-x* в ряде древних славянских диалектов [Мейе 1951, 171, 201, 205 и сл.].

Суффикс же, продолжающий инхоативный и.-е. **-skē/o-* (через этапы арийск. **-sca-* > праиран. **-ssa-* > **-sa-*, при др.-инд. **-sca* > *-ccha*) и ставший в большинстве иранских языков глагольным показателем непереходности и состояния, сохранял продуктивность в течение очень длительного времени (например, он был продуктивным даже в раннешугнанском, уже после разделения шугнано-рушанской группы) и был существенным для языков с ярко выраженной категорией переходности ~ непереходности в глаголе. Это сохранило его в виде *-s-* (и вторичного *-c-* < *-s-*) в разных языках в различных позициях (в том числе и в тех, где группы типа **Cs*, **Vs* подвергались различным изменениям, стяжениям и т.п.), т.е. вопреки прочим фонетическим тенденциям и закономерностям. (Об отражении инхоативного суффикса в виде *-sk* в праславянском см. выше.)

Яркая выраженность *-s-* в этом суффиксе, «подавляющая» в иранских языках соседние звуки и нарушающая историко-фонетические законы, выявляется уже в древности: см. ав. *usaiti* ‘рассветает’ (вместо ожидаемого **uš-saiti*; то же «подавление» * \check{s} см. в др.-инд. *ucchati*) из и.-е. **us-skē-ti*, при правильном отражении того же корня в ав. *ušah-* ‘утренняя заря’ < и.-е. **us-as-* (подробнее см. ниже; см. также § 11 и сл.). Та же особенность этого суффикса наблюдается и позднее, хотя в живых языках сами словоформы предстают иногда

значительно перестроенными в результате недавнего затухания его продуктивности: ср. шугн. *ris-*, язг. *raxs-* 'оставаться' < **rik-sa-* от корня **raik-* < и.-е. **leik^w-* [Pok. IEW, 669] (при шугн. *pirex̄-* 'посыпать' от того же корня с ранним распространителем **-s* и затем с переходом **-k-s* > **-xš* > *-x̄*); кл. перс. *xusp-*, *xusb-*, бел. *waps-*, *wasp-*, *wafs-* 'спать' < др.-иран. **x^vap-sa-* от корня **x^vap-* : *hap-* (из и.-е. **sup-* : *sup-*); кл. перс. *časp-*, *časb-* 'прилипать, приставать' < **čap-sa-* от корня **čap-* (из и.-е. **kep-*) и т.д.

Наблюдаются и многие другие исключения из общих историко-фонетических правил развития сибилантов в разных иранских и славянских языках, связанные с воздействием аналогии.

§ 76. Следует еще раз подчеркнуть, что появление таких «закономерных исключений» под воздействием аналогии характерно прежде всего для тех словоформ (и позиций в них), которые еще находятся в сфере продуктивности определенных словоизменительных и словообразовательных формантов или моделей и которые не утратили осознаваемую этимологическую связь общих элементов. Тем самым фонологическая аналогия здесь находится в иерархической зависимости от морфологической, словообразовательной и — в конечном счете — семантической аналогии [Курилович 1962, 112].

§ 77. При раннем же (во всяком случае, до утраты чередований сибилантов) затухании продуктивности таких образований, при утрате осознания семантического единства словоформ, производных от единого корня или относящихся к единому парадигматическому ряду, аналогия исчезает, и закрепляются правильные линии их развития. Ср. продолжения местоимения 2-го л. мн.ч. в виде энклитики: и.-е. **ues* : *uos* > индоиран. **uas* (ср. др.-инд. *vas*) > праиран. **uāh* > ав. *vō*, *vā* и т.д., но при развитии его же с нулевой степенью огласовки (и.-е. **us-*) и с переходом в индоиранском **s* > **š* в составе ударного местоимения: и.-е. **us-* > индоиран. **uš-* > праиран. **uš-* — в основе индоиран. **ušta-* > праиран. **ušta-* > **šta-* (например, в форме генитива: индоиран. **ušmākam* > ав. *ušmākam*, *xšmākam*, др.-инд. *uṣmākam* и т.п. — с вторичным наращением у- (по аналогии с номинативом) и с графическим ав. «xš-» для обозначения [š-]).

Такие же правильные линии развития наблюдаются в сходных случаях и в других индоевропейских языках группы «сатэм», ср., например, производные от и.-е. *(a)*ues-* 'светить (о солнце), рассветать' [Pok. IEW, 86, 1174]: 1) с индоевропейскими огласовками **ues-* : *uōs-* (и с переходом сибиланта **s* > праиран. **h*) — др.-инд. *vasár-han-*, где *vasár-* 'утро', *vāsarā-* 'утренний; день', *vasan-tā-* 'весна', ав. *vayri* 'весной' (из праиран. **uāhri* < индоиран. **uasri*); праиран. **uāhar-* >

др.-перс. *vāhara-* — название месяца, кл. перс. *bahār*, тадж. *bahor* 'весна' и т.п., ср. рус. *весна*, лит. *vāsara* 'лето' и т.п.; 2) с индоевропейскими огласовками **us-*, **aus-* (и с переходом **s >* индоиран. **š*) — др.-инд. *uśās-* (ведич. *uśar-*); ав. *uśah-* (ном. *ušā*) 'утренняя заря', с последующими рефлексам **š*: шугн. *afaṣ* 'послезавтра', язг. *afaw* 'после-послезавтра, через два дня' (< **api-ušā-*), бел. *poši* 'послезавтра' (< **upa-uśah-*), ср. лит. *aušrà* 'утренняя заря', *aušta* 'рассветает' и т.п.

§ 78. Таким образом, вторичные фонетические и фонологические процессы, связанные с явлениями ассимиляции, аккомодации и с изменениями по аналогии, наблюдаемые в иранских и славянских языках, совпадают лишь частично, и совпадения носят здесь типологический характер, не связанный с возможностями особо близкой генетической общности.

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

§ 79. Акцентные системы праиранского и праславянского на данном этапе развития исторических исследований сравнивать очень нелегко: как по объективным причинам их трудной сводимости, так и по причинам субъективным — их крайне неравномерной изученности.

Поскольку праиранская фонетическая, фонологическая и морфологическая системы реконструируются не во всех своих подсистемах и особые трудности возникают при выходе за сегментный состав праязыка, у нас объективно отсутствует возможность воссоздать сколько-нибудь полную картину просодического характера, включая акцентные элементы. К тому же если по акцентологии славянских языков и по ее истории написаны серьезные и глубокие исследования (из работ рассматриваемого периода см. труды В.М.Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч 1963], А.А.Зализняка [Зализняк 1985], В.А.Дыбо [Дыбо 1981, 1982, 1997; Дыбо, Замятина, Николаев 1990] и более поздние; работы Е.Куриловича, К.С.Станга, К.Эбелинга и др.; см. также обзор трудов в [Бирнбаум 1987, 88–93, 180–182]), то акцентные системы многих живых иранских языков и изменения этих систем в истории практически не изучены.

Кроме того, в нашем распоряжении, в отличие от исследователей славянских языков, отсутствуют письменные памятники более ранних

др.-перс. *vāhara-* — название месяца, кл. перс. *bahār*, тадж. *bahor* 'весна' и т.п., ср. рус. *весна*, лит. *vāsara* 'лето' и т.п.; 2) с индоевропейскими огласовками **us-*, **aus-* (и с переходом **s >* индоиран. **š*) — др.-инд. *uśās-* (ведич. *uśar-*); ав. *uśah-* (ном. *ušā*) 'утренняя заря', с последующими рефлексам **š*: шугн. *afaṣ* 'послезавтра', язг. *afaw* 'после-послезавтра, через два дня' (< **api-ušā-*), бел. *poši* 'послезавтра' (< **upa-uśah-*), ср. лит. *aušrà* 'утренняя заря', *aušta* 'рассветает' и т.п.

§ 78. Таким образом, вторичные фонетические и фонологические процессы, связанные с явлениями ассимиляции, аккомодации и с изменениями по аналогии, наблюдаемые в иранских и славянских языках, совпадают лишь частично, и совпадения носят здесь типологический характер, не связанный с возможностями особо близкой генетической общности.

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

§ 79. Акцентные системы праиранского и праславянского на данном этапе развития исторических исследований сравнивать очень нелегко: как по объективным причинам их трудной сводимости, так и по причинам субъективным — их крайне неравномерной изученности.

Поскольку праиранская фонетическая, фонологическая и морфологическая системы реконструируются не во всех своих подсистемах и особые трудности возникают при выходе за сегментный состав праязыка, у нас объективно отсутствует возможность воссоздать сколько-нибудь полную картину просодического характера, включая акцентные элементы. К тому же если по акцентологии славянских языков и по ее истории написаны серьезные и глубокие исследования (из работ рассматриваемого периода см. труды В.М.Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч 1963], А.А.Зализняка [Зализняк 1985], В.А.Дыбо [Дыбо 1981, 1982, 1997; Дыбо, Замятина, Николаев 1990] и более поздние; работы Е.Куриловича, К.С.Станга, К.Эбелинга и др.; см. также обзор трудов в [Бирнбаум 1987, 88–93, 180–182]), то акцентные системы многих живых иранских языков и изменения этих систем в истории практически не изучены.

Кроме того, в нашем распоряжении, в отличие от исследователей славянских языков, отсутствуют письменные памятники более ранних

эпох с обозначенными акцентами. Более того, бо́льшая часть средневековых текстов вымерших и живых языков, написанная разновидностями семитического письма, не имеет обозначения кратких гласных, да и долгие обозначены не всегда адекватно. Исключение составляют бактрийские тексты, написанные греческим письмом, и сакские, написанные письмом брахми в его центральноазиатском варианте: они имеют буквы для гласных, однако и здесь истинный фонетический характер гласных в ряде случаев нуждается в реконструкции; акценты же в письменном тексте не обозначены.

В связи с этим праязыковая акцентная иранская система может быть представлена только на основании косвенных данных и только в виде единичных фрагментов.

§ 80. На основании материала текстов Авесты предполагается, что в акцентной системе праиранского состояния еще были рудименты индоевропейских тонов. Это предположение базируется в основном на некоторых метрических закономерностях и отдельных рефлексах праязыковых гласных в Авесте [Reichelt 1909, 70, 80–81; Kuryłowicz 1925; Соколов 1961, 35, 1979, 159–160]. Однако более четких следов тоновых оппозиций в иранских языках не обнаруживается.

Соседние с иранскими языками и родственные им некоторые индоарийские языки (панджаби, лахнда) и отдельные дардские приобретают относительно инновационные тоновые оппозиции при утрате аспирации историческими звонкими придыхательными (явление, хорошо объяснимое с артикуляционных позиций изменением режима работы голосовых связок, см. [Степанов, Эдельман 1976, 229, 256–258]). В связи с этим не исключено, что тоновые оппозиции в праиранской системе (если они существовали) могли быть не только древними, унаследованными из индоевропейской системы, но и, по крайней мере в части случаев, — вторичными, возникшими в диалектах раннего общеиранского состояния при утрате аспирации серией звонких аспирированных согласных. Это явление может быть сопоставлено (но только типологически!) с возникновением восходящего тона при утрате индоевропейских ларингальных в раннем праславянском (см. [Бернштейн 1961, 142]).

§ 81. Для иранских языков отдельные проблемы представляют: а) место ударения (или — первоначально — место движения тона) в словоформе; б) фонетическая реализация того, что принято называть ударением, т.е. фонетические способы, обуславливающие выделенность слога.

Как известно, в 1900 г. А.Мейе выдвинул гипотезу, согласно которой в древнеперсидском языке ударение из тонового стало силовым

и закрепились на предпоследнем слоге, если его гласный был долгим, и на третьем слоге от конца, если гласный предпоследнего слога был кратким; это, по его мнению, повлияло на последующие морфологические изменения в персидском, связанные с отпадением заударных слогов, составлявших флексию [Meillet 1900, 256–257]. Позднее Р.Готье распространил это положение на другие иранские языки [Gauthiot 1916, 1914–1923, 29–38], и в дальнейшем оно стало традиционным и было повторено в целом ряде работ (см., например, [Kuryłowicz 1958, 369 и сл., 1964 (II), 1975]).

Вместе с тем исследования разных иранских языков и их истории уже с 20-х годов свидетельствовали, что это положение нуждается в ряде корректировок. Фиксация места ударения по указанному типу не распространилась на многие иранские языки (и не охватила целый ряд лексем в самом древнеперсидском), к тому же возможность влияния ударения на морфологические процессы оказалась преувеличенной (см. в разделе «Морфология и синтаксис»).

§ 82. Так, в диалектах — предках осетинского языка ударение закрепились на первом слоге, если он содержал сильный (← долгий) гласный, и на втором от начала, если гласный первого слога был слабым [Абаев 1924; Аб. ОЯФ, 385–386; Gershevitch 1949, 61–63]. Ритмические правила согдийского языка основывались на факторе «тяжелых» ~ «легких» основ: «тяжелые» основы, содержавшие 1) долгий гласный, либо 2) краткий гласный, закрытый двумя согласными, либо 3) несколько слогов, перетягивали на себя ударение; с «легкими» этого не происходило, и ударение падало на флексию [Tedesco 1926, 102 и сл.; Gershevitch 1949, 62–63, 1954, 72 и сл.]. Отклонения от традиционного типа отмечались и в других языках: ормури и парачи [Morgenstierne 1926, 17; Morg. IIFL I, 32]. В языке пашто (афганском) были обнаружены следы древнего характера акцентуации, сходного с ведическим [Morgenstierne 1942 (I), 95–97]. Высказывались также сомнения в верности традиционного положения и приводились примеры следов более древней акцентуации в разных языках, включая персидский (ср. отражение в персидском языке *navad* 'девянство' < **navāti* и ряд других) [Henning 1942, 52–53].

§ 83. Труды 70-х годов и последующих лет позволили значительно уточнить картину развития акцентных систем ряда иранских языков и возможных элементов акцентуации праиранского периода.

Так, были подтверждены и на большом материале доказаны идеи, высказанные ранее Г.Моргенштерне: в языке пашто в именной и глагольной системах налицо черты, которые могут объясняться как следы архаичного разноместного ударения типа ведического [Дыбо

1970, 1974, 1989], см. также [Morg. ID]. Аналогичные следы разноместного ударения были обнаружены в других языках, в частности, в йидга, ормури, парачи, шутнанском и др. (см. работы [Дыбо 1972; Ефимов 1979, 1986, 108–111, 1991, 276–278, 1997, 469–474; Эдельман 1985; Додыхудоева 1988] и др.).

Все это позволило сделать вывод: в иранском праязыке накануне его распада еще существовало архаичное разноместное ударение типа ведического. В части языков оно продолжало существовать на протяжении относительно длительного времени и дало определенные рефлексы, разные по языкам (разные виды основ имени и глагола, различия именных и глагольных парадигм, неодновременность преобразования различных форм и т.д.). Во многих языках происходило закрепление его места, но этот процесс шел параллельно и независимо в различных языках и диалектах, с разной скоростью. Он был стимулирован различными причинами (отсчетом от начала или конца словоформы, наличием разных иных пограничных сигналов слова, «тяжестью» ~ «легкостью» основы) и приводил к фиксации ударения на различных слогах словоформ, к различным акцентным системам.

При этом в ряде языков, в основном восточноиранского ареала (независимо от их генетической принадлежности), где ударение в настоящее время разноместное или фиксированное на определенном фонетическом или морфологическом участке слова (например, на определенном слоге или морфеме), отмечаются следы более архаичного разноместного ударения, т.е. следы акцентуации ведического типа.

Например, в мунджанском языке, где ударение в личных формах исконных глаголов падает на основу (а в двусложной основе — на второй слог), различаются два класса глаголов, и основным формальным признаком этого различия служит показатель 3-го л. ед.ч. в настояще-будущем времени: для I класса — *-i* или *-t/d*, для II класса — только *-t/d*. Это различие связано с неодинаковым отражением в них показателя презенса — первичного тематического активного **-ati*. Его объясняли различием исхода основ: *-i* < **-ayati*, *-t/d* < **-ati* [Morg. IIFL II, 147; Грюнберг 1987, 213], а также развитием **-yati* > [-*yau*] > *-i*, но совпадением **-ayati* и **-ati* > **-(ə)ti* > *-t* с закреплением *-t* за переходными глаголами, *-i* — за непереходными [С ГОМШ, 65–66, 68].

Можно предположить также, что в становлении оппозиции этих окончаний существенными оказались два фактора: а) исход основ (поскольку в обоих случаях в интервокальной палатализующей позиции **-t-* могло дать *-i*), б) акцентная характеристика этих словоформ

в прошлом (поскольку древние глаголы с сильной огласовкой, а также корневые и тематические баритональные могли сохранять неконечное ударение в раннемунджанском). Это вызывало раннюю редукцию заударной тематической гласной *a в *-ati и отражение *-t- в постконсонантной позиции в виде -t/-d. В то же время глаголы со слабой огласовкой, а также тематические окситональные сохраняли в этот период ударное *a в *-ati, отражая *-t- в интервокальной палатализующей позиции по типу: *-ati > *-əti > *-əy' > -ī > -i (ср. в йидга -ī), подробнее см. [СГВЯ-М, 86–90]. Впоследствии к сильным глаголам присоединялись по аналогии вторичные переходные и каузативные глаголы (по типу первичных на *-ája и с поздними суффиксами), к слабым глаголам — непереходные со слабой огласовкой.

В результате имеем в мунджанском, например, от основы āvar- 'приносить' (< *ā-bāra-) — 3-е л. ед.ч. āvit < *ā-bārati; от wof- 'ткать, плести, вязать' (< *uāfája-) — 3-е л. ед.ч. weft (< *uāfájati); от ay-, oy- 'идти, уходить, ехать' (от корня *ai-) — 3-е л. ед.ч. yi < *ajáti; от čuyiw- 'поворачиваться; возвращаться' (< *hača-gib-á- при вторичной тематизации от корня *gaib-) — 3-е л. ед.ч. čuyíwi, čəyáwi по форме *hača-gibáti.

Ср. также ормури лог. γóz-, кан. γ^wáz- 'падать' (< *uáza- от корня *uáz-), но ормури лог., кан. mr- 'умирать' (< *mr-ja- от корня *mar-) [Ефимов 1986, 110]; шугн. twāz- 'летать' (< *fra-uáza- от корня *uáz-), шугн. vār- 'нести, приносить' (< *bāra- от корня *bar-), но шугн. kaŷ- 'резать (ритуально) скот' (< *kušá- от корня *kauš-) [Додыхудоева 1988]; язг. waz- 'плавать, купаться' (< *uáza- от корня *uáz-), язг. var- 'нести, приносить' (< *bāra- от корня *bar-), но язг. kaw- 'резать (ритуально) скот' (< *kušá- от корня *kauš-) [СГВЯ-М, 96] и т.д.

Следы древнего разноместного ударения в глагольных системах (в основном в виде различного отражения гласных в исторически баритонированных и окситонированных презентных основах) отмечены и в ряде других языков. Обнаружение его в именных системах затруднено разрушением древних падежных парадигм и генерализацией новых показателей множественности агглютинативного типа.

§ 84. Важным представляется также определение характера фонетической реализации того, что в иранских языках квалифицируется как фонологический элемент — ударение, т.е. выделение слога. Экспериментальные исследования последних десятилетий показали, что в языках, не имеющих тоновых оппозиций, в том числе и в живых иранских, ударение, называемое обычно силовым, может реализоваться комплексом ряда фонетических факторов: 1) изменением высоты

основного тона, 2) большей интенсивностью (т.е. силой) звучания основного тона в ударном слоге по сравнению с безударным, 3) большей длительностью ударного гласного или слога в целом, 4) большей интенсивностью (и отчетливостью) артикуляции ударного слога при редукации безударного. Удельный вес разных компонентов может быть различным в разных языках и в разных звуковых контекстах, и ударение может варьировать от преимущественно силового до преимущественно тонического.

Варьирование характера словесного ударения наблюдается и в разных иранских языках, в зависимости от фразового ударения и от характера интонации словосочетания или предложения (например, повествовательной, вопросительной, восклицательной и т.п. интонации предложения; конечной или неконечной интонации слова или словосочетания в предложении). При нейтрализации какого-либо из факторов (в частности, основного тона, в зависимости от фразовой интонации) усиливается роль других: например, в персидском и таджикском языках, где ударение комплексное, преимущественно тоническое, в исходе предложения при нейтрализации словесного акцента фразовым повышением или понижением тона, компенсаторно усиливается роль других факторов — интенсивности основного тона, четкости артикуляции (это особенно ощущается в артикуляции фонологического ряда неустойчивых гласных), см. подробнее [Иванов 1972, 1975, 1977; Хаскашев 1983].

Характерно, что в ряде иранских языков (персидском, таджикском, осетинском, парачи, мунджанском и др.) отмечаются слабость словесного ударения и его зависимость от фразовой просодии (см., например, [Morg. IFL I, 21, II, 34; Аб. ОЯФ, 529 и сл.; Завьялова 1963]). Эта черта находится во взаимозависимости с фактором интенсивности артикуляции алаутного согласного в первом слоге CV-, который в этих языках играет роль пограничного сигнала и способствует организации слова (см. выше).

Не исключен аналогичный персидскому и таджикскому комплексный характер фонетической реализации ударения в древних иранских языках и в диалектах праязыка после утраты им тоновых оппозиций (если признавать их наличие в доиранский период).

§ 85. В дальнейшем в разных иранских языках наблюдаются определенные явления, которые могут свидетельствовать о различных типах реализации ударения в истории этих языков. В качестве таких свидетельств выступают следующие историко-фонетические тенденции.

В части языков (особенно принадлежащих к восточноиранской группе) отмечаются: 1) качественная редукция рефлексов древнеиран-

ских предударных и пред-предударных гласных и их отличное от ударных качественное отражение; ср., например, руш. *virōd* 'брат' < **brātar-* (возможно, в форме ген. ед.ч. **brātur*), но мн.ч. *viradār* < **brātārah* (ср. др.-инд. *bhrāta-*, мн.ч. *bhrātārah*); руш. *yūc*, барт. *yōc* 'огонь' < **ātr-*, но руш., барт. *ardōn* 'очаг' < **āθr-dāna-*; 2) слабая артикуляция и затем количественная редукция безударных гласных начальных слогов, отпадение начальных слогов, что в принципе — редкое явление для подавляющего большинства иранских языков с их тягой к анлаутной интенсивности, но нередкое для согдийского и ягнобского (возможный дополнительный результат фактора «тяжелых» основ). Ср., например, ягн. *tifōr* 'четыре' < **čaiuār-*; ягн. *tuxōy-* 'убивать' < **pai-x'āh-aja-*; пшт. *šəl* 'двадцать' из праформы **uīšati* (с инновационным ударением), при пшт. *-wišt* во второй части сложных числительных — из **-uīšati* (с архаичным ударением) [Morg. EVP, 22]. Эти тенденции могут развиваться при преимущественно силовом и достаточно сильном ударении в диалектах — предках этих языков.

В ряде других языков (особенно западноиранских) отмечены обратные тенденции: 1) сходное или одинаковое отражение одних и тех же древних гласных в ударной и пред- или пред-предударной позиции. Ср., например, перс. *ābād*, тадж. *obod* 'обустроенный' < **ā-pāta-*; 2) сохранение в диахронии безударных анлаутных слогов (при возможной синкопе непосредственных предударных и при стяжении слова в целом). См. перс. *āškār*, тадж. *oškōr* 'явный, очевидный' < **āuīš-kāra-*. Эти тенденции, по-видимому, свидетельствуют о преимущественно тоническом и/или достаточно слабом ударении в прошлом, сопровождаемом интенсивностью артикуляции анлаутного слога.

§ 86. Таким образом, в ранний праиранский период акцентная система могла быть представлена разноместным ударением комплексного характера (возможно, преимущественно тонического) с элементами тоновых оппозиций (унаследованных или инновационных) и в целом была сходной с ведической, хотя и не обязательно тождественна ей в частности. В дальнейшем тоновые оппозиции исчезают (оставляя единичные рудименты), фонетический характер ударения в одних языках остается преимущественно тоническим, в других происходит «перевес» силового компонента. Разноместное ударение в одних языках сохраняется, в других заменяется одноместным, причем в последних закрепление места ударения происходит не одновременно и по разным принципам фиксации.

Не исключено, что в трансформации как места ударения в слове, так и его фонетической реализации в разных языках и разных регионах

могло играть роль и субстратное воздействие на иранские языки со стороны аборигенных.

§ 87. В реконструированной акцентной системе праславянского языка и даже в более поздних языках, как показывают упомянутые выше (см. § 79) исследования, значительно больше следов индоевропейской акцентной системы. Здесь, в отличие от иранских языков, длительное время сохраняются тоновые оппозиции (акута и циркумфлекса), которые в определенные моменты истории были связаны с долготой ~ краткостью слогаобразующего гласного. В праславянской системе четко определяются детально разработанные акцентные типы парадигм имени (включая акцентные типы производных и непроизводных имен, местоимений и т.д.) и глагола (включая систему отыменных глаголов), акцентные типы корней и суффиксов и их соотношение и многие другие правила, а также закономерности модификации акцента в ходе истории славянских языков.

Все эти исследования позволили сопоставить систему славянских языков с балтийской и далее — с системами других индоевропейских языков. В плане сравнения славянской и иранской акцентуации для нас важен сформулированный В.А.Дыбо вывод об отсутствии «одно-однозначного соответствия между балто-славянскими, древнеиндийскими и греческими акцентами» [Дыбо 1981, 10].

§ 88. Таким образом, если праиранская система в принципе сходна с древнеиндийской, то акцентные системы праиранского и праславянского не имеют четких соответствий, которые могли бы свидетельствовать об их особо близком родстве. Сближения акцентных систем более поздних иранских и славянских языков также не наблюдается.

§ 89. Подытоживая данный белгий историко-фонетический обзор становления и дальнейших изменений праязыковых систем иранских и славянских языков в плане фонемной парадигматики, синтагматики, просодических систем, следует подчеркнуть следующее.

Фонетические признаки, фонемный состав и внесегментные элементы этих праязыковых систем, процессы их формирования из единой индоевропейской системы и дальнейшей филиации этих семей на группы и подгруппы указывают, что особой генетической близости или сходств в фонетических процессах, каких-либо общих для обоих праязыков эксклюзивных материальных инноваций (по которым праиранский отличался бы, например, от праиндоарийского, но сближался с праславянским) не обнаруживается. А следовательно, нет свидетельств более тесного родства этих ветвей индоевропейской большой семьи, чем инновации, обычные для языков группы «сатэм».

Иранская фонологическая система формировалась в целом в рамках арийской, славянская — обособленно.

Вторичные процессы, даже сходные у иранских и славянских языков, протекали в виде общих типологических тенденций, в ряде случаев поддерживаемых ареальными факторами.

При этом, как показывает материал, и та и другая праязыковая системы не были монолитны изначально, а представляли собой некие диалектные континуумы, и, следовательно, при рассмотрении путей их дальнейших контактов и взаимодействия приходится учитывать, что эти контакты могли быть скорее между отдельными ареальными зонами или диалектами и диалектными группами, чем между цельными праязыковыми системами, которые к тому же не совпадали в хронологическом отношении.

Вместе с тем некоторые сходные процессы (например, ассибиляция рефлексов индоевропейских палатальных, действие правила RUKI) протекали параллельно, заданные едиными или сходными явлениями в недрах общей индоевропейской системы.

ЭЛЕМЕНТЫ МОРФОЛОГИИ

§ 1. Как известно, в праиранском продолжился унаследованный из общеарийского состояния так называемый количественный аблаут, который, в свою очередь, продолжал аблаут индоевропейский, однако в существенно трансформированном виде (см. [Мейе 1938, 174 и сл.; Барроу 1976, 102 и сл.]).

Поскольку качественное противопоставление индоевропейских гласных к периоду праарийского и тем более праиранского состояния было нейтрализовано (с совпадением $*e, *o, *a > *a$; $*ē, *ō, *ā > *ā$ и с совпадением с ними рефлексов носовых сонантов $*ñ, *ṛ > *a$; $*ñ, *ṛ > *ā$), в общеарийском взамен индоевропейского сочетания качественно-количественного видов аблаута (продолженного и развитого в славянских языках, см. ниже) остался и частично развился количественный, продолженный в целом в праиранском состоянии. К рефлексам старого количественного чередования добавились случаи перехода индоевропейского качественного чередования $*e : *o$ в количественное $*a : *ā$ (ср. отражение суффикса $*-ter : *-tor$ в словах с $*-ter$: греч. *πατέρες*, др.-инд. *pitāras* 'отцы'; в словах с $*-tor$: греч. *(ἀ-)πάτορες* 'лишенные отцов', др.-инд. *(tvāt-)pitāras* '(те,) кому ты отец' — ном. мн.ч.) [Мейе 1938, 173 и сл.], с определенными модификациями (см. ниже).

Хотя явные признаки затухания этого чередования как системы отмечаются уже в древних иранских языках, некоторые более поздние языки еще выявляют отчетливые рефлексы древних слоговых звукотипов в разных ступенях аблаута.

Общеарийский аблаут в наиболее общем виде состоял в чередовании трех ступеней огласовок: 1) нулевой, или слабой; 2) средней, или полной; 3) продленной (для второй и третьей ступеней в литературе употребительны древнеиндийские термины: *guṇa* и *vṛdhi*). Учитывая, что в праиранской системе, как и в общеарийской, вокализм был представлен только двумя гласными фонемами, а остальные гласные звукотипы представляли слоговые варианты фонем-сонантов, система чередований была ориентирована не на качество гласного (как в индоевропейском и праславянском), а на тип слога в плане его количественной характеристики.

Типы слогов, особенно корневых, были существенны для праиранского слово- и формообразования, поскольку каждый тип корня предопределял его трансформацию в различных производных словах и в словоформах в парадигме (подробнее см. [Bartholomae 1895, 67 и сл.; Соколов 1961, 26–28, 38, 1979, 161 и сл.]; ср. соответствующую зависимость в древнеиндийском, см., например, [Зализняк 1975, 66; Елизаренкова 1982, 122–127]).

§ 2. В простых случаях, когда в качестве корневого гласного выступал **a* и корень в индоевропейском не имел **a*, чередование имело вид 0 (ноль звука) — *a* (средняя ступень) — *ā* (продленная ступень). То есть условный слог типа SVP или SIP (где S — любой согласный или неслоговой вариант сонанта, V — гласный *a*, I — сонант, P — согласный) имеет формы: SP — SAP — SĀP, соответственно слоги с сонантной медиалью: SIP — SAIP — SĀIP и т.д. Как правило, такие корни выявляются в двух видах огласовок, редко — в трех. Последний вариант выявляется в основном в глагольных корнях. Найти его в именах не всегда легко. Например, в языке Авесты формы с огласовками 0 ~ *a* ~ *ā*: ав. *upabdi* (< **upa-pd-i*) 'у подножия (горы)', ав. *padabiš* (от **pad-biš*) 'ногами', *pādam* (< **pād-am*) 'ногу', — которые рассматриваются иногда как реализации трех ступеней огласовок единой основы, практически принадлежат двум разным лексемам, разделившимся еще до праиранского состояния: **pād-* (м.р.) 'нога' и **pada-* (ср.р.) 'нога; ступня, след' (из и.-е. **pēd-*, **pōd-* 'нога' ~ **pedo-m* 'след, ступня' [Pok. IEW, 790–792]) и продолжившимся в двух авестийских словах: *pād-* : *pad-* (м.р.) 'нога' и *pada-* (ср.р.) 'нога; ступня, след' [Barth. AiW, 842]. Рефлексы этих разделившихся слов отмечаются и в более поздних иранских языках (ср. тадж. *po(y)* 'нога', *paу* 'след', язг. *peb* 'нога', *pūb* 'ступня, след; перекладина приставной лестницы' и др.).

§ 3. Больше возможностей чередования было у слогов с сонантной финалью типа SI — SAI — SAI, ср. формы от праиранского корня **bar-* 'нести, уносить' < и.-е. **bher-* [Pok. IEW, 128 и сл.]: праиран. **barati* 'несет', основа итератива **bāraja-*, перф. причастие **bṛta-*, при огласовке **bār-* в отглагольных именных производных: ср. ав. *baraitī* 'несет', *bāraya-* — основа итератива; *bərətā-* причастие; др.-перс. *asa-bāra-* 'всадник' (где *asa-* < **ašya-* 'конь') и рефлексы этого корня в более поздних языках, например, кл. перс. *barad*, *me-barad* 'несет, уносит' (< **barati*), *burd* 'унес' (< **bṛta-*); *savār* 'всадник' (< *asa-bāra-*), об именах см. также ниже; ср. приведенные ниже славянские рефлексы и.-е. **bher-* с перегласовками.

В целом типы чередований слогов и корней с гласным *a* и сонантами, но без рефлексов и.-е. **a*/H выглядят так:

Нулевая ступень	S	SI	SU	SṚ	SP	SIP	SUP	SṘP
Средняя ступень	SA	SAI	SAU	SAR	SAP	SAIP	SAUP	SARP
Продленная ступень	SĀ	SĀI	SĀU	SĀR	SĀP	SĀIP	SĀUP	SĀRP

К ним примыкали корни с рефлексами индоевропейских носовых сонантов, в которых чередования сохраняли следующий характер:

Нулевая ступень	SA (< *SN)	SA (< *SM)	SAP (< *SNP)	SAP (< *SMP)
Средняя ступень	SAN	SAM	SANP	SAMP
Продленная ступень	SĀN	SĀM	SĀNP	SĀMP

Выделяются легкие и тяжелые корни. Первые продолжают практически первичные корни, по Э.Бенвенисту, т.е. типа SAP (ср. *rak- 'варить(-ся)', *tap- 'треть(-ся)') или SAI (см. *kar- 'делать'), вторые — типа SAIP(P) (например, *ṣari- 'кружить(-ся)', *karṣ- 'проводить борозду', *baud- 'бодрствовать; чувствовать; пахнуть', *raixṣ- 'сыпать(-ся)') и т.д. При этом корни с медиалью *a и согласной финалью -CC (типа *taxṣ- 'тесать', *baxṣ- 'наделять, дарить'), будучи фонетически тяжелыми, в морфонологическом плане примыкают к легким. Благодаря этому наиболее значимым для чередований оказывается не фонетическая легкость ~ тяжесть слогов, а их сонантность ~ несонантность, предопределявшая их легкость ~ тяжесть в морфонологическом плане и тем самым ступени огласовок, представляемых этими слогами морфем в разных словоформах.

§ 4. Вместе с тем при чередованиях ступеней огласовок в основах от корней данных типов сонантные корни чаще выступают в ступени, которая на один «шаг» ниже, чем корни с медиалью a, т.е.:

	1	2	3	4
Легкий корень с -a-	SP	SAP	SĀP	
Сонантный корень с -i-		SI(P)	SAI(P)	SĀI(P)

Таким образом, равную морфонологическую значимость имели такие реализации разных корней, которые обеспечивали равное количество гласного звука — слогового элемента: одна краткая единица (мора?) во второй позиции и одна долгая или две краткие (две моры?) — в третьей. При этом в ряде случаев несонантные корни выступают в средней ступени там, где ожидается нулевая (например, в причастии *bag-ta- от корня *bag- 'делить, наделять'), поскольку безвокалическая форма неудобна там, где она не компенсируется вокалическим началом аффикса (то же в древнеиндийском, см. [Зализняк 1975, 80]). В иранских языках отмечен и иной выход из положения: см. классический пример ав. г. *dəbənautā* — форма 2-го л. мн.ч.

инъюнктива от корня *dab-* 'обманывать', которая рассматривается в литературе как передача в языке Авесты нулевой огласовки корня, в то время как в древнеиндийском в этой форме корень выступает в средней огласовке *dabh-*. Имеются и иные трактовки огласовки корня этой формы — в виде **db(a)našta* (см. [Beekes 1988, 168]).

Отсюда — вставные гласные и намечающаяся уже в праиранском (возможно, первоначально в диалектах) тенденция к парадигматическому выравниванию форм, где ожидалась нулевая ступень, по второй ступени. Например, если перфектные причастия на **-ta* из и.-е. **-to* (ср. русские причастия прош. вр. на *-то*) должны были иметь нулевую ступень огласовки корня, то дальнейшие пути развития ряда таких форм показывают, что уже в праиранских диалектах развивались отклонения от этого правила. Так, например, от глагола **kan-* 'конать' причастие **kata-* < **k̑ta-* лексикализовалось в значении 'хижина, дом': ав. *kata-* 'лачуга', согд. *kt'(')k*, кл. перс. *-kada, -kad* (в композитах), ягн. *kat*, шугн. *č̄d*, руш. *čod*, язг. *kūd* и т.п. 'дом', а попутно выработались новые формы причастия с огласовками **k̑anta-* и **kanta-* — со слабым и полным дифтонгами: ав. *-kanta-* (ср. др.-инд. *khāntā-*), др.-перс. *kaⁿta-*, кл. перс. *kand*, шугн. *č̄int*, язг. *k̑ont*. Ср также причастие прош. вр. от корня **kar-* 'делать', которое на материале разных иранских языков реконструируется в виде не **k̑ta-*, а **karta-*: если в авестийском наблюдаются формы *k̑arta-* и *karta-*, то далее — др.-перс. *kurta-*; кл. перс. *kard* (при **r > vr*); шугн. *č̄ūd*, язг. *k̑eg*, пштг. *kəṛ* и т.п. — из **karta-*.

§ 5. Еще более сложной предстает система чередований корней с рефлексамии индоевропейских ларингальных, с включением в систему чередования слабых дифтонгов и т.п. (см. подробнее [Bartholomae 1895, 41; Insler 1971, 573; Соколов 1979, 152] и др.). При учете рефлексов ларингального **ə/H* и корней типа *SPĀ-* и *SĪĀ-*:

Корень	Нулевая ступень	Полная ступень	
		основа I	основа II
SAPH	SPə > SPI	SAPH > SAP	SPAN > SPĀ
SAIH	SIH > SĪ	SAIH > SAI	SĪAH > SĪĀ
SAUH	SUH > SŪ	SAUH > SAU	SŪAH > SŪĀ
SARH	SṚH > SṜ > SAR	SARH > SAR	SRAH > SRĀ
SANH	SṆH > SṆ̄ > SĀ	SANH > SAN	SNAH > SNĀ
SAMH	SṂH > SṂ̄ > SĀ	SAMH > SAM	SMAH > SMĀ

(см. также [Соколов 1961, 28, 1979, 152; СГВЯ-М, 11–13]).

Например, от праиран. **dar-* 'схватывать; держать' < и.-е. **dher(ə)-* [Pok. IEW, 252]: **dāraja-* (през. осн.), **d̑rta-* (прич.), **drā-*,

**dar-* (в именах) — ср. ав. *dārayeinti*, *darəta-* (*ar* < **f*), *paiti-draṃ* 'местопребывание' (акк. ж.р.), *darəθrāi* 'восприятие' (дат. ср.р.).

§ 6. Таким образом, уже в диалектах арийского состояния, включая протоиранские диалекты, и затем в праиранских система чередований была несимметричной. помимо долгого **ā* — продленной ступени чередования от **a* — было долгое **ā*, представлявшее нулевую ступень чередований от корней с рефlekсами индоевропейских носовых сонантов (из сочетаний последних с ларингалом по типу *ṛN > ṝ > ā*, *ṛN > ṝ > ā*), а также **ā* из других источников, не принимавшее участия в чередованиях. Имелись краткие и долгие **i*, **ī*, **u*, **ū*, все представлявшие нулевую ступень чередований, и т.п. Кроме того, отмечаются следы парадигматических унификаций, изменений огласовок аналогического плана, тематизация основ, вызывавшая затухание перегласовок, и т.д. Все это способствовало постепенному затуханию следов праарийского и праиранского количественного аблаута.

К эпохе древнеиранских памятников аблаутные чередования уже в значительной степени были непродуктивны, однако в языке Авесты они еще сохранялись, особенно заметно — в нетематических именных парадигмах. Здесь, например, относительно четко противопоставлены: у имен с основой на согласный — сильная огласовка у имен муж. и жен. рода в номинативе всех трех чисел, в аккузативе ед. и дв. числа; у имен среднего рода — в номинативе и аккузативе мн. числа; слабая огласовка в остальных случаях. Например, от *ar-* : *ār-* (ж.р.) 'вода': ед.ч. ном. *āfš*, акк. *ārəm*, ген. *aras-*, *arō*, дат. *are*, *araē-*, инстр. *ara*, *arā-*; дв.ч. ном., акк. *āra*; мн.ч. ном. *ārō*, акк. *arō*, *aras-*, ген. *arəm*, абл. *aiwuyō*. В именах на *-i* и на *-u* в сильной огласовке выступают имена мужского и среднего рода в номинативе, аккузативе, инструменталисе ед. числа, все падежи дв. числа и все косвенные падежи мн. числа; слабая огласовка в остальных случаях. Свои особенности имеют и другие нетематические парадигмы (см. подробнее [Соколов 1961, 56, 1979, 170 и сл.]).

§ 7. Однако уже в это время система морфонологического аблаута в морфологии становилась непродуктивной и постепенно утрачивалась благодаря нескольким факторам. Во-первых, ее следы затухали историко-фонетическими изменениями: ср., например, ав. *kəṛənaonti* и тем более др.-перс. *kunautiy*, 'делает', где прототип **ky-nau-ti* и корень **kar-* уже не столь очевидны; еще менее очевидны они в более поздних языках, см., например, шугн. *kixt*, язг. *kaxt* 'делает' — из более раннего **kirtti* < **kərn(ə)ti* < **ky-nau-ti* [С ГОЯШ, 62]. Во-вторых, существенную роль играл процесс тематизации основ и имени, и глагола, который проявился уже в языках древнеиранских

памятников, а позднее приводил к затуханию перегласовок даже при отсутствии явных следов наращенного к основе тематического гласного, т.е. аблаут исчезал в ряде слов уже по аналогии со словами с тематическими парадигмами. Не последнюю роль играло и парадигматическое выравнивание. Ср., например, продолжения праиранских падежей от основы **pitar-* 'отец' уже в парадигме языка Авесты, где лишь часть форм отражает древний аблаут: в диалекте Гат ед.ч. ном. *ptā, patā, tā*, акк. *patarəm*, дат. *fədrōi, piḍrē*; в поздней Авесте ед.ч. ном. *ptā, pita, pata(-ča), piḍ*, акк. *pitarəm*, дат. *piḍre*; мн.ч. ном. *patarō*, акк. *fədrō*, дат. *ptarəbyō*; дв.ч. акк. *pitarə, patarə* и производные *tūrya-* 'брат отца' (при др.-инд. *pitrya-*) и т.п. [Ravnæs 1981, 247 и сл.]; о разных типах генерализации огласовок некоторых форм терминов родства на **-tar* в более поздних иранских языках см. [Эдельман 1999].

В дальнейшем древний аблаут как система полностью затухает, оставляя лишь этимологические следы различных слов и форм, имевших определенные ступени чередований, в частности рефлексыв продленной ступени в отглагольных именах, в основах, выступающих в составе композитов. Например, от корня **bar-* 'нести, уносить': ав. *baraiti* 'несет', но др.-перс., мид. **bāra-* 'груз, тяжесть' (ср. др.-инд. *bhāra-* — то же), ср.-перс., кл. перс. *bār*, совр. перс. *bār*, тадж. *bor* 'груз, ноша; поклажа; вьюк'; согд. *β'r*, ишк. *vur*, мундж. *viro* 'груз, ноша'; ср. также **-bāra* 'носящий, несущий' — во второй части композита: язг. *wəz-ver* 'носилищик груза' (из *wāz* 'вьюк' + *ver* < **bāra-*), вах. *yurk-vor* 'приносящая воду (иносказательно — о женщине)' (из *yurk* < **araka* + **bāra-*). Следы чередования наблюдаются в определенных застывших падежных формах атематического типа склонения и т.п. и — менее последовательно — в виде рефлексив нулевых огласовок в глагольных основах прошедшего времени, продолжающих праиранские причастия на **-ta*, и т.п.

§ 8. Определенную морфонологическую роль в праиранском и в более поздние периоды развития языков играли чередования согласных. Из них особенно характерны чередования финальных согласных корня в глаголе: с одной стороны, в презентных основах (особенно тематических — перед тематическим гласным **-a* < и.-е. **-e*, поскольку здесь согласные заднего ряда подвергались палатализации еще в доарийскую эпоху), с другой стороны, в причастиях (ставших затем основами прошедших времен), именах действия и т.п., где согласные находились в преконсонантной позиции.

Наиболее характерные чередования согласных: а) праиран. **š, *ž ~ *š̄* (в архаичных формах также *ž*) — из индоевропейских палатальных

(примеры см. выше); б) праиран. $*d \sim *s$ (в арханчных формах также z) — из вариантов арийских $*d$, $*dh$, например, $*basta-$ 'связанный, привязанный' — причастие на $*-ta$ от $*band-$ < и.-е. $*bhendh-$; в) праиран. $*č$, $*j \sim *k$, $*x$, $*g$ из индоевропейских велярных и лабио-велярных. Например, от корня $*rak-$ 'варить(-ся), печь(-ся)' — презентные основы $*rača(ja)-$ (для переходных глаголов), $*rača-$, $*račja-$ (для непереходных), прич. $*rak-ua-$ (с изменениями по аналогии с причастиями на $*-ta$): ср. язг. $ražd$ 'варит' (инф. $raja(j)$) \sim $rašt$ 'варится, поспекает' (инф. $rašaj$), rix 'сварил(-ся), поспел', подробнее см. [СГВЯ-Ф, 111–113, 156, 160, 203; СГВЯ-М, 14]. Эти чередования вполне можно считать морфонологическими, поскольку в праиранскую эпоху, а тем более позднее они уже были застывшими, не диктовались синхронными фонетическими позициями.

Имеются и чередования согласных более позднего происхождения: в языках шугнано-рушанской группы, где праиран. $*k$, $*g$ перед гласными звуками переднего ряда и праиран. $*a$, $*ā$ палатализовались и переходили соответственно в $č$, j , $ž$, наблюдаются чередования $k \sim č$, $g \sim j$, $ž$. См., например, основы наст. вр. и прош. вр. в шугн. $kin-$: $čūd$ 'делать' — из $*kṛ-nau-$: $*karta-$ (вм. ожидаемого $*kṛta-$, см. выше).

§ 9. В более поздних иранских языках развиваются вторичные собственные чередования гласных и согласных. Из наиболее значимых морфонологических явлений следует назвать становление чередований, возникающих при сильной регрессивной ассимиляции и аккомодации, наметившихся еще в праязыке и проявившихся позднее в разных языках параллельно и с разной степенью интенсивности.

Одним из следствий этой тенденции явилась так называемая эпентеза в языке Авесты. Графически она выражается в виде появления в слоге, предшествующем другому, содержащему звукотипы переднего или заднего ряда, эпентетических i , u , которые не создают отдельного слога (ср. ав. $gairi-$ < $gari-$ 'гора', $paīf-$ < $pai-$ преверб и наречие; $paūrva-$, $paourva-$, $pourva-$ < $parva-$ 'первый', $bandayeiti$ < $bandayati$ 'связывает', $visaiti$ < $visati$ 'двадцать' и др.). Судя по рефлексам, эти призвуки свидетельствуют об определенных резонансных вариантах соседних согласных (фонетические палатализация и лабиализация, не переходящие в фонологические), но главное — о воздействии со стороны последующих звуков на предшествующий слог, о придании ему определенного резонансного признака, свойственного последующему слогу.

Как бы продолжением этого процесса в более поздних языках (живых и вымерших) предстает изменение гласных предшествующего

слога под воздействием гласных и отдельных согласных последующего слога либо согласных, закрывающих данный слог, т.е. фонетическое явление, служащее базой для развития морфонологического явления — умлаута.

§ 10. К числу таких явлений относятся, например, наблюдаемые в языках шутнано-рушанской группы передвижения гласных: 1) так называемый *i*-умлаут — под влиянием последующих рефлексов общеиранских **i*, **ī*, **ī*; **ē*, **j*; 2) так называемый *u*-умлаут — под влиянием последующих **u*, **ū*, **ū*; 3) так называемый *a*-умлаут — под влиянием последующего долгого **ā*. Эти передвижения выражаются в том, что при *i*-умлауте гласный не-переднего ряда продвигается вперед; переднерядный гласный не-верхнего подъема сужается («усиление дизности»); гласные, которые должны были отодвигаться назад, не отодвигаются вопреки другим правилам и тенденциям, действующим в данном языке. При *u*-умлауте отмечается движение гласного назад; сужение заднерядных гласных («усиление бемольности») либо отсутствие их продвижения вперед вопреки другим правилам и тенденциям. При *a*-умлауте гласные стремятся к среднему ряду; наблюдается расширение среднерядных гласных либо сохранение их в среднем ряду вопреки другим правилам. Систему понятий и материал см. [С ГОЯЦ; С ГОМШ; Соколова 1981 (I, II)]. В язгулямском языке наблюдается также тип изменений, сходных с палатализацией, в соседстве с *r*, по-видимому, при частичной палатализации последнего (подробнее см. [ОИЯ 1987 (II), 352]), что является типологической аналогией R-умлауту в скандинавских языках (см. [Стеблин-Каменский М.И. 1962, 147]). Фонетическое и фонологическое толкование этих явлений с позиции теории сонантов см. также [Степанов, Эдельман 1976, 229, 247 и сл.].

Все эти явления образуют как бы фонетический и затем частично фонологический фон для развития умлаута, его общие артикуляционные признаки. Выход в морфонологию по разным иранским языкам, даже таким близкородственным, как языки шутнано-рушанской группы, далеко не всегда одинаков.

В тех случаях, когда результатом этих изменений становится чередование гласных фонем в основе или корне слова под воздействием посткорневого элемента и когда это чередование становится формо- или словоразличительным средством, мы можем говорить о сформированном умлауте (соответственно об *i*-, *u*-, *a*- или R-умлауте) как о морфонологическом явлении в этих иранских языках, ср. образование лексем и форм женского рода при *i*-умлауте и *a*-умлауте, например, шутн. *kud* 'пёс, собака' (< **kuta*-) ~ *kid* 'сука' (< **kuti*-);

шугн. *tūyd* 'пошел' (< **tak-ta-*) ~ *tōyd* 'пошла' (< **tak-tā-*). При этом, получив собственный статус, умлаут может действовать как самостоятельное средство формо- и словообразования, создавая слова и формы по аналогии к уже имеющимся, даже в тех случаях, когда в данном слове не было историко-фонетических предпосылок к образованию данных производных форм и слов. В ряде случаев, как, например, в языках шугнано-рушанской группы, результирующие перегласовки образовали практически новый аблаут, проявляющийся особенно в глагольном словоизменении и отчасти в словообразовании глаголов и имен.

Так, в паре слов шугн. *nibōs* 'внук' — *nibēs* 'внучка' только первое закономерно продолжает древний прототип (из праиран. **napāt-s*, ср. др.-инд. *nāpāt-*, лат. *nepōs* из и.-е. **nepōt-s*); для обозначения внучки фонетически можно было бы реконструировать форму **napāt-s-i*, однако такой формы не могло быть, ср. существительные женского рода ав. *napī-*, др.-инд. *napī-*, *naptrī-*. Таким образом, шугн. *nibēs* 'внучка' — вторичное производное от имени мужского рода при помощи исторической (раннешугнанской) *i*-умлаутной перегласовки по аналогии с другими именами женского рода, продолжавшими древние основы на **-i*. Для современного шугнанского языка чередование *ō* ~ *ē* является уже аблаутным, используемым при образовании имен женского рода от имен мужского рода (ср. заимствованное из арабского шугн. *rafīq* 'товарищ, друг' и образованное от него перегласовкой шугн. *rafēq* 'подруга; любовница').

§ 11. В качестве типологической параллели к иранскому умлауту — как по механизму историко-фонетического становления, так и по морфологическим результатам — можно назвать умлаут в германских языках (см. [Стеблин-Каменский М.И. 1962; Жирмунский 1976, 298–313]), притом что умлаут не является генетически запрограммированным в индоевропейскую эпоху и его появление в некоторых иранских языках не связано ареальными контактами с соответствующими индоевропейскими языками Европы, поскольку типологически сходные фонетические процессы в словах, содержащих сонанты (а точнее, «резонанты»), наблюдаются в различных языках мира. Ср. умлаут и родственные ему фонетические явления с аналогичными (или во всяком случае похожими) морфонологическими результатами в некоторых дардских и нуристанских языках, а с другой стороны, в германских, в албанском, в неиндоевропейских, например в сванском и многих других языках мира [Степанов, Эдельман 1976; Десницкая 1984, 260].

При этом указанные историко-фонетические явления далеко не во всех иранских языках имеют или имели своим следствием именно

такое морфонологическое явление, как умлаут или аблаут. А в языках, где они наблюдаются, их развитие может быть стимулировано неодинаковыми и к тому же не всегда синхронными процессами. Неодинакова и морфологическая и словообразовательная значимость умлаутных и аблаутных перегласовок. Так, *i*-умлаутная перегласовка основы в форме 2-го л. ед.ч. свойственна ряду глаголов в хотаносакском языке (см. подробнее [Епштейн SGS, 192]), однако для других иранских языков она нехарактерна. Например, в языках шугнано-рушанской группы, в язгулямском и менее частотно в других памирских языках *i*-умлаутной перегласовке подвержены основы ряда глаголов не во 2-м, а в 3-м лице ед. числа.

Тем самым действие регрессивной ассимиляции и его морфонологические результаты в виде умлаута в разных иранских языках различно. При этом сама регрессивная ассимиляция, на фонетическом фоне которой развивается умлаут, значительно шире (по возможностям воздействия на звуки слова и по охвату языков), чем ее фонологические и морфонологические проекции. Различные фонетические явления порождают и аблаут (см. ниже).

§ 12. Этот же тип ассимиляции и аккомодации в различные периоды истории иранских языков породил в отдельных из них и элементы гармонии, о чем говорилось выше (см. раздел «Фонетика и фонология», § 64). Такова была внутрислоговая гармония на определенном этапе истории севернопамирских языков (шугнано-рушанской группы и язгулямского), результатом чего явились палатализация заднеязычных согласных (хотя и в различной степени по языкам) и лабиализация в язгулямском (подробнее см. [СГВЯ-Ф, 130–133, 142–143]), сходные со славянскими. Межслововая гармония встречается реже (как, например, частичная гармония гласных внутри слова в гилянском и ваханском языках). При этом сингармонизм как морфонологическое явление здесь не состоялся, несмотря на агглютинативный характер парадигм целого ряда иранских языков.

Лексическая значимость иранского умлаута реализуется обычно в образовании форм рода, реже — числа. Как правило, это существительные и формы прилагательных женского рода от современных имен мужского рода, а также от исторических основ мужского, женского или среднего рода. Средством в таких случаях служит *i*- или *a*-умлаут, при котором основы выступают как бы продолжающими древнеиранские основы на **-ī* и на **-ā*, хотя на самом деле это может быть просто образование по аналогии, причем в разных языках продуктивными являются разные типы умлаута (ср. особую продуктивность *i*-умлаута в шугнанском языке, но *a*-умлаута в языке пашто).

Умлаут (как правило, *a*-умлаут) выступает также при образовании форм мн. числа — дальний результат общей иранской тенденции к тематизации древних именных основ и генерализации форм мн. числа на **-āh* по типу тематических — в мужском роде от основ на **-a* и в женском от основ на **-ā*. Это окончание **-āh* форм мн. числа обеспечивало формализацию *a*-умлаута как показателя множественности.

§ 13. Наличие в отдельных языках (например, в той же шугнано-рушанской группе) различных типов умлаутных перегласовок, наложившихся к тому же на разные исторические перегласовки корня, породило здесь систему чередований в вокализации основ, которую, как уже говорилось, можно называть новым аблаутом, особенно отчетливо наблюдаемом в системе глагольных форм, укладываемых в определенную таблицу¹ (подробнее см. [Муравьева 1972, 1975; С ГОЯШ; СГВЯ-Ф, 205; СГВЯ-М]). Характерно, что мы можем проследить здесь также этапы действия регрессивной ассимиляции с перерастанием ее в морфонологический умлаут и затем в аблаут на примере языков этой группы (подробнее см. [СГВЯ-Ф, 205])². По сходному пути развивались соответствующие формы в мунджанском языке, однако они остановились на более раннем этапе.

Поскольку этот тип аблаута относительно нов, он может быть сопоставлен со следами древнего аблаута только типологически.

Древний же аблаут, выявляемый в иранских языках относительно четко в образовании имен от глагольных основ, имеет несомненные параллели в славянских языках, однако эта черта представляет собой архаизм — трансформированное продолжение более раннего индоевропейского аблаута.

§ 14. О морфонологических чередованиях в славянских языках существует большая литература. Здесь нет возможности дать хоть сколько-нибудь информативный суммарный обзор проблем славянской морфонологии и посвященных им работ. См., например, [Бернштейн 1968, 1974; Бирнбаум 1987, 112–113, 197–200], сборник [Славянское 1981], специально посвященный этому кругу проблем, книгу Ж.Ж.Варбот, в которой приводятся также обзор и литература по данной теме [Варбот 1984, 13 и сл.], и многие работы по морфонологии конкретных славянских языков и диалектов; в них приведена и более ранняя литература. Для нас здесь существенно то, что трансформация индоевропейского аблаута и морфонологических чередований согласных в праславянскую эпоху и позднее, в уже разделившихся славянских языках, проходила по иному, более сложному пути, чем в иранских [Кузнецов 1954].

В славянских языках, начиная с раннего праславянского, продолжался и развивался качественный аблаут, т.е. базирующийся на противопоставлении гласных фонем по качеству, а также количественный аблаут, базирующийся на противопоставлении долгих и кратких гласных. При этом для сравнения с иранской морфонологией важны сам факт наложения в славянском количественного аблаута на качественный и выработка новых типов аблаута (см., например, [Варбот 1981, 1984, 21 и сл.]).

Известно, что определенные индоевропейские типы чередований в праславянском языке становятся непродуктивными, но с их затуханием во многих славянских языках возникают новые. Так, например, чередование праслав. *ьvratī* — *berp* — *ьvborь* с чередованием *e* в глаголе ~ *o* в имени (соответствующим **a* : **ā* в аналогичных формах от этимологически родственного праиранского **bar-*) и с *ь*, трактуемым как ступень редукции, стало уже в раннюю праславянскую эпоху застывшим, непродуктивным (хотя и оставило вполне явные рефлексy в виде, например, рус. *братъ* — *беру* — *сборы*). Чередование же типа *ьvratī* ~ *ьvbratī* — относительно новое, продуктивное в исторический период развития славянских языков. И здесь соотношение гласных *ь*, *ι*, *ь*, *y* является уже не соотношением ступеней редукции, а обычным чередованием гласных монофтонгов — кратких и долгих (подробнее см. [Бернштейн 1974, 33, 43]).

§ 15. Таким образом, чередования гласных (как и согласных, см. ниже) в праславянском лишь частично базировались на индоевропейских. Основные же виды чередований начали формироваться в праславянскую эпоху (типа *letēti* ~ *lētati*), а часть выработалась еще позднее — после распада праславянского (в частности, с нулем гласного на месте старых сверхкратких типа рус. *сон* ~ *сна*), см. [Кузнецов 1954; Бернштейн 1968, 57–58].

Характерно, что в славянских языках система морфонологических чередований устойчивее и богаче в глаголе, чем в имени, особенно в формах, принадлежащих единой парадигме [Бернштейн 1968, 59], однако чередования огласовок свойственны и ряду имен в определенных падежах, особенно в именах с беглыми гласными в корне (подробнее с примерами см. [Бернштейн 1974, 55–59]). Особую систему составляют чередования гласных и согласных в именах с суффиксальными основами (там же, 60 и сл.).

В результате наложения количественного аблаута на качественный — при особой роли ступени удлинения (см. о нем ниже), в условиях относительного богатства вокализма как раннего праславянского состояния, так и более поздних периодов — цепочки чередований,

в отличие от праиранских, включали довольно большое количество компонентов. См., например, праславянские чередующиеся алломорфы *gol-* : *gōl-* : *gěl-* : *gyl-*, представляющие единую морфему со значениями 'гореть, пылать; тлеть', проявляющуюся в праслав. **golъnja* (ср. рус. *головня*), др.-польск. *żal* 'горение', польск. *zgliszcze* 'пепелище' и др. [Бернштейн 1968, 49]. Благодаря наложению чередований количественных на качественные и появлению категории удлинения в определенных группах праславянских глаголов и отглагольных имен появляются отсутствовавшие ранее новые продленные ступени от таких огласовок, которые прежде не имели однокачественных долгих коррелят, благодаря чему ряды чередований пополняются за счет новых членов. См. еще более сложные ряды чередующихся гласных: *e* : *ō*; *ъ*, *ь* : *ō* и *e* : *ǔ*, *ĕ* (подробнее об этих процессах и материал см. [Варбот 1984, 13, 30, 40, 46]).

§ 16. В славянских языках, как и в иранских, перегласовки обуславливают (или сопровождают) чередования основ и суффиксов словоформ как в морфологии, так и в словообразовании, т.е. играют роль и парадигматическую, и деривационную (там же, 52). Особенно продуктивны в праславянский период и позднее аблаутные чередования в образовании имен, включая композиты (см. [Варбот 1974, 1978, 1981, 1984] и другие работы). При этом не всегда образование новых слов в разных славянских языках сопровождалось перегласовками, и не всегда они совпадали по языкам, см. подробнее [Бернштейн 1974, 31–32].

§ 17. В праславянский период и позднее употребительны также чередования согласных, различно сформировавшиеся в разных славянских языках, особенно в относительно поздний период. В истории русского языка система чередований согласных в значительной мере пополнилась за счет чередования морфем с твердыми ~ мягкими согласными (при появлении последних перед историческими гласными переднего ряда с последующим переходом **e* > *o*). Этот тип чередований очень ярко проявляется, в частности, в спряжении определенной группы глаголов в формах настоящего времени. Ср., например, *несу* ~ *несёшь* (*nesu* ~ *nes'oš*), *веду* ~ *ведёшь* (*vezu* ~ *vez'oš*), *мету* ~ *метёшь* (*metu* ~ *met'oš*) и т.д. К этому ряду чередований примыкают также пары *k* ~ *č* и *g* ~ *ž* — результат исторической палатализации заднеязычных согласных: *могу* ~ *можешь* (*mogu* ~ *možeš*), *теку* ~ *течешь* (*teku* ~ *tečoš*), *пеку* ~ *печешь* (*peku* ~ *pečoš*).

При этом распределение рефлексов мягких и твердых альтернантов (особенно распределение рефлексов индоевропейских велярных

в непалатализирующей и палатализирующей позициях) в одних и тех же словоформах в разных славянских языках может совпадать. Ср., например, спряжение глагола *pek- в настоящем времени: чешский — ед.ч. 1-е л. *peku*, 2-е л. *pečeš*, 3-е л. *peče*, мн.ч. 1-е л. *pečete*, 2-е л. *pečete*, 3-е л. *pekou*; русский литературный — *пеку*, *печёшь*, *печёт*, *печём*, *печёте*, *пекут* (*peku*, *pečoš*, *pečot*, *pečot*, *pečote*, *pekut*) — с *k* в 1-м л. ед.ч., 3-м л. мн.ч. и *č* во всех остальных формах. Вместе с тем в ряде славянских языков, как и в иранских, с течением времени в части слов чередования могут нарушаться под воздействием процессов парадигматического выравнивания и аналогии. Ср. украинский: *печу*, *печеш*, *пече*, *печемо*, *печете*, *печуть* — с *č* во всех формах; русские диалекты: *peku*, *pekoš*, *pekot* и т.д. — с *k* по всей парадигме (подробнее см. [Бернштейн, 1974, 100 и сл.]). Ср. праиранские *rak-, *tak- с чередованиями *k* ~ *č*, см. выше.

§ 18. Таким образом, в славянских языках морфонологические чередования являются не только продолжениями соответствующих индоевропейских, но и развитием собственных тенденций. Это касается чередований как гласных, так и согласных. При этом уже в диалектах праславянского наблюдаются различия, которые «объясняются не исконными различиями в судьбах индоевропейского аблаута, а различной направленностью процессов генерализации морфем с различными огласовками» [Бернштейн 1974, 45]. То же касается и согласных. С этой разной направленностью связаны существенные различия не только между языками, но и между диалектами одного славянского языка (там же, 45, 48 и сл.).

§ 19. Таким образом, морфонологические системы иранских и славянских языков, начиная с праязыковых систем и кончая системами отдельных языков, не свидетельствуют о более близком родстве, чем общая принадлежность к индоевропейской группе «сатэм».

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

ПРАЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ

§ 1. Как говорилось выше, общеиранская морфолого-синтаксическая система, реконструированная на базе привлечения более широкого материала, чем только авестийский и древнеперсидский языки, оказалась более «отодвинутой» к общеарийскому архаичному состоянию, чем считалось прежде. Для праиранского уровня восстанавливается богатая флективная парадигма имени и глагола, с вариантами, зависящими от исходов основ, пронизанная к тому же морфонологическими чередованиями сонантов, гласных и согласных, парадигма, продолжающая — через этап общеарийской — индоевропейскую. Ей соответствовал праиранский синтаксис — с относительно свободным порядком основных членов предложения и с последовательно номинативным соотношением компонентов.

Праславянский язык также продолжает свою морфолого-синтаксическую систему от индоевропейской, однако пути ее развития несколько отличны от иранских.

ИМЯ

§ 2. Для именной подсистемы праиранского состояния было характерно наличие трех родов: мужского, женского, среднего. Различались классы основ: тематический и несколько видов атематических. Принадлежность существительного к роду выражалась исходом основы и типом склонения. Характерно при этом отнесение имен: а) тематических — с исходом основ на *-a- — к мужскому и среднему роду, на *-ā- — к женскому роду, б) из многих атематических основ — с исходом на *-i- — к мужскому и среднему роду, на *-ī- — к женскому. Такое распределение основ и типов парадигм по родам

обусловило в последующем развитии языков определенные перегласовки при словообразовании (см. выше, раздел «Элементы морфологии», § 10, 12). Словоизменение характеризовалось наличием трех чисел — единственного, двойственного (для небольшой группы имен) и множественного, — выражаемых флективно, и многопадежной флективной парадигмы — с вариантами, зависящими от рода и от исхода основ: тематическая парадигма с неизменяемыми основами и различные классы атематических парадигм с определенными аблаутными чередованиями. Прилагательные выявляют те же типы склонения. При этом в праиранском продолжалась тенденция к тематизации именных парадигм, которая началась еще в доиранскую эпоху, но особенно развилась в разных языках в периоды после праиранского.

Здесь нет возможности продемонстрировать весь комплекс парадигм склонения, поэтому приведем в качестве примера лишь реконструируемые надежные показатели, функционирующие в разных парадигмах. С учетом процессов: а) тематизации, продолжавшейся в праиранскую эпоху, и б) переразложения элементов словоформы, о которых будет сказано ниже (см. также [ОИТИИЯ I, 112 и сл.]), — показатели тематических парадигм включают в себя тематическую гласную.

Ед. число: ном. муж. и жен. рода *-h*, *-š*, *-s* (< и.-е. *-s*), *-0*; акк. муж. и жен. рода *-am*, *-m* и ном.-акк. ср. рода *-am*, *-m* (< и.-е. *-om*, *-mt*, *-m*), *-0*; ген. *-hja* (< и.-е. *-sjo*), *-ah*, *-as* (< и.-е. *-e/os*), *-š* (< и.-е. *-s*), *-āiāh* (< арийск. *-āiās*), инстр. *-0*, *-ā* (< и.-е. *-ē*), *-aina*, *-ī*, *-ū* (?) (два последних — долгие *-ī*, *-ū* — инновационные арийские окончания для основ на *-i*, *-u*, по аналогии с долгим *-ā* для тематических основ на *-a*); дат. *-ai* (< и.-е. *-ēi*); абл. *-at/d* (< и.-е. *-od*, для тематических основ *-ād* < *-o-od*; во многих словах контаминирован с ген.); лок. *-0* (наиболее древний), *-āu*, *-au*, *-āi*, *-ai*, *-aiā* (от основ соответственно на *-i*, *-u*, *-a* и др.); вок. *-0* (м.р. и ж.р. < и.-е. *-0*; в ср.р. вок. = ном.), *-ai*, *-au*;

дв. число: ном.-акк.-вок. *-ā* (< и.-е. *-o*), *-i*, *-a*, *-ī* (трансформация исходов основ и/или наращение *-i*); ном.-акк. ср. рода *-ī* (< и.-е. *-ī*), для темат. основ *-ai* (< и.-е. *-oi*); инстр.-дат.-абл. *-(i)-bja* (< и.-е. *-bhjō(m)*); ген. *-i-āh* (< и.-е. *-ōs*); лок. *-au*, *-i-au*;

мн. число: ном.-вок. муж. и жен. рода *-ah* (< и.-е. *-es*), *-āhah* (в темат. основах — из арийск. *-āsas*), *-īš* (арийское образование — от имен на *-ī + s*), акк. муж. и жен. рода *-ah* (< и.-е. *-nš* после согласного), *-ns* (< и.-е. *-nš* после гласного), *-am* (< и.-е. *-om*); *-uš*, *-iš* (< и.-е. *-s* после соответствующих исходов основ); ном.-акк. ср. рода *-ā* (от основ на *-a*), *-āni* (от основ на *-n*); *-a* : *-i* (< и.-е. *-ə*); ген. *-ām*,

-ānām, -īnām (из темат. и.-е. -ōm, -ōn с переходом на другие основы); инстр. -āiš (от темат. основ, из и.-е. -ōis), -biš, -i-biš, -ābiš (?) (последние из и.-е. -bhi с наращением -s); дат.-абл. -bīah, -bīas-, -i-bīah, -a-bīah (из того же и.-е. -bhi с поздним наращением -os), -aīah; лок. -aišu, -išu, -āhu, -šu, -su (из и.-е. -su после основ с разными исходами).

Ср., например, реконструируемую парадигму тематической основы *mart(i)jā- (м.р.) 'человек': ед.ч. — ном. *mart(i)jāh, акк. *mart(i)jām, ген. *mart(i)jāhja, дат. *mart(i)jāi, абл. *mart(i)jāt, инстр. *mart(i)jā, лок. *mart(i)jai, вок. *mart(i)ja; дв.ч. — ном.-акк.-вок. *mart(i)jā, ген. *mart(i)jaīāh, дат.-абл.-инстр. *mart(i)jaibīā, лок. *mart(i)jaīau; мн.ч. — ном.-вок. *mart(i)jāh, акк. *mart(i)jāns, ген. *mart(i)jānām, дат.-абл. *mart(i)jaibīah, инстр. *mart(i)jāiš, лок. *mart(i)jaišu.

Таким образом, в целом праиранская парадигма продолжает арийскую (с соответствиями в древнеиндийском) и — через нее — позднюю индоевропейскую, однако в некоторых фрагментах прослеживаются инновации (в частности, воздействие на именную тематическую парадигму муж. рода со стороны местоименной парадигмы, см. [Соколов 1979, 169–170]). Подробнее об именной парадигме и ее становлении см. [Bartholomae 1895, 94 и сл.; Reichelt 1909, 163–181; Мейе 1938, 302 и сл.; Соколов 1961, 55–60, 1979, 179–184; СГВЯ-М, 40 и сл.].

§ 3. В праславянской подсистеме существительных в основном также продолжается древняя оппозиция трех родов, трех чисел, определенных классов основ; сохраняется многопадежная флективная парадигма с вариантами падежных окончаний, зависящих от исхода основы. Прилагательные первоначально неизменяемы; их парадигма связана с падежной парадигмой относительного местоимения.

В праславянском, как и в праиранском, находит продолжение целый ряд индоевропейских именных основ, однако продуктивность некоторых из них затухает и здесь. При этом особую продуктивность получают основы тематического типа: основы на -o (мужского и среднего рода) и на -ā (женского рода) (подробнее см. [Мейе 1951, 272 и сл.; Бернштейн 1974, 133–134, 302 и сл.]), что соответствует в целом способу тематизации иранской парадигмы.

При этом уже в позднем состоянии праславянского в результате действия закона «открытого слога» происходят перераспределение элементов внутри именной словоформы, падение конечных согласных и в результате изменение вида падежных показателей. Ср. в парадигме слова *voda-* раннего периода: ед.ч. ном. *voda* (основа + нулевой показатель), ген. *vodans*, дат. *vodaj*, акк. *vodan*, инстр. *vodajan*, лок. *vodaj*, вок. *vodā*; дв.ч. ном.-акк. *vodaj*, ген.-лок. *voday*, дат.-инстр.

vodama; мн.ч. ном. *vodans*, ген. *vodan*, дат. *vodamъ*, акк. *vodans*, инстр. *vodami*, лок. *vodaxъ*. В более поздний период при переразложении основы *voda-* на корень *vod-* и флексию здесь возникает флексия ном. ед.ч. *-a*, дат.-инстр. дв.ч. *-ama*, дат. мн.ч. *-amъ*, инстр. мн.ч. *-ami*. Поэтому часть форм, сохранив тот же вид, содержала уже иные в морфологическом плане окончания, другие формы были трансформированы: ед.ч. ном. *voda*, ген. *vody*, дат. *vodē*, акк. *vodō*, инстр. *vodojō*, лок. *vodē*, вок. *vodo*; дв.ч. ном.-акк. *vodē*, ген.-лок. *vodu*, дат.-инстр. *vodama*; мн.ч. ном. *vody*, ген. *vodъ*, дат. *vodumъ*, акк. *vody*, инстр. *vodami*, лок. *vodaxъ* (об этом процессе см. [Бернштейн 1974, 143–144]).

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 4. Особые парадигмы в праиранском имели личные местоимения (полноударные и энклитические). Личные местоимения были представлены только 1-м и 2-м лицами (сфера 3-го лица обслуживалась указательными местоимениями). Основные формы личных местоимений:

1-е л. ед.ч.: ном. **azám* (< и.-е. **eǵ(h)ǝm*), основа косв. падежей **ta-* (< и.-е. **te-*, **to-*) — ген. **mana* (< и.-е. **mene*), акк. **mām*, дат. **tabjā*; дв.ч.: ном. **mām*, основа косв. падежей **āya-*; мн.ч.: ном. **uajám* (< и.-е. **uei* + *-am* по аналогии с ед.ч.), основа косв. падежей **ahma-* (< и.-е. **ṛs-me-* с **ṛs-* из энклитического мест. и.-е. **nes* : **nos* с нулевой ступенью огласовки) — ген. **ahmākam* (из прилагательного), акк. **ahma*, дат. **ahmāi*, **ahmabjā*, инстр. **ahmā*, **ahmābiš*;

2-е л. ед.ч.: ном. **tiujám* (< и.-е. **t(e)ye* + *-ám* по аналогии с 1-м л.), основы косв. падежей **taya-*, **ya-*, **ṛya-* — ген. **taya* (< и.-е. **teye*), акк. **tṛujām*, дат. **tabjā*, инстр. **tṛujā*; дв.ч.: ном. **tjujám*, основа косв. падежей **iuya-*; мн.ч.: ном. **iūš*, **iūšam* (< и.-е. *iūs* + *-am* по аналогии с 1-м л. ед.ч.), основа косв. падежей **ušma-* (< и.-е. **us-me-* с **us-* из энклитического мест. и.-е. **ues* : **uos* с нулевой ступенью огласовки, с наращением в авестийском и древнеиндийском *y-* по аналогии с номинативом) — ген. **ušmākam*, акк. **ušma*, дат. **ušmabjā*, **ušmaī*, инстр. **ušmā*, **ušmābiš*.

Основы дв.ч. 1-го и 2-го лица и ном. мн.ч. 1-го лица связаны с раннеиндоевропейским элементом **u* инклюзивных основ **uei*, **ues*, указывавших на включенность говорящего и собеседника в единую группу.

Указательные местоимения употреблялись и как личные 3-го лица. Выявляется несколько первичных основ: *a- (< и.-е. *o-), *ai- : i-, i- (< и.-е. *ei- : *oi- : i-), *ha- (< и.-е. *so- : *se-), *ta- (< и.-е. *to-, связанное в единой парадигме с *ha-), *a_ua- (< и.-е. *o_uo- и связанная с ней форма *hau), *h_ua- (< и.-е. *s_uo-) и соответствующие им формы женского рода на *-ā. Уже в арийском и праиранском имелось также большое количество вторичных основ, образованных «склеиванием» первичных. Характерно продолжение в праиранском индоевропейского противопоставления трех основных серий указательных местоимений, сохранившееся впоследствии в нескольких иранских языках. Подробнее об указательных местоимениях и их семантической соотношенности см. раздел «Лексика», § 3. Словоизменение практически мало отличается от именного. Традиционное для описания соединение в единые парадигмы пар основ *ha- и *ta-, форм ном. *hau и косвенных падежей от *a_ua- — возможно, дань традиции, а не первоначальное соотношение основ.

Энклитические местоимения имели формы — 1-е л. ед.ч.: акк. *mā, ген.-дат. *mai; дв.ч.: (общая форма) *nā; мн.ч.: акк. *nāh, ген.-дат. *nah; 2-е л. ед.ч.: акк. *i^huā, ген.-дат. *tai; дв.ч.: (общая форма) *uā; мн.ч.: акк. *uāh, ген.-дат. *uah. Имелся также ряд указательных энклитик (наиболее распространенные с основой *hai : hi, *šai : ši). Все энклитические местоимения продолжают индоевропейские — *mei : moi, *(u)ei : i(u)oi, *nes : nos, *yes : yos; *sei : si и др. — и имеют соответствия в древнеиндийском. Отмечена также энклитика 2-го л. мн.ч. *iūs (в ав. uīš < и.-е. *iūs, ср. лит. jūs).

Тем самым местоименная система праиранского складывалась в общеарийский период и соответствует в целом (за небольшими исключениями) древнеиндийской. Подробнее о местоименной системе см. [Bartholomae 1895, 136 и сл.; Reichelt 1909; Соколов 1979; Оранская 1986; СГВЯ-М, 52 и сл.].

§ 5. Система словоизменения личных местоимений в праславянском также отлична от именной:

1-е л. ед.ч.: ном. азъ, акк. теле, ген. тебе, дат. тѣлѣ, лок. тѣлѣ, INSTR. тѣпојо; дв.ч.: ном. вѣ, акк. на, ген.-лок. нају, дат.-инстр. ната; мн.ч. ном. ту, акк. насъ, ген. насъ, дат. нать, лок. насъ, INSTR. нати;

2-е л. ед.ч.: ном. ты, акк. тебе, ген. тебе, дат. тебѣ, лок. тебѣ, INSTR. тобојо; дв.ч.: ном. ва, акк. ва, ген.-лок. вају, дат.-инстр. вата; мн.ч.: ном. ву, акк. васъ, ген. васъ, дат. вать, лок. васъ, INSTR. вати.

Основная часть этих форм унаследована из индоевропейского и имеет параллели в других языках. Часть форм, в частности дат.,

инстр. мн.ч. и дат.-инстр., ген.-лок. дв.ч., — инновационные (подробнее об истории этой группы местоимений см. [Мейе 1951, 363–367]).

Указательные местоимения — *сь, to-, ovъ, отъ, i-* (о значениях см. в разделе «Лексика», § 3). Характерна утрата и.-е. **so-*, как и в балтийских языках, в отличие от иранских.

Энклитические местоимения — 1-е л. ед.ч.: акк. *тѣ*, дат. *ти*; мн.ч.: ном. *ну*, акк. *ну*, дат. *ну*, 2-е л. ед.ч.: акк. *тѣ*, дат. *ти*; мн.ч.: акк. *ву*, дат. *ву*. Возвратное — дат *си*, акк. *сѣ*. В старославянском часть этих форм употребляется и как полноударные местоимения [Мейе 1951, 363 и сл.].

ГЛАГОЛ

§ 6. Глагольная подсистема праиранского состояния в принципе выводима из арийского и индоевропейского. Флективная парадигма глагола, как уже говорилось, была весьма сложной. Сохранялись три типа основ: 1) презентные, включавшие разные классы тематических и атематических основ, с разными степенями огласовок корня и разными способами образования финитных форм ~ 2) аористные — основы сигматического и асигматического аориста ~ 3) перфектные (в основном редуцированные). От этих основ образовывались, а) суффиксацией — модальные основы; б) так называемыми первичными, вторичными, перфектными и другими окончаниями — многие модальные и видо-временные формы. Сохранялось еще различие так называемых *активных и медиальных форм*. Противопоставлялись (окончаниями и переласовками) формы трех чисел (единственное, двойственное и множественное) и трех лиц.

Характерно, что уже в этот древний период в глагольной подсистеме, как и в именной, налицо развитие начавшейся в доиранский период тенденции к тематизации глагольной парадигмы и к распространению правил тематического оформления глагольной словоформы на первоначально атематические глаголы, включая затухание переласовок. В дальнейшем тенденция тематизации и затем простой утраты переласовок как элемента глагольной системы будет продолжена и усилена в более поздних языках.

Поскольку здесь нет возможности продемонстрировать цельную систему спряжения, приведем в качестве примера глагольные показатели индикатива актива (как и в именах, с учетом тематизации основ и переразложения элементов словоформы с отнесением тематического гласного к флексии).

Первичные показатели — ед.ч.: 1-е л. *-mi* (атемат., < и.-е. *-mī*), *-ā* (темат., < и.-е. *-ō*), *-āmi* (результат общеарийской контаминации *-ā* и *-mi*, ср. ведич. *-āmī*), 2-е л. *-hi*, *-ši* (< и.-е. *-si*; следы и.-е. *-ēi* отсутствуют), 3-е л. *-ti* (< и.-е. *-ti*); дв.ч.: 1-е л. *-yah(i)* (атемат., < и.-е. *-yes*, *-yos* с поздним наращением *-i*), *-āyah* (темат., долгота *ā* по аналогии с 1-м л. ед.ч.), 2-е л. *-tah*, *-ḍah* (< арийск. *-thas*), 3-е л. *-tah* (< арийск. *-tas*, возможно, в результате поздней поляризации окончаний 2-го и 3-го л.; то же — в медиальных окончаниях); мн.ч.: 1-е л. *mah(i)* (< и.-е. *-mes + -i*), *-amah(i)* (< и.-е. *-mtes + -i*; наращение *-i*, как и в дв.ч., по аналогии — либо общеарийское, либо вторичное, параллельное ведическому и др.-ирл.), 2-е л. *-ta*, *-ḍa* (< арийск. *-tha* < и.-е. *-te(s)*), 3-е л. *-anti*, *-ati*, *-nti* (< и.-е. *-enti*, *-nti*, *-nti* после разных основ);

вторичные показатели — ед.ч.: 1-е л. *-m*, *-am* (< и.-е. *-m*, *-m̄m*), 2-е л. *-h*, *-š* (< и.-е. *-s*), 3-е л. *-t* (< и.-е. *-t*); дв.ч.: 1-е л. *-ya* (< и.-е. *-ya*), 2-е л. *-tam*, 3-е л. *-tām* (< и.-е. *-tom* или *-tām*); мн.ч.: 1-е л. *-ma* (< и.-е. *-ma*), 2-е л. *-ta* (< и.-е. *-te*), 3-е л. *-an*, *-n*, *-at* (< и.-е. *-ent* : *-ont*, *-nt* с изменениями, аналогичными ведическим); *-ar* (< и.-е. *-ér*, *-r̄r*, под воздействием парадигмы перфекта).

Ср., например, реконструируемую тематическую парадигму индикатива актива настоящего времени (с первичными показателями) и имперфекта (со вторичными показателями) от корня **rak-* 'варить(-ся), печь(-ся), поспевать', презентная основа **raṣa-* (2-го класса по Хр.Бартоломе [Barth. AiW, 819]) 'варить, печь'. Привожу основу с *-ṣ-* для всех форм, как она фиксируется в рефлексам этого глагола в иранских языках. Аутмент в формах имперфекта дается в скобках, поскольку он не был генерализован в праиранском (его генерализация как элемента форм прошедшего времени в отдельных языках произошла позднее).

Настоящее время — ед.ч.: 1-е л. **raṣāmi*, 2-е л. **raṣāhi*, 3-е л. **raṣāti*; дв.ч.: 1-е л. **raṣāyah*, 2-е л. **raṣāḍah*, 3-е л. **raṣatah*; мн.ч.: 1-е л. **raṣāmah*, 2-е л. **raṣāda*; , 3-е л. **raṣanti*;

имперфект — ед.ч.: 1-е л. **(a-)raṣam*, 2-е л. **(a-)raṣah*, 3-е л. **(a-)raṣat*; дв.ч.: 1-е л. **(a-)raṣāya*, 2-е л. **(a-)raṣatam*, 3-е л. **(a-)raṣatāt*; мн.ч.: 1-е л. **(a-)raṣāta*, 2-е л. **(a-)raṣata*, 3-е л. **(a-)raṣap*.

Подробнее о происхождении праиранской глагольной флексии и парадигм в целом см. [Bartholomae 1895, 51 и сл.; Reichelt 1909, 132 и сл.; Соколов 1961, 81 и сл.; СГВЯ-М, 15 и сл.].

В плане происхождения и функций праиранских глагольных окончаний для нас важно то, что они соответствуют в целом древнеиндийским и не выпадают из нормального развития общеарийской

системы. Таким образом, а priori трудно было бы ожидать их эксклюзивного родства с соответствующими праславянскими показателями.

Значения личных глагольных форм прослеживаются относительно ясно: формы различались по видо-временным признакам (формы презенса и имперфекта ~ аориста ~ перфекта и вторичные формы плюсквамперфекта), модальным (наклонения: индикатив, императив, конъюнктив, оптатив и частично инъюнктив) и по классам презентных основ (по Хр.Бартоломе — 32 класса), несшим как морфологическую, так и семантическую нагрузку, т.е. относившимся частично к сфере морфологии, частично — к сфере лексики.

§ 7. В наиболее ранний праславянский период система глагола в целом довольно прозрачно производна от индоевропейской — со сходной системой видо-временных основ, с рефлексам древних индоевропейских окончаний. Однако трансформации и материального облика глагольных форм, и содержательного плана оппозиций в славянском глаголе были иными, чем в арийском и праиранском.

Ср. окончания старославянских глаголов, соответствующие приведенным выше иранским и относящиеся к сфере индикатива актива:

первичные окончания — ед.ч.: 1-е л. *-тъ* (атемат.), *-р* (темат.), 2-е л. *-ši*, *-si*, 3-е л. *-тъ*; дв.ч.: 1-е л. *-vě*, 2-е л. *-ta*, 3-е л. *-te*, *-ta*; мн.ч.: 1-е л. *-тъ*, 2-е л. *-te*, 3-е л. *-Ůтъ(?)*;

вторичные окончания — ед.ч.: 1-е л. *-(n)*, 2-е л. *-0*, 3-е л. *-0*; дв.ч.: 1-е л. *-vě*, 2-е л. *-ta*, 3-е л. *-te*, *-ta*; мн.ч.: 1-е л. *-тъ*, 2-е л. *-te*, 3-е л. *-Ů* [Szemerényi 1990, 248].

Ср. праславянскую парадигму глагола **pek-* в настоящем времени — ед.ч.: 1-е л. *pekъ*, 2-е л. *pečeši*, 3-е л. *pečety*; дв.ч.: 1-е л. *pečevě*, 2-е л. *pečeta*, 3-е л. *pečete*; мн.ч.: 1-е л. *pečety*, 2-е л. *pečete*, 3-е л. *pekoty*.

Система древнего имперфекта в праславянском не сохранилась. Вырабатывается инновационная система форм, образованных от основы показателями, — ед.ч.: 1-е л. *-ахъ*, 2-е л. и 3-е л. *-аše*; мн.ч.: 1-е л. *-ахоть*, 2-е л. *-ašete*, 3-е л. *-ахъ* (например, *вьггахъ*, *несѣахъ*). Грамматикализацию этих форм относят к периоду до становления оппозиции глаголов совершенного ~ несовершенного вида (см. [Мейе 1951, 220]).

О вариантах окончаний, возможностях воздействия медиальных форм на активные и другие пояснения к становлению праславянских показателей см. также [Мейе 1951, 220–221, 248–258]. Проблему представляют флексии 3-го л. ед. и мн. числа, на что неоднократно указывалось в литературе последних лет в связи с соотношением славянских и балтийских языков (см., например, [Kortlandt 1979,

64 и сл.]), однако к сравнению с иранскими языками это отношения не имеет.

Ср. также некоторые отмеченные еще А.Мейе черты общеславянского состояния: различия презентных основ одного и того же глагола (см. [Мейе 1951, 162 и сл.]), тенденция к тематизации глагольных основ, окситонеза парадигмы в славянском (там же, 164—165, 168), вторичность славянского аориста (там же, 171) и другие свойства флективных форм. Существенно, что в славянском, как и в иранском, самостоятельная форма будущего времени с элементом *-s* отсутствует (ср. будущее время с показателем *-s* в литовском языке).

§ 8. Что касается типологии глагольных значений в праиранском, то существенно, что ведущими являлись видовые оппозиции, относящиеся к группе Aktionsart (т.е. указания на способы действия с точки зрения их протекания), которые базировались на противопоставлении основ — презенса (продолжающееся или многократное действие) ~ аориста (точечное действие) ~ перфекта (результат действия; состояние). Категории видовых оппозиций, относящихся к группе Aspekt (т.е. типа славянской завершенности ~ незавершенности), ни в праиранский период, ни позднее в парадигмах глаголов или в глагольном словообразовании не было (и лишь значительно позже в отдельных живых иранских языках она получила свое выражение, но неодинаковыми по языкам средствами, см. ниже, § 26).

Так, в древних иранских языках наблюдаются изменения в значениях глагольных форм. Перфект уже в языке Авесты выражает результативное действие, а иногда даже выступает в функции имперфекта, т.е. с утратой древнего значения «категории состояния». Впоследствии (это видно по древнеперсидским текстам) он отмирает. Оппозиция актива ~ медиума в глаголе также в значительной мере теряла старое (во всяком случае, доиранское) значение активности ~ инактивности актантов; при этом она частично была ориентирована на передачу отношений «версии» — *parasmaipadam* ~ *atmanepadam* (действие для другого ~ действие для себя), постепенно сдвигаясь к передаче отношений диатезы центробежности ~ центростремительности. Однако не дойдя до передачи отношений переходности ~ непереходности, она стала формальной. Парадигма медиума постепенно утрачивается, ее рефлексy прослеживаются лишь в отдельных языках после древнего периода, но уже чисто этимологически — в виде рудиментов древних окончаний, не передающих каких-либо значений, отличных от окончаний актива.

Категория времени (настоящее ~ прошедшее), выражавшаяся противопоставлением окончаний (первичных и вторичных) и — в индика-

тиве — факультативным употреблением аутмента, в ту эпоху была свойственна не всем видовым и модальным группам форм и являлась подчиненной. Лишь в относительно вторичном состоянии праиранских диалектов с генерализацией форм имперфекта как выразителей действия в прошлом и затем с образованием аналитических конструкций (так называемого перифрастического перфекта) идея настоящего ~ прошедшего времени выступает на передний план. Форма будущего времени (от основ на **-hija* : **-sia* : **-šja*), которая соответствовала бы древнеиндийским формам на *-sya*, *-šya*, здесь не была генерализована в качестве самостоятельной морфологической единицы.

Уже в праиранский период, во всяком случае в большинстве диалектов того времени, как и в индоарийских языках, начинают выявляться признаки того, что все больший удельный вес в значении глагольных форм приобретает категория переходности ~ непереходности. Вначале она выражается в общей семантике глаголов и отчасти в определенных древних классах презентных основ, а также в возможности ~ невозможности наличия в предложении имени прямого объекта. Построение предложения было еще последовательно номинативным.

При этом относительно рано значения некоторых классов презентных основ начинают сдвигаться в русло передачи значений типа переходности ~ непереходности, каузативности, пассивности и т.п., т.е. значений, которые так или иначе соотносятся с субъектно-объектной сферой и с переходностью ~ непереходностью глагола. Это касается не только основ, и прежде связанных с данной сферой, например основы каузатива на **-aja-* с подъемом огласовки или основы пассива на **-ja* со слабой огласовкой (притом что пассив как грамматическая категория здесь не был генерализован), но и тех основ, которые в индоевропейском выражали иную специфику действия. Например основы инхоатива на **-za* < и.-е. **-ske/o* постепенно стали использоваться для обозначения состояния и непереходного действия, основы с назальными аффиксами впоследствии в ряде языков закрепились в глаголах с переходным значением. В более поздних языках такое распределение основ по переходности ~ непереходности превратилось в последовательную систему, чему немало способствовало отмирание уже в языках древних памятников (особенно явно в древнеперсидском) системы индоевропейского перфекта и — несколько позднее — аориста, не связанных с формальным выражением этой семантики. В дальнейшем усиление классификации глаголов по переходности ~ непереходности изменило всю морфолого-синтаксическую структуру иранских (как и индоарийских) языков (см. ниже, § 15 и сл.).

§ 9. В плане значений глагольных форм и лексической классификации глаголов для славянских языков, начиная с древнего периода, существенной становится категория вида типа *Aspekt* — с ярко выраженной семантической оппозицией совершенного ~ несовершенного.

О славянском виде и о его происхождении имеется большая литература, включающая работы, специально посвященные проблемам происхождения и функционирования категории вида в славянских языках, соответствующие разделы в трудах о проблемах аспектуальности, о славянской глагольной системе в целом и т.д. (см., например, [Вопросы 1962; Ломов 1977; Степанов 1978; Гловинская 1982; Бондарко 1983; Маслов 1984, 1990 (I, II); Бирнбаум 1987; Теория 1987] и др.), поэтому я не рассматриваю его здесь.

Для нас сейчас важен тот факт, что эта оппозиция глаголов находится на лексическом уровне, реализуясь в основном словообразовательными средствами. В относительно раннюю праславянскую эпоху она выражалась перегласовками основ (*brositi ~ brosatī, xvatiti ~ xvatatī*), позднее — префиксацией элементов, имеющих в основном локальную семантику (глаголы совершенного вида, ср. *děti* 'класть' ~ *o-děti, vьz-děti, za-děti*), суффиксацией (и те и другие, ср. *moknōti ~ močiti*, при рус. *усвоить ~ усваивать*) и т.д., см., например, [Мейе 1951, 225 и сл.; Бернштейн 1974, 92–94]. А.Мейе связывает первоначальное выражение славянских видов с типами древних основ, восходящих к индоевропейским: например, праславянские презентные основы с суффиксом *-nō* и основы, восходящие к аористным, — совершенного вида, в то время как основы, восходящие к части тематических, к итеративным и др., — несовершенного вида [Мейе 1951, 229–232]. Новое толкование см. [Степанов 1978].

В более поздний период преворбы, как «перфектизирующие» элементы, образующие глаголы совершенного вида от глаголов несовершенного (*mazati ~ po-mazati*), становятся продуктивным средством словообразования, как и некоторые суффиксы (наиболее старый — *-je-*), образующие глаголы несовершенного вида.

СИНТАКСИС

§ 10. При учете предложенных Ю.С.Степановым принципов исследования и описания основных синтаксических параметров: а) структурных схем предложения, б) «лексических вхождений» (т.е. набора лексем, занимающих места предикатов и актантаов в каждой

из структурных схем) и в) взаимодействия главных типов предложения, которое приводит к появлению новых синтаксических конструкций [Степанов 1989, 6 и сл.], общепранская праязыковая синтаксическая система может быть охарактеризована следующим образом.

Порядок слов в предложении, судя по древним текстам и по последствиям этого порядка для последующих морфологических трансформаций, был относительно свободным, но уже тогда наблюдалось тяготение к последовательности SOV. Энклитики тяготели ко второму месту в предложении (после первого ударного члена предложения). Место определения по отношению к определяемому было относительно свободно.

Как говорилось выше, в иранской праязыковой системе (как и в индоарийской) имплицитно уже присутствовала семантическая классификация глаголов по признаку переходности ~ непереходности. Это означает, что в подсистеме глагола древнее индоевропейское значение активности ~ инактивности актантов (подробнее об активном строе индоевропейского см. [Климов 1973; Гамкрелидзе, Иванов 1984 I, 267 и сл.; Степанов 1989, 11 и сл.]) было в значительной мере утрачено.

Имя объекта переходных глаголов уже имело особое оформление — аккузативом (для имен не-среднего рода), в отличие от имени субъекта, оформляемого номинативом (для той же группы имен). И хотя аккузатив выполнял помимо маркировки имени объекта многие другие функции (указание на направление движения, протяженность в пространстве и времени, отношение и т.д.), существенным представляется тот факт, что он был противопоставлен падежу субъекта — номинативу — при выражении субъектно-объектных отношений, а также то, что одно и то же имя (мужского или женского рода) могло выступать в номинативе или аккузативе в зависимости от его роли в предложении, отражавшей активную или пассивную роль данного актанта в данной ситуации.

Все эти признаки указывают, что язык этого периода был в своей основе уже номинативным (или — в иной терминологии — аккузативным, номинативно-аккузативным), в отличие от активного раннеиндоевропейского, поскольку: 1) и субъект, и объект в праиранском языке уже осознавались (с соответствующим оформлением имен) как ситуационные, а не лексически заданные активный и инактивный классы актантов; 2) была уже лексическая классификация глаголов по переходности ~ непереходности (в отличие от активности ~ инактивности более раннего периода); 3) строй предложения был уже подготовлен к передаче субъектно-объектных отношений.

§ 11. В принципе то же можно сказать о праславянском синтаксисе в плане передаваемого содержания. О структуре праславянского предложения имеются различные мнения. В качестве возможных порядков основных членов предложения называют SVO, SOV и даже VSO. Праславянские энклитические местоимения, как и в иранских и других индоевропейских языках, тяготеют ко второму месту в предложении — после первого ударного слова (или синтаксической группы). Переходность ~ непереходность в синтаксисе отражается на возможности ~ невозможности употребления имени — прямого объекта — в предложении.

ВТОРИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ

§ 12. В морфолого-синтаксической системе иранских языков после распада праиранского состояния происходили связанные между собой процессы: продолжившаяся в древних иранских диалектах телатизация (с последующим перераспределением компонентов словоформы — отождествлением тематической гласной как принадлежащей окончанию), а затем просто унификация парадигм (как именных, так и глагольных), далее, относительно быстрое упрощение морфологии языков западной группы и — с некоторым отставанием — большинства языков восточной группы. Попутно развивались аналитические структуры, часть которых впоследствии грамматикализировалась. Дальнейший процесс приводил к превращению их в аналитические формы, затем — во вторичные агглютинативные, в глаголе также — во вторичные флективные. Подробнее об этих процессах см. [ОИТИЯ I, 112-224].

Эти процессы в значительной степени трансформировали, а впоследствии частично смыли древние флективные парадигмы имени и глагола. В наиболее полном виде они зафиксированы в текстах Авесты (хотя, как уже говорилось, в ней имеются архаизмы, уходящие подчас за праиранский уровень, и инновации, выявляющие не только спонтанные изменения, но и некоторые черты, привнесенные западноиранскими жрецами). Относительно свернутая система представлена в древнеперсидском языке (входящем в западноиранскую группу), причем в поздних текстах она была уже омертвевшей, о чем

§ 11. В принципе то же можно сказать о праславянском синтаксисе в плане передаваемого содержания. О структуре праславянского предложения имеются различные мнения. В качестве возможных порядков основных членов предложения называют SVO, SOV и даже VSO. Праславянские энклитические местоимения, как и в иранских и других индоевропейских языках, тяготеют ко второму месту в предложении — после первого ударного слова (или синтаксической группы). Переходность ~ непереходность в синтаксисе отражается на возможности ~ невозможности употребления имени — прямого объекта — в предложении.

ВТОРИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ

§ 12. В морфолого-синтаксической системе иранских языков после распада праиранского состояния происходили связанные между собой процессы: продолжившаяся в древних иранских диалектах телятизация (с последующим перераспределением компонентов словоформы — отождествлением тематической гласной как принадлежащей окончанию), а затем просто унификация парадигм (как именных, так и глагольных), далее, относительно быстрое упрощение морфологии языков западной группы и — с некоторым отставанием — большинства языков восточной группы. Попутно развивались аналитические структуры, часть которых впоследствии грамматикализовалась. Дальнейший процесс приводил к превращению их в аналитические формы, затем — во вторичные агглютинативные, в глаголе также — во вторичные флективные. Подробнее об этих процессах см. [ОИТИЯ I, 112-224].

Эти процессы в значительной степени трансформировали, а впоследствии частично смыли древние флективные парадигмы имени и глагола. В наиболее полном виде они зафиксированы в текстах Авесты (хотя, как уже говорилось, в ней имеются архаизмы, уходящие подчас за праиранский уровень, и инновации, выявляющие не только спонтанные изменения, но и некоторые черты, привнесенные западноиранскими жрецами). Относительно свернутая система представлена в древнеперсидском языке (входящем в западноиранскую группу), причем в поздних текстах она была уже омертвевшей, о чем

свидетельствуют содержащиеся в них значимые ошибки. Для восточноиранской группы древняя флективная система не имеет письменной фиксации, а относительно богатая парадигма языков ранних хотаносакских и согдийских памятников была уже в принципе перестроенной по сравнению с древней. Однако в ряде языков сохраняются этимологические рудименты архаичных форм.

§ 13. В результате восстановить во всех подсистемах древние парадигмы западноиранских и восточноиранских праязыковых состояний, которые были бы синхронными началу их фонетической дивергенции, и выявить общие для каждой из групп морфологические инновации практически невозможно (подробнее см. [Эдельман 1988]). Этим история иранской языковой семьи существенно отличается от славянской, поскольку при членении последней на группы очевиден и историко-морфологический фактор (см., например, [Бернштейн 1961, 73; Бошквич 1984, 33–36])¹.

Вместе с тем характер трансформации праязыковых именных и глагольных парадигм, процессы их свертывания и выработки новых грамматических структур в больших и малых генетических группах и подгруппах, ареальных объединениях и даже в отдельных языках представляют немалый интерес не только для истории самих иранских языков, но и для рассмотрения сходств и различий этих процессов в других языках, в частности в индоевропейских языках Европы, включая славянские.

Так, трансформация глагольных подсистем иранских и славянских языков включает, наряду с прочими, серию существенных утрат и спонтанных изменений содержательной стороны форм. В тех и других языках наблюдаются: 1) изменения в системе древних презентных основ (при разной степени утраты части их классов, различной продуктивности отдельных основ презенса в разных языках), 2) утрата (и/или частичное переосмысление) древних основ косвенных наклонений и ряда других форм. Однако, как известно, в сравнительно-исторических исследованиях сходные утраты тех или иных элементов, категорий и даже целых парадигм непоказательны для выявления степени родства языков, они только отчасти значимы в поисках возможности контактов между ними, поскольку такие утраты могли происходить в разных языках параллельно и независимо. Едва ли могут быть расценены в качестве общих материальных инноваций, говорящих о генетической или ареальной близости, и такие сходные процессы, как относительно быстрая тематизация склонения и спряжения, морфемное переразложение элементов внутри словоформы и т.п., поскольку подобные изменения происходили и в иранских

(см. [ОИТИЯ I, 114 и сл., 128–131]), и в других языках, включая славянские, независимо, в рамках выравнивания словоформ, относящихся к единому словоизменительному ряду.

Вместе с тем, хотя основные пути трансформации морфолого-синтаксических систем, особенно в плане изменения поверхностных структур, в иранских и славянских языках были в целом различными, можно проследить и определенные общие структурно-типологические тенденции, в том числе и в способах морфологизации отдельных синтаксических сочетаний. Кроме того, отмечаются некоторые континентно-типологические общности, прослеживаемые в динамике элементов определенных глубинных систем.

§ 14. Известно, что упоминавшаяся выше коренная трансформация всей глагольной системы сыграла огромную роль в истории подавляющего большинства иранских языков. В новых системах (особенно живых языков) на первый план выступает категория времени (в основном в виде оппозиции форм настоящего-будущего ~ прошедших времен), а также получает особое формальное выражение классификационная оппозиция переходности ~ непереходности глагола, которая в древнюю эпоху еще только вырабатывалась на лексическом уровне. Важно, что данная трансформация, изменившая средства выражения тех или иных категорий, включая архаичные, и соотношение их содержания, разделялась иранскими языками не только с ближайше родственными индоарийскими, дардскими и нуристанскими, но и — частично с некоторыми оговорками — с индоевропейскими языками Европы, о чем будет сказано ниже.

§ 15. Последовательность процессов для иранских языков предполагается следующей.

С затуханием роли древнеиранского перфекта, унаследованного из индоевропейского состояния, развиваются аналитические конструкции со значением результативности, строившиеся в иранских языках, как и в индоарийских, на базе причастий на *-*ta* (реже — на *-*na*, от единичных глаголов также на *-*ca*). Залоговая характеристика этих причастий — активная для непереходных глаголов и пассивная для переходных — обусловила различные построения данных конструкций.

Конструкции с непереходными глаголами строились по модели **ažam čjūta- ahmi* 'я ушел', букв. 'я ушедший есмь', где имя субъекта выступало в номинативе, и с ним согласовывались: а) причастие — в падеже (номинатив), числе, роде (например, в ед.ч. м.р. **čjūtah*, ж.р. **čjūtā*, ср.р. **čjūtam*; мн.ч. м. и ж.р. **čjūtāh*), б) связка — в лице и числе (в данном примере — в 1-м л. ед.ч.).

Конструкции с переходными глаголами от этих причастий должны были бы иметь пассивное значение, поэтому для передачи активного действия они были организованы иначе — по принципу посессивных оборотов, в которых субъект действия выступал как посессор его результата, типа «я имею прочитанной эту книгу», «я имею сделанным это дело». Вместе с тем в тот ранний период в древних иранских диалектах глагол с абстрактным значением 'иметь' еще не был выработан: глаголы, восходящие к праиран. **dar-* (из и.-е. **dher(a)-*) еще сохраняли конкретное значение 'схватывать; держать' (см. раздел «Лексика», § 5). В связи с этим моделью для таких оборотов послужили связочные посессивные конструкции (типа «у меня есть дело»), характеризовавшиеся первоначально пассивным значением: «у меня (это) дело сделано // сделанное (есть)». Ср. соответствующие посессивные конструкции с глаголом 'иметь' в индоевропейских языках Европы (романских, германских): «я имею дело» — «я имею сделанным (это) дело», но более поздние обороты «иранского» типа: «у меня (это) дело сделано», «у меня все приготовлено» — в русских говорах, где у глагола 'иметь' слабые позиции (см. ниже, § 21), или в литовском языке (см. § 22). Подробнее о грамматической роли глаголов 'быть' и 'иметь' см. [Benveniste 1952, 1960; Бенвенист 1974, 192 и сл.].

§ 16. В иранских языках такие конструкции с причастиями от переходных глаголов строились по модели, зафиксированной в древнеперсидском: **ima... mana // mai kartam (asti)* 'это... у меня // мной сделанное // сделано (есть)', где логический субъект синтаксически выражен в виде косвенного дополнения — именем (либо местоимением — полным или энклитическим) в генитиве (в части восточноиранских языков, как и в древнеиндийском, в инструменталисе; характерны случаи употребления в языке Авесты генитива вместо инструменталиса в обычных пассивных конструкциях). В данном примере выступает генитив местоимения 1-го лица: полноударного *mana* либо энклитического *mai*. Объект оформлен как подлежащее — именем в номинативе (здесь — указательным местоимением *ima* 'это'). Факультивная связка (*asti* 'есть') согласовывалась в лице и числе с формальным подлежащим, т.е. соотносилась с объектом действия.

О форме и о согласовании причастий нет единого мнения. Факт ориентации связки на объект и ряд других косвенных данных указывают на то, что причастие первоначально также должно было согласовываться с объектом (подробнее см. [Лившиц 1951, 1954; Пирейко 1968, 13–14; Эдельман 1973, 178; ОИЯ 1987, 319–320]), однако высказывается предположение и о его неизменяемости [Боголюбов 1982, 4–5]. Возможно также, что в разных регионах иранского праязыкового

ареала и в разных группах древних диалектов эти конструкции могли иметь и согласуемые (с объектом), и несогласуемые причастия, аналогично вариантам с наличием ~ отсутствием согласования причастий на *-т-*, *-н-* в различных русских говорах в конструкциях с результативным значением (см. ниже, § 21).

Грамматикализация этих (и иных аналогичных) конструкций перифрастического перфекта, называемых также в разных традициях «пассивно-посессивными», «псевдопассивными», «эргативными», «эргативообразными» и т.п., происходила значительно позднее, параллельно и неодновременно по разным регионам и диалектным зонам иранского мира.

Лишь в отдельных иранских языках восточной группы — согдийском (в его литературном варианте) и хорезмийском — засвидетельствована глагольная система, где роль претерита выполняли флективные формы древнего имперфекта от презентной основы, а данная пассивно-посессивная результативная конструкция грамматикализовалась в функции перфекта относительно поздно, когда глагол, продолжающий праиран. **dar-*, уже обрел устойчивый статус в значении 'иметь'. В результате здесь возобладало перфектное построение «германского» типа (естественно, с поправкой на «иранский» порядок слов): «я это сделанным имею». При этом в согдийской разговорной норме, отразившейся в «Старых письмах» и продолженной в потомке одного из диалектов, не зафиксированного письменными памятниками, — в ягнобском языке — отражается более архаичная связочная пассивно-посессивная конструкция перфекта «[y] меня это сделанное // сделано есть», как и в других иранских языках.

Об истории становления этих иранских конструкций, и об их функционировании имеется большая литература (см., например, [Benveniste 1952, 1960; Бенвенист 1974, 192–224; Кауфман 1956, 492–495; Пирейко 1968, 9–34; ОИТИИЯ II, 258–261, 318 и сл.; Pirejko 1979; Эдельман 1974, 23–25; СГВЯ-М, 70–72, 103 и сл.]).

§ 17. Со временем в подавляющем большинстве иранских языков уже грамматикализованные формы перифрастического перфекта утрачивают значение результативности и становятся формами претерита, вытесняя из этой сферы рефлексы древнего имперфекта (аорист утрачивал свои позиции раньше). Тем самым оппозиция форм настоящего-будущего времени (из древних флективных форм презенса) ~ прошедшего времени (из причастных сочетаний, возникших на позднем этапе древнеиранской эпохи) становится ведущей и выражается прежде всего оппозицией временных основ: настоящего времени (из древней презентной основы или уюдобленной ей) ~ прошедшего

времени (из древнего причастия). Показатели лица и числа в одних языках подвергаются аналогическому уподоблению и становятся едиными, в других — сохраняются различия между флексивными показателями ~ связками или местоименными энклитиками. Оппозиция переходности ~ непереходности становится явной, грамматической, получая синтаксическое, а затем и морфологическое выражение в характере моделей глагольных форм. При этом во многих иранских языках появляются новые аналитические сочетания с результивным (перфектным) значением, образованные по тем же моделям, но базирующиеся в большинстве языков на вторичных причастиях (чаще всего — на *-ta-ka-, в некоторых языках с сохранением форм рода и числа); впоследствии они также входят в глагольные парадигмы, образуя формы перфекта и плюсквамперфекта (см. подробнее [ОИТИИЯ II, 358, 361 и сл.; СГВЯ-М, 70 и сл.]).

§ 18. Различие переходных и непереходных конструкций предложения в иранских (как и в индоарийских и других родственных) языках обусловило здесь оппозицию и двух синтаксических моделей, «эргативообразную» (или, в других терминах, «эргативную», «косвенную», «псевдопассивную») с переходными глаголами в прошедших временах ~ номинативную (или прямую) с переходными глаголами в настоящем (или настояще-будущем, см. ниже, § 25) времени и с непереходными глаголами во всех временах, за некоторыми исключениями².

При таком соотношении данных построений и при наличии в этих языках еще и истинно пассивных перифрастических конструкций (типа «это мною сделано есть» и др.) создалась система, в которой эргативообразные конструкции предложения и организующие их глагольные формы претерита, перфекта и плюсквамперфекта, выражающие активное действие, ограничены определенным набором видо-временных форм и практически находятся в дополнительной дистрибуции к номинативной активной (т.е. не пассивной) конструкции с формами настоящих времен от переходных глаголов. То есть они отличаются от номинативных переходных конструкций (с формами настояще-будущего времени и — в отдельных языках — имперфекта) лишь поверхностной структурой, но не характером глубинных отношений и выражаемого содержания. Тем самым эргативообразные конструкции занимают подчиненное положение в системе и представляют собой формальный вариант номинативной активной конструкции (подробнее см. [Эдельман 1974, 23–25]). Это способствует контаминации данных конструкций, происходящей в большинстве иранских языков различными способами [Пирейко 1968, 38–49], как правило в пользу номинативной конструкции.

§ 19. Отдельного внимания заслуживают способы оформления имен субъекта и объекта в номинативной и эргативообразной конструкциях. Первоначальная картина: а) номинатив имени субъекта в номинативной конструкции с непереходным глаголом (в любой видо-временной форме) ~ номинатив имени субъекта при формах непрошедших времен переходного глагола ~ косвенный падеж имени субъекта при формах прошедших времен переходного глагола; соответственно: б) аккузатив имени объекта при переходном глаголе в формах непрошедших времен ~ номинатив имени объекта при переходном глаголе в формах прошедших времен. Ср., например, др.-перс. *adam ašiyavam* 'я пошел', *adam akunavam* 'я сделал' (в имперфекте), *Auramazdām ayadaiy* '(я) почитал Ахурамазду', *Auramazdā-maiy upastām abaraft* 'Ахурамазда мне помощь принес', но *ima... mana // maiy kartam (astiy)* 'это... я сделал'.

Со временем оппозиция падежей субъекта и объекта стала затухать, особенно в связи со свертыванием падежной парадигмы, с ужесточением порядка SOV и с тенденцией к унификации в ряде языков номинативных и эргативообразных построений. В части языков субъект представлен именем в прямом падеже в обеих конструкциях, хотя в ряде случаев это имя может этимологически продолжать форму исторического генитива (реже — инструменталиса), которая сохраняется и позже, даже при свертывании древней парадигмы до нуля. Например, в персидском языке, где уже нет падежей, местоимение 1-го лица ед. числа *man* 'я' < праиран. ген. **mana*; суффиксальный показатель мн. числа имен *-ān* восходит к флексии ген. мн.ч. **-ānām*. Имя объекта обычно утрачивает древнее аккузативное оформление (чему способствуют и некоторые формальные причины), а затем получает в большинстве языков новую маркировку — в виде предлогов, префиксов, послелогов, часто в зависимости от дополнительных содержательных факторов (определенности ~ неопределенности денотата, вхождения имени объекта в состав темы или ремы и др.).

В результате существенную роль в оппозиции имен субъекта ~ объекта начинает играть общий порядок основных членов предложения: в подавляющем большинстве языков закрепился порядок SOV, в единичных — SVO (хорезмийский) или допускаются варианты SOV // SVO (осетинский). При отсутствии дополнительной маркировки имени объекта решающим способом выражения противопоставления субъекта ~ объекта в нейтральном стиле речи оказывается порядок следования имен: как правило, SO; обратные случаи, диктуемые обычно стилистическими мотивами, редки (подробнее [СГВЯ-М, 252–253]).

§ 20. В славянских языках претеритальная сфера также заполнялась причастными конструкциями, первоначально — с предикативным причастием на *-l-* и с результивным (перфектным) значением, отчетливым еще в старославянском. Причастия с суффиксами м.р. *-lъ*, ж.р. *-la*, ср.р. *-lo* выступали со связкой, выражающей лицо и число субъекта, типа *nestъ jesъь*, ст.-слав. *prislъь est*. В русском языке связка стала нулевой из-за общей неупотребительности ее в настоящем времени. Причастия не были дифференцированы в залоговом отношении, поэтому сочетания с переходными и непереходными глаголами строились единообразно, и «переходные» конструкции, которые были бы организованы по пассивно-посессивному типу, здесь первоначально не вырабатывались (о более поздних конструкциях этого типа см. в § 21). Сочетание со связкой в настоящем времени имело значение перфекта, с глаголом 'быть' в прошедшем времени, типа *nestъ bѣхъ*, — плюсквамперфекта; имелись и другие сочетания с различными модальными и временными оттенками, диктуемыми формами глагола 'быть'. Место причастия по отношению к вспомогательному глаголу было относительно свободно, однако они составляли аналитическую глагольную форму. В дальнейшем, как и в иранских языках, перфектное значение этих аналитических форм ослабло и они стали употребляться в значении претерита. Подробнее о перфекте → претерите с *-l-* см., например, [Мейе 1951, 210 и сл.].

§ 21. Впоследствии в славянских языках возникают новые причастные сочетания с результивным значением, образуя новые обороты или аналитические формы, которые могут быть квалифицированы как вторичные перфекты и плюсквамперфекты. Их яркие образцы представлены в русских говорах в виде разнообразных сочетаний пассивных причастий на *-но*, *-то* и формы на *-ши* со связкой (включая нулевую) и глаголом 'быть'. В разных говорах типы организации этих конструкций различны, хотя они в основе своей сближаются с посессивными.

Отмечаются конструкции, в которых: а) причастная форма согласована с именем реального объекта: *церковь сделана и топор в воду брошен* (о Кихах); *хороший муж был: век у меня кости не биты, не ломлены; я-то замазанась; у меня и картошка сварена, и пол вымыт*; б) причастная форма не согласована, но согласован вспомогательный глагол: *большая корзина была у меня набрано, попрошено соседи были помочь*; в) причастие и глагол не согласованы: *у меня было закрыто курица*; г) причастие не согласовано, связка нулевая: *картошка выкопано; женка оттедова взят; у меня картошка наварен*, — и некоторые другие. Характерны также разные падежи,

оформляющие имя объекта в таких конструкциях, наличие безличных и неопределенно-личных типов оформления, например: *это не пенсию ли принесено?*; конструкции с непереходными глаголами: *дьякон был приехан; тут наехано всякого народу* и т.п. Наличие этих вариантов типологически поддерживает возможность разных типов оформления аналогичных конструкций в древних иранских диалектах (см. выше, § 16). Конструкции с формами на *-ши* характерны и для переходных, и для непереходных глаголов: *бригадир спит, а картошка затравевши; он ушотши; она была хорошо одевши; отец был в войну ранивши* и т.п. Подробнее см., например, [Кузьмина, Немченко 1964, 1971; Кузьмина 1975 (I, II), там же обзор предшествующей литературы].

§ 22. Сходные в целом причастные конструкции имеются и в балтийских языках. Так, в литовском языке отмечаются результативные перфектные конструкции с активными и пассивными причастиями.

Здесь результативные перфектные конструкции, имеющие базой причастия с активной семантикой от переходных и непереходных глаголов, организуют предложения с номинативом имени субъекта: *šunaitį buvo įeidusi Barbė* 'Барбе впустила (букв. 'была впустившая') собачонку'; *esu girdėjęs* 'я слышал' (букв. 'есмы слышавший'), см. [Грамматика 1985, 216–217; Амбразас 1990, 186 и сл.]. Характерны также сочетания с пассивными причастиями среднего рода от переходных и непереходных глаголов и генитивом имени субъекта, ср.: *tėvo rugiai sėjama // sėta* 'отец сеет // сеял рожь' (букв. 'отца рожь сеямо // сеяно'), *tėvo gulima // gulėta* 'отец лежит // лежал' (букв. 'отца лежимо // лежано') [Амбразас 1990, 207–208].

Ср. также становление «теневой» парадигмы перфекта в балтийских языках и соседствующих с ними славянских языках и диалектах (формы на *-шы / -вши* северо-западных русских говоров и сходные по построению формы в белорусских и польских говорах на территории Литвы и Белоруссии), что составляет одну из изоглосс, объединяющих языковой союз *Reipus-Bund* [Чекмонас 2000, 57–59].

§ 23. Таким образом, основное сходство иранских (и других арийских, а также армянского) языков с индоевропейскими языками Европы состоит в выработке вторичных причастных сочетаний с общим содержанием — обозначением результативности, — которые становятся затем грамматическими формами перифрастического перфекта, а при утрате ими результативного значения — инновационными формами претерита.

Основной причиной их возникновения мог быть единый механизм, «запущенный» значительно раньше. Им послужило постепенное

ослабление (либо изменение) содержания раннеиндоевропейской оппозиции перфект ~ неперфект (последний в разных традициях также инфект, инъюнктив и т.п., см., например, [Елизаренкова 1960, 120–124, 130 и сл.; Gonda 1980, 35 и сл.; Szemerényi 1989, 317; Макаев 1977, 56–57]) и соответственно ослабление у старого перфекта особого значения состояния — с частичной передачей этого значения медиальным формам неперфекта, — а также, возможно, вследствие этого слабой выраженностью значения результативности как причины состояния.

Этот единый раннеиндоевропейский процесс — ослабление особой позиции старого перфекта — стимулировал в разных индоевропейских языках Европы и Азии сходные компенсаторные тенденции, а именно: выработку определенного типа причастных конструкций, которые могли бы выразить определенные же семантические элементы, свойственные формам перфекта уже в период распада индоевропейского праязыка на праязыки соответствующих семей. Дальнейшие процессы и их результаты (в виде создания конструкций, различных на поверхностном уровне, но сходных на глубинном) относятся уже к истории конкретных языков, входящих в эти семьи, и к относительной хронологии различных семантических, синтаксических и морфологических процессов в этих языках. Иными словами, трансформации в индоевропейской системе как бы «генетически запрограммировали» дальнейшие перестройки глагольных систем в индоевропейских языках Европы и Азии, а сходное развитие глубинных структур вызвало в них типологически похожие поверхностные морфолого-синтаксические структуры.

Для нас в этой картине истории перфектных конструкций существенно, что в тех языках, где они не единообразны, их различия диктуются семантическими признаками глаголов: а) классификацией их на переходные ~ непереходные и б) наличием ~ отсутствием или слабой позицией в языке глагола с абстрактной семантикой 'иметь'.

Генерализация в части языков Европы оппозиции конструкций с активными причастиями от непереходных глаголов и пассивными причастиями от переходных, типа «я есмь пришедший», но «я имею это сделанным», могла относиться только к периоду после выработки здесь глаголов с абстрактным значением 'иметь' или после обретения этим глаголом устойчивого статуса в лексической системе. Это сохранило общую номинативность наследующих им форм и конструкций предложения (ср. перфект нем. *ich bin gekommen* 'я пришел', но *ich habe gelesen* 'я прочел'); то же в хорезмийском и литературной

норме согдийского языка. В большинстве же иранских языков, в других арийских, в русских диалектах, в литовском, где позиции глагола 'иметь' слабы либо это значение выработалось в нем относительно поздно — после грамматикализации этих конструкций, — противопоставляются связочные конструкции «я емь пришедший» и «это у меня // мною (есть) сделано // сделанное». При этом по первоначальному характеру соотношения компонентов и «иранские», и «германские» конструкции с переходными глаголами в целом однотипны: это посессивные обороты, в которых субъект действия предстает как посессор результата действия, выраженного пассивным (для данного класса глаголов) причастием. Формальные же различия между этими конструкциями основаны на различии способов выражения посессивности в данных языках, о чем писал еще Э.Бенвенист [Benveniste 1952, 1960].

При немаркированности причастия по признаку переходности ~ непереходности и залогу (типа славянского причастия на *-l-*) оппозиция перфектных конструкций отсутствует: для ее появления нет оснований.

§ 24. Немалый интерес представляет собой процесс становления у форм вторичного (причастного) перфекта и у сходных с ними причастных конструкций модальных значений «неочевидности», «заглазности» действия, пересказа с чужих слов, логического вывода из ситуации и т.п., т.е. подчеркивания говорящим того факта, что он сам не был свидетелем события, о котором говорит. В различных иранских языках наблюдается разная степень интенсивности данного процесса.

Наиболее ярко такие формы представлены в таджикском языке, где из перфекта выделились формы «неочевидного», или «аудитивного», наклонения, нарастив при этом (по аналогии с аналитическими формами индикатива) новые видо-временные формы с модальным значением «неочевидности». Здесь только форма собственно перфекта (типа *karda ast* '[он] сделал') сохраняет связь с изъявительным наклонением, выражая и «очевидное» — результативное — действие в прошлом, и «неочевидное» действие в прошлом, реже — также в будущем; иногда в ней присутствует и оттенок неожиданности: '[оказывается, он] сделал'. Остальные видо-временные формы этого наклонения инновационны: длительное *mekarda ast* — по типу прошедшего длительного *mekard* '(он) делал', определенное *karda istoda budu ast* — по типу прошедшего определенного *karda istoda bud* '(он) делал (в определенное время)' и т.п., и используются они только с данной модальностью (подробнее [Расторгуева, Керимова 1964,

71–97]). Характерно употребление «неочевидных» форм при любом повествовании с чужих слов и в связи с этим их особая частотность в фольклоре — в сказках, преданиях, легендах и т.п. (при этом как бы подчеркивается «сказывают, что...»). Сходный круг значений обнаруживают перфектные формы в ряде других иранских языков (см., например, [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 625; Эдельман 1966, 55–56]).

Значения и оттенки неочевидности у сходных причастных форм и сочетаний отмечаются и в языках Европы, ср. соответствующие балтийские образования: лит. *tėvas metis tinklus* 'отец (мол) бросает сети', лтш. *tēvs metot tīklus* — то же (но с застывшей формой причастия). Сходные образования наблюдаются в болгарском и македонском языках в виде «пересказательных» форм на базе причастия на -л (их сопоставление с балтийскими см. [Грамматика 1985, 215–217, 231–235; Амбразас 1990, 219–234]).

Естественно, такое явление едва ли можно рассматривать как генетически общее: аналогичные значения обнаруживают причастные результативные образования в тюркских языках, притом что развивались они здесь различными способами и в относительно поздний период уже изолированного существования этих языков (см. [Дмитриев 1940, 106, 1960, 50–51; Гаджиева 1966, 77; Покровская 1966, 123; Серебrenников, Гаджиева 1986, 212–213] и др.). Ср. также точку зрения о выражении неочевидности действия в македонском языке под воздействием турецкого [Бенвенист 1974, 223–224].

§ 25. Для сферы глагольной морфологии существенны степень формального размежевания презенса ~ футурума и средства образования форм последнего. В древнеиранских языках, как известно, футурум не был формализован: основы с элементом *-z-, соответствующие ведическим на -*su-*, здесь не были генерализованы в этом качестве, как и в славянских языках (ср. наличие форм буд. вр. с -z в литовском языке). Действие в будущем передавалось обычно конъюнктивом в определенном контексте. В большинстве языков последующих эпох имеются единая основа настояще-будущего времени (продолжающая древнюю презентную или построенная по аналогии с ней) и единая форма настояще-будущего времени. Временная отнесенность действия конкретизируется контекстом. Однако ряд языков выработал новые формы презенса и футурума; при этом строятся они согласно различным моделям (например, превербное образование футурума в языке пашто) и с неодинаковым материальным «наполнением».

Из последних обращают на себя внимание формы будущего времени, образованные с помощью глаголов с семантикой 'хотеть'

(либо их основ или производных). Однако сами глаголы 'хотеть' и их основы в разных иранских языках этимологически различны; неодинаковы и модели построения данных форм будущего времени. Так, в классическом персидском языке это было сочетание личной формы глагола *x^vāh-* 'хотеть, желать' с полным или усеченным инфинитивом основного глагола: *x^vāham kardān* // *x^vāham kard* 'сделаю' (← 'хочу сделать'). Современные персидский, таджикский, дари продолжают эту аналитическую форму с усеченным инфинитивом (типа перс. *xāham kard*); в дари имеется также вторичная форма будущего завершённого (типа *kardā x^vā(h)am būd*), построенная по субстратной модели будущих совершенных форм в языке пашто (подробнее см. [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982, 166, 175, 183–184]). Сходные формы отмечаются и в «малых» языках Ирана (например, тил. *xaueṭ kudān*, семн. *māgān hākārun* с полной формой инфинитива).

В согдийском и хорезмийском языках футурум образуется сочетанием личной формы презенса с постпозитивной неизменяемой основой *-kām* из древнеиранской деноминативной глагольной основы **kāma-* 'хотеть, желать' (из имени **kāma-* от глагольного корня **kā-* 'хотеть, желать'): согд. *kunand* 'делают' ~ футурум *kunand-kām* [Лившиц, Хромов 1981, 485–486]. В осетинском языке футурум маркируется суффиксом *-zæn-*, *-zæn-* / *-zīn-* (в ед. числе), *-zæ-* (во мн. числе), продолжающим праиранскую основу **čāna-*, **čīna-* 'желающий, хотящий', рефлексы которой отмечены и в других иранских языках, включая употребление во второй части композитов и в виде суффиксов (например, хс. *dīrsū-jsinā* 'желающий // желая видеть', где *-jsin-* т.е. [*-zīn-*] < **-čā/ina-*). Эта основа восходит к глаголу **kan-* : *čān-* 'хотеть, желать, жажда чего-л.' и связана с именем **čānah-*, **čīnah-* 'желание, потребность, склонность'; оба они продолжают в конечном счете производные от того же глагольного корня **kā-* 'хотеть, желать'. Ср., например, осет. диг. *færszænæn* 'я спрошу', *særszænæn* 'я буду жить', см. [Бенвенист 1965, 87–89; Bailey DKS, 159].

Различия в моделях построения новых футурумов и в этимологиях основ со значением 'хотеть' в этих иранских языках, а также ареальная разобщенность самих языков свидетельствуют об относительно позднем и независимом развитии в них футурума. Объединяет эти формы типологически общая содержательная подоплека: связь представления о действии в будущем с модальной окраской речи (подробнее об иранских языках см. также [ОИТИЯ II, 407]), т.е. отражение в языковом мышлении принципиального осознания недетерминированности будущего. Возможно, здесь продолжается содержательная линия употребления в древних языках конъюнктива для обозначения действия в будущем.

Развитие же форм футурума с помощью основ именно со значением 'хотеть, желать' типологически объединяет данные иранские языки частично со славянскими и — особенно явно — с языками Балканского языкового союза, см. в сербскохорватском: глагол *htěti* / *htěti* в спрягаемой форме + инфинитив: *ћу ндсити* / *ћи ндсити*; в болгарском: *ще* (< **хотěти*) + личная форма глагола: *ще работя* (примеры см. [Поляков 1998, 88, 96 и др.]; о функционировании форм в языках Балканского союза см. [Schaller 1975, 152–155]). При этом ареальная зависимость такого сходства у иранских языков с балканскими отсутствует. Ср. также сходные обороты в армянском (материал и литературу см. [Макаев 1977, 149–154]), ареальное контактирование с которым части иранских языков не исключается, и в английском (ср. функцию глагола *will* в формах будущего времени), контактов с которым не предполагается. Особый интерес представляет тот факт, что в совпадении этой черты в отдельных иранских языках и в языках Балканского союза участвует персидский язык. О его «балканизмах» см. также ниже, § 27, 28, 31, 36, 38.

Неясно, есть ли ареальная зависимость в использовании основы **čana-*, **čina-* именно в осетинском языке, наиболее тесно контактировавшем со славянским языковым миром. Ср. церковнославянские, еще не полностью грамматикализовавшиеся аналитические формы футурума, построенные по модели: глагол *имать* или *хощю* + инфинитив любого вида, реже *-цьно* + инфинитив несовершенного вида. Если в исконности первых двух моделей в литературе высказываются сомнения (считается, что если они и имеют славянское происхождение, то в дальнейшем развивались под влиянием иноязычных, в первую очередь греческих моделей), то сочетание *-цьно* + инфинитив, хорошо представленное также и в древнерусском, рассматривается как исконно славянский (хотя и не общеславянский) способ образования будущего времени [Бирнбаум 1987, 124].

Иной способ образования формы будущего времени из модального оборота наблюдается в языках, где глагол со значением 'иметь' уже установился (хотя эти обороты сформировались позднее, чем перфект с глаголом 'иметь', и охватили языки с более поздней лексикализацией данного глагола), ср., например, форму будущего времени в старославянском (типа *имаь ити*, *имаши ити*, *имать ити* и т.д.) и модальные обороты типа рус. *имеет быть*, *я имею заявить*, лит. *tūri laukti* 'должен ждать' с глаголом *turėti* 'иметь; быть должным, обязанным' [Грамматика 1985, 446]; англ. *I have to wait* 'я должен ждать' и т.д. В иранских языках аналогичных форм будущего времени и оборотов долженствования с глаголом 'иметь' не наблюдается,

зато в персидском есть формы настоящего и прошедшего времени данного момента с глаголом 'иметь' типа *dāram miravam* '[я] иду (в настоящий момент)'

Сам же принцип развития футурума из модальных форм и сочетаний сближает типологически и те и другие языки с тюркскими (ср. [Серебренников, Гаджиева 1986, 192–198]).

§ 26. Особый для иранских языков случай — связь превербов с понятием «совершенности», или «перфективности», действия в осетинском языке, как и в славянских, которую можно отнести к контактным явлениям. Осетинские превербы, выполняющие комплекс функций (особенно значима система превербов в выражении направления действия в связи с определенной членимостью пространства на «внутреннюю» и «внешнюю» части), придают глаголу также видовую характеристику совершенного вида. Хотя спорадически сходное употребление отдельных превербов встречается и в других иранских языках (см. ниже), совпадение использования различных локальных превербов в целях обозначения вида характерно именно для осетинского, что, естественно, расценивается как черта, обязанная ареальным контактам скифов и славян в Восточной Европе (подробнее см. [Абаев 1965, 54–68, 1995, 343–354]).

Система совершенного ~ несовершенного видов имеется также в языке пашто, где «совершенные» формы образуются присоединением специального префикса *wi-* (не имеющего других значений и функций), переносом ударения и супплетивно, однако это уже другая система (см. [Дворянков 1960, 51 и сл.]). Эти видовые значения, наряду со многими другими (начинательность, тщательность или небрежность в совершении действия и т.п.), могут быть выражены в таджикском языке сложноее причастными глагольными образованиями (см. [Расгоргуева, Керимова 1964]), однако здесь значения завершенности ~ незавершенности не являются настолько существенными, как в осетинском.

Глагольные префиксы перс. *be-*, тадж. *bi-*, употреблявшиеся в классический период и в среднеперсидском при формах не только настоящего, но и прошедших времен, иногда рассматриваются в литературе как указывающие на завершенность действия, однако они же являются и модальными показателями, подчеркивающими категоричность утверждения (см. подробнее [ОИТИЯ II, 388–389]; о значениях этих префиксов в ранние периоды и об их этимологии см. также [Оранский 1963], там же обзор более ранних работ; о функционировании *be-* в среднеперсидском см. [Josephson 1993, 1994]).

§ 27. Для именной подсистемы иранских языков, как говорилось, характерно постепенное свертывание древней богатой флективной парадигмы, различное и независимое по языкам. Оно началось уже в древнюю эпоху (ср. случаи смешения генитива и датива в авестийском [Соколов 1979, 202], синкретизм ряда падежей в древнеперсидском языке и др.). При этом сам процесс, неодинаковый в разных иранских языках, особенно в языках не-древней эпохи, был все же подчинен некоторым общим закономерностям.

Одна из них состоит в том, что из двусложных падежных показателей наиболее «живучими» оказывались те, которые в тот период были синтаксически наиболее информативными для системы данного языка (подробнее см. [Эдельман 1988, 54–55]). Обычно это были показатели генитива, а в ряде восточноиранских языков также и инструменталиса (что особенно ощутимо для парадигмы множественного числа), т.е. показатели тех падежей, которые выступали в предложении как падежи субъекта в эргативобразных конструкциях. При этом в тех языках, материал которых фиксирует различные этапы свертывания именной парадигмы и различный удельный вес номинативных и эргативобразных построений, — в древнеперсидском, хатанасакском, раннем состоянии согдийского, — наблюдается общая черта исторической морфологии имени: относительно раннее поглощение датива генитивом и включение в функции генитива исторических дативных значений (см. [Абаев 1965, 75–79; Emmerick SGS, 249–250; Лившиц, Хромов 1981, 422]). Другие иранские языки демонстрируют уже более «продвинутые» этапы свертывания именной парадигмы, поэтому очередность исчезновения падежных форм на основании их материала определить затруднительно.

Как отмечал В.И.Абаев, такое соединение генитива с дативом сходно с процессами в индоарийских языках, в армянском и в языках Балканского союза и является явно вторичным, обусловленным некими историко-типологическими причинами (см. [Абаев 1965, 76, 79]; ср. [Schaller 1975, 134–138]). При этом общей причиной для сходных процессов в этих языках могло послужить употребление обоих этих падежей в древности в сходных функциях, особенно в посессивных конструкциях и в оборотах, близких к ним по значению (см. [Бенвенист 1974, 213]).

Однако следует отметить, что первоначально генитивная конструкция, обозначающая посессивность, и дативная конструкция, обозначающая предназначенность, должны были различаться. В древнеперсидском мы уже застаем употребление генитива в значении не только посессивности, но и предназначенности (ср. *baga vazarka*

Auramazdā... šiyātim adā martiyahyā [Dsc, 2–3] ‘Бог великий Ахурамазда... счастье создал для человека’). Употребление этих падежей в сходных по семантике конструкциях отмечается и теперь в виде посессивного датива: ср. осет. *Wærxægъ* (ген.) *fyrtae* ‘сыновья Уархага (ген.)’ и *Wærxægæn* (дат.) *jæ fyrtae* ‘Уархагу (дат.) его сыновья’ [Абаев 1965, 76]. Однако это явление в современных языках обычно связано не с собственно посессивностью, а с определенными человеческими отношениями — «приходиться кем-либо кому-либо», ср. рус.: *он её брат, он его друг, слуга царя* — с родительным падежом, но *он ей брат, он ему друг, я им сосед, слуга царю, отец солдатам* — с дательным.

Во многих иранских языках функциональная нагрузка генитива усиливается в связи с тем, что он является уже падежом и имени субъекта при переходных глаголах в прошедших временах, и имени посессора в определительных конструкциях. Далее, генитив в подавляющем большинстве языков (в виде рефлексов форм генерализованной тематической парадигмы с окончаниями: ед. числа **(a)hīa*, мн. числа **-ānām*) постепенно расширяет свои функции до общекосвенного падежа. Поглощение им функций датива было одним из первых этапов свертывания именной падежной парадигмы. Сходная ситуация отмечается в индоарийских языках и в восточноармянском (см. подборку фактов и анализ материала [Абаев 1965, 76–77]).

Такое совпадение этапов свертывания именной парадигмы между иранскими и индоарийскими языками, с одной стороны, и языками Балканского союза — с другой, представляет немалый интерес особенно в связи с тем, что в других регионах и языках индоевропейского мира свертывание именных парадигм шло различными путями, ср. так называемый синкретизм падежей:

в иранских языках: генитив — датив;

в языках Балканского союза: то же;

но:

в кл. греческом: датив — локатив, генитив — аблатив;

в германских: датив — аблатив;

в латинском: аблатив — локатив, инструменталис.

Можно строить предположения, почему иранский, и в частности персидский путь свертывания именной парадигмы совпал не только с индоарийским и восточноармянским, но и — на Западе — именно с балканским. Был ли этот процесс стимулирован особого рода пиджинизацией древних иранских языков и диалектов Западного Ирана в определенной социолингвистической ситуации (о чем уже приходилось писать, см. [Эдельман 1988, 2000]) и проходили ли балканские

языки сходный этап пиджинизации? Или и на те и на другие воздействовали какие-то более широкие дополнительные семантические или ареальные факторы?

§ 28. По мнению В.И.Абаева, через этап поглощения генитивом датива происходит также распространение форм генитива на функции аккузатива в осетинском, восточноармянском и славянском, когда в качестве синтаксического объекта подразумевается личность или одушевленное существо, либо когда денотат объекта является определенным, известным (из контекста или ситуации), в отличие от номинативного оформления имени объекта, когда оно соотносится с неодушевленным или неопределенным денотатом. Различия в оформлении имени объекта в зависимости от его определенности ~ неопределенности, одушевленности ~ неодушевленности, личности ~ неличности, наблюдаются в различных индоевропейских (в частности, индоарийских и иранских) и неиндоевропейских языках и выражаются обычно маркированием ~ немаркированием этого имени. Однако здесь значим тот факт, что данное противопоставление оформляется оппозицией именно этих двух падежей — генитива и номинатива (или неоформленного имени) и что это происходит в языках, контактировавших между собой в разные эпохи [Абаев 1965, 68–79, 1995, 354–364, 486–489].

§ 29. Выражение категорий рода и числа в большинстве иранских языков постепенно выходит из падежной флективной парадигмы и становится аффиксальным, поэтому от падежного оформления этих категорий, которое можно было бы сопоставить со славянским, остались только отдельные рудименты архаизмов. В части иранских языков категория рода отмирает, в очень небольшой части — в северно-памирских языках — перестраивается по принципу семантических классов, где род имени связан не с формой основы, а с семантикой имени существительного. Только активизация в древних диалектах образования имен женского рода путем продуктивности в определенные периоды древних именных основ на *-ā и *-ī может быть поставлена в ряд инноваций, разделяемых со славянскими языками, где в древний период активизировались основы женского рода на *-ā.

§ 30. Как известно, в становлении некоторых морфологических структур, общих для иранских и славянских языков, существенную роль сыграли поздние микросинтаксические образования, из которых затем стабилизировались устойчивые сочетания, перешедшие впоследствии в разряд аналитических форм и определенных характерных оборотов и далее — во вторичные синтетические формы. К ним относятся, например, рассмотренные выше формы футурума и ряд других,

о которых будет сказано ниже. Они же сыграли большую роль в истории парадигм прилагательных. В иранских языках произошло закрепление места прилагательного при существительном (в части языков — в препозиции, в части — в постпозиции), благодаря чему прилагательные относительно быстро утрачивали падежную парадигму, притом что в тех языках, где сохраняется категория рода, выражение этой категории часто берут на себя именно прилагательные. При этом падежная неизменяемость прилагательных (а также в большинстве иранских языков неизменяемость по роду и числу) породила определенные новые способы их связи с определяемыми ими существительными. Существенно, что часть этих способов может быть сопоставлена со способами местоименного, или членного, словоизменения прилагательных, характерными для славянских языков (см. [Мейе 1951]).

§ 31. В микросинтаксической, а затем и в морфологической структуре многих иранских языков большую роль в становлении способов выражения связи определения с определяемым сыграли исторические относительные местоимения, в основном те, которые восходили к праиранскому относительному местоимению **ja-* (< и.-е. **ja-*), реже — к праиранскому **či-* (< и.-е. **k^wi-*). В части западноиранских языков они (и содержащие их составные дейктические элементы типа **ha-ja-* // **h(i)ja-* и **ta-ja-* // **t(i)ja-*) стали средством оформления определяемого в определительных (на первых порах — относительных) сочетаниях типа «дом, который отца», «дом, который большой» — путем их постпозитивного присоединения к определяемому (см. [Бенвенист 1974, 225–240]). Постепенно они превращались в синтаксический показатель определяемого перед последующим определением (так называемый *изафет*) с утратой значения относительности.

В результате этого процесса в части поздних западноиранских языков наблюдается как бы зеркальное по отношению к славянским языкам построение определительного сочетания. Здесь оно следует модели «определяемое + энклитический постпозитивный относительный местоименный элемент — определение», в отличие от славянского, где определение обычно препозитивно и аналогичный относительный энклитический элемент примыкает к «определенному (членному) прилагательному» (гермин А.Мейе), сливаясь впоследствии с его окончанием. Преобладающая модель здесь «определение-прилагательное + энклитический постпозитивный относительный элемент — определяемое». Однако сам принцип — использование местоименного элемента (праиран. **ja-*, слав. *je*) в определительных сочетаниях в качестве определительного и согласовательного элемента — продол-

жает весьма архаичный тип связи определяемого с определением. Ср. пример ав. *stāram yam tištrīm* (где *yam* является таким элементом), приводимый А.Мейе в его высказывании о сходстве иранских, славянских и литовского языков (в последнем это элемент *ja-*) в построении таких конструкций [Мейе 1951, 357 и сл., особенно 358].

Следует отметить, что в некоторых более поздних иранских языках рефлексы этого **ja-* функционально и фонетически совпадают с рефлексами указательного местоимения от корня **ai-* : *ī-* 'этот' или составного указательного местоимения **aiça-* 'тот; так' (ср. ав. *aēva* 'так', др.-инд. *evá* 'так'), из которых обычно развиваются препозитивные определенные артикли (например, в хорезмийском, согдийском и некоторых других языках), либо с рефлексами числительного **aīça-* 'один', которые образуют артикли — показатели выделительности, неопределенности, единичности — в одних языках препозитивные, как например в согдийском, в других — постпозитивные, как например в среднеперсидском (-*ēv*, -*ē*), и далее — в классическом персидском (-*ē*), современном персидском (-*i*), дари (-*ē*) и таджикском (-*e*).

Такое двойное отражение местоимения **ja-* — и в препозиции, и в постпозиции к имени, в функциях как относительного элемента, так и (особенно при контаминации его рефлексов с рефлексами указательного местоимения и числительного 'один') артиклей — возможно, продолжает его двойной круг значений, свойственный ему еще в индоевропейском состоянии (см. [Бенвенист 1974, 235]) и отраженный в славянских языках в окончаниях прилагательных, о которых говорилось выше (см. [Мейе 1951, 357–358]).

Постпозиция же самого относительного элемента (простого или составного), во всяком случае в той части западноиранских языков, где он превратился затем в изафет (и возможно, в одном восточноиранском — бактрийском), а также постпозиция артикля, указывающего на выделительность, неопределенность, единичность имени в среднеперсидском языке и в продолжающих его персидском, дари, таджикском (ср. тадж. *odam* 'человек', *odame* 'некий человек', *odame ki...* '[тот] человек, который...', см. [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982, 110–111]) и в ряде других языков (в некоторых также под воздействием названных выше), поддерживается наличием системы постпозитивных показателей синтаксических отношений имен — послелогов. Характерно, что один из них — послелог кл. перс. -*rā*, совр. перс. -*rā*, тадж. -*ro*, оформляющий в современных языках имя прямого объекта в случае определенности последнего, совмещает также функции постпозитивного определенного артикля. Типологически

постпозиция обеих артиклей в этих языках сходна с постпозицией определенного артикля в языках Балканского союза (см. о них [Schaller 1975, 143–148]).

В какой-то мере общим истоком этой тенденции к постпозиции данных элементов в иранских и балканских языках может быть тяготение к постпозиции индоевропейских дейктических основ в относительной функции. Однако последующее развитие постпозитивного артикля в среднеперсидском и родственных ему языках и комплексность его значений связаны, возможно, с какими-то свойствами уже данных языков, например с развитием компенсаторных формальных средств выражения синтаксических функций имен, сопровождавшим процесс разрушения падежной флексии и упрощения общей морфологической системы языка (типа пиджинизации, см. [Эдельман 1988, 60]).

§ 32. Как известно, общеиранская парадигма имени, местоимения и глагола имела развитые подсистемы форм единственного и множественного числа, но весьма скудную подсистему двойственного числа, с синкретизмом падежей в парадигмах существительных, прилагательных и местоимений. К тому же на основании зафиксированных текстов древних иранских языков реконструируются не все формы дуалиса, которые предположительно могли существовать. В более поздний период эта подсистема — как регулярный участок парадигмы — отмирает, и мы можем лишь на основании некоторых исключений проследить ее рудименты.

Так, в ряде иранских языков разных периодов отмечается особая форма существительных, употребляемая в их сочетании с числительными. Сюда относятся, например, формы на -' в согдийском: ср. согд. 'δw' kr' 'две рыбы', IV δβr' 'четверо ворот', при обычном использовании в таких сочетаниях падежных форм имен в единственном или множественном числе. Сюда же могут относиться формы на -a (в диалектах — также на -e) в пашто, формы на -i, совпавшие с родительным или косвенным падежом ед. числа, в ягнобском (ср. tiray uōwī 'три коровы'), формы на -y / -i в осетинском (dæz bonu / boni 'десять дней') и некоторые другие. Они сопоставимы с формами древнего дуалиса имен (соответственно с номинативом для согдийского и пашто и с генитивом для ягнобского и осетинского), которые, по-видимому, постепенно распространились от сочетаний имени с числительным 'два' на сочетания с числительными 'три' и выше и контаминировались с косвенными падежами единственного числа.

Это типологически сопоставимо с употреблением исторического дуалиса имен при числительных 'три', 'четыре' в русском языке (или в архаизмах типа *сорок два года*) и при различных числительных

в болгарском и др. Такое распространение рефлексов дуалиса в виде особой формы имени при числительном либо формы, контаминированной с косвенным падежом единственного числа (см. подробнее [Sims-Williams 1979, 339–342, 1982, 68; MacKenzie 1987, 557]), явно позднее и носит чисто структурный, аналогический характер, как и распространение форм множественного числа имени на сочетания с числительным 'два'. Ср. аналогичные сочетания с переборами двойственного и множественного числа в славянских языках [Семеренхи 1967, 11–12].

По-видимому, такое аналогическое воздействие форм дуалиса на формы, употребляемые в сочетаниях с числительными, выражающими числа больше «двух», вообще свойственно разным языкам при словесном оформлении счета: очевидно, с этой же тенденцией было связано и распространение основы двойственного числа на другие члены системы числительных, например в образовании русского *тридцать* по типу *двадцать* и праиранского *tθri(n)śat 'тридцать' — с основой двойственного числа *śat- (< и.-е. *kmt-) по аналогии с *ui(n)śati 'двадцать' (< и.-е. *(d)ui-kmti) — вместо ожидаемой здесь основы множественного числа *śam/nt- (< и.-е. *kom/nt-).

Определенные семантические аналоги двойственного числа можно усмотреть в некоторых иранских языках, входящих в разной степени в Центральноазиатский языковой союз, в виде инклюзивных местоимений 1-го лица мн. числа, противопоставленных обычным местоимениям 1-го лица мн. числа по принципу инклюзивности ~ нейтральности: язг. *az-tow* 'мы с тобой' (букв. 'я-ты'), бел. *mašma* 'мы с тобой, мы с вами' (подробнее [Эдельман 1980]) и относящихся лишь к участникам диалога. Однако к сфере дуалиса они имеют только косвенное отношение, в отличие, например, от литовских вторичных местоимений дв. числа типа *juodu*, ж.р. *jiedvi*, в диалектах также *mīdu*, *jūdu*, ж.р. *mūdvi*, *jūdvi* и др. — из сращений местоимений с числительным 'два' [Zinkevičius 1996, 58].

В плане «нестандартного» обозначения множества в виде группы людей некоторые иранские языки перекликаются с германскими. Таковы выражения типа «имярек и относящаяся к нему группа людей», «имярек и его семья» и т.п., которые в данных иранских языках обозначаются именем с постпозитивным употреблением указательного или личного местоимения 3-го лица мн. числа, например: гил. *Məryamə-šān* 'Марьям и ее семья' (с усеченным указательным местоимением), тадж. *Ahmad-ino* 'Ахмад и его группа // семья' (с суф. *-ino* из местоимения *inho* 'они'), сочетания имен с *-šon* из местоимения *ešon* 'они' в говорах таджиков Афганистана и в Файзабаде; употребление полной

формы указательного местоимения в требуемом падеже мн. числа в языках шугнано-рушанской группы (в рушанском — только местоимения III серии, в остальных языках — разных серий), например: шугн. *tu amak-dāb* 'мой дядя и его семья', букв. 'мой дядя-они', руш. *rauis-uf-at na-wunt-o?* 'ты не видел председателя и других [с ним]?'. Ср. аналогичное построение, но с препозицией местоимения в др.-исл. *þeir Attila* 'Аттила со своими людьми' [ОИЯ 1982, 502-503; ОИЯ 1987, 292].

§ 33. Важную роль в выражении синтаксических отношений имен играли на протяжении истории обеих генетических групп предлоги и — в иранских языках — послелогои, отчасти компенсировавшие и в какой-то мере ускорившие затухание флективной падежной парадигмы.

§ 34. В истории иранских языков большую роль сыграл послелог **rādi*, использовавшийся в древних иранских диалектах для обозначения причинно-следственных отношений, предназначенности и, возможно, других. Засвидетельствован в древнеперсидском языке в виде *rādiy*, употреблявшегося с именем в генитиве-дательном как маркер причинно-следственных отношений: *avahya rādiy* 'потому, из-за того; ради того', а его рефлексы в более поздних языках — в качестве послелога-маркера значений предназначенности, направления, адресата речи и передачи, вручения, а позднее также маркера имени прямого объекта в случаях его определенности в контексте, т.е. в комплексной функции одновременно маркера аккузатива и определенного артикля.

Славянское *radi* в качестве послелога известно в южнославянских и восточнославянских (но не в западнославянских) языках, ср. др.-рус. *Бога ради, красоты ради, отца ради* и т.п. Особенно интересно его употребление в сочетаниях типа *того ради, сего ради*, совр. рус. *Бога ради, чего ради?* и т.п., соответствующих древнеперсидским аналогичным сочетаниям.

Благодаря близости звучания и послеложной функции славянское *radi* рассматривается в некоторых трудах как иранизм или как точное соответствие иранскому **rādi*. Однако ни то ни другое объяснение по отдельности не является убедительным: идея прямого заимствования в праславянский древнеиранского **rādi* вызывает вопросы о времени и источнике заимствования, на которые пока нет ответа, а идея точного соответствия этих форм при спонтанном развитии вызывает вопросы историко-фонетического и историко-морфологического характера. Об этимологии иранского **rādi* и старославянского **radi* см. в разделе «Лексика» (§ 4), здесь же для нас существенно отметить сходство семантики и синтаксических функций этого элемента

в иранских и славянских языках, особенно с учетом синтаксических свойств этих языков: для иранских наличие послелогов — норма, к тому же рефлексy данного послелогов широко распространены в разных иранских языках западной и восточной групп; для славянских наличие послелогов — исключение, к тому же не получившее дальнейшего развития.

§ 35. Существенную роль в развитии определенных синтаксических (а впоследствии зачастую и морфологических, и словообразовательных) структур в истории и иранских, и славянских языков сыграл общий порядок главных членов предложения.

Так, в подавляющем большинстве иранских языков после древнего периода (с его богатой морфологией и относительно свободным порядком слов) предложение тяготеет к модели SOV. Этот процесс сопровождается рядом частных морфологических процессов: свертыванием именной парадигмы (см. выше, § 27), развитием систем предлогов и послелогов, определенным порядком второстепенных членов предложения, который играет самостоятельную и значимую роль в их различении. Собственно, данная тенденция намечается уже в древнеперсидском языке, но жанровая специфика текста не дает возможности утверждать это с большой степенью уверенности. Исключения — хорезмийский язык с обычным порядком SVO и осетинский с колебаниями SOV и SVO, хотя косвенные данные свидетельствуют о том, что в более раннем состоянии этих языков преобладающей была модель SOV.

В хорезмийском языке выработалась система постпозитивного присоединения к глаголу так называемых поствербов с пространственным значением и энклитических местоимений, соотносимых с прямым и косвенным объектами, притом что эти понятия часто бывают выражены в том же предложении также следующими за глаголом именами и местоимениями. Ср., например, *p'cnwdyw 'y wš fuknc* '[он] вдел-ее-туда нитку в-иголку'; *h'vrn'hyd y' bŭd'm* '[я] дал-ее-тебе (ту) дочь-мою'; *dhdyn fxr'x* '[он] ударил-их мечом' (подробнее см. [Henning 1955 (I, II); Боголюбов 1962, 1965]).

Сходные антиципации — предваряющие повторы дополнений энклитиками (или неполноударными местоимениями) — отмечаются и в осетинском языке, хотя здесь эти элементы занимают более свободную позицию в предложении по отношению к глаголу (что может быть связано и с более свободным порядком основных членов предложения, SOV // SVO). Ср. *Батрадз æм рагаей мæсты уыд сохъхъыр уейыгмæ* 'Батрадз на него давно был сердит на кривого великана' (подробнее см. [Абаев 1962, 653-654]). Явления того же плана, но

менее ярко выраженные, отмечаются и в других иранских языках в виде как бы повторов энклитиками (реже — именами) определений (реже — дополнений)³.

Все эти «опережающие повторы» дополнений развились в иранских языках относительно поздно и обязаны своим происхождением, как представляется, двум факторам: 1) прежде всего процессу свертывания именной падежной парадигмы, которая уже недостаточно обеспечивала выражение таких смысловых элементов, как направление действия, объект (прямой и косвенный) и т.п.; 2) относительно свободному порядку членов предложения либо его порядку, переходному от более древнего SOV к необычному для иранских языков SVO. В этих условиях роль имени в предложении становится в какой-то период трудноопределимой: надежная система свернута, а место в предложении имени субъекта, прямого объекта и косвенных объектов из-за относительно поздней трансформации SOV → SVO может быть трактовано неоднозначно. Поэтому местоименные повторы имен при глаголе призваны как бы пояснить направление действия, его предназначенность, «высветить» тот или иной объект высказывания, помочь отличить прямой объект от косвенного и т.п.

Интересно, что эти опережающие повторы до некоторой степени сходны типологически с местоименной репризой, свойственной языкам Балканского союза, притом что порядок компонентов предложения здесь может быть и иным [Schaller 1975, 161 и сл.; Цивьян 1979, 171–172 и сл.]. Ср. отмечаемую в литературе по балканским языкам большую регулярность употребления местоименных повторов при косвенном дополнении, чем при прямом; большую — при дополнении, находящемся в препозиции к глаголу, чем при дополнении, находящемся в постпозиции; употребление местоимения при имени объекта, стоящем до имени субъекта, т.е. в тех случаях, когда форма имени и его место в предложении недостаточны для отождествления его как обозначающего объект действия, например, болг. *котката я ухапа кучето* 'кошку укусила собака', букв. 'кошка её укусила собака', где краткое местоимение я 'её' указывает, какое именно слово обозначает прямой объект, в отличие от субъекта [Лопашов 1970, особенно 56, 60–61].

§ 36. К таким же интересным параллелизмам относятся характерные построения модальных оборотов намерения, возможности и т.п., различающиеся подчас даже в близкородственных иранских языках, распространенных в различных ареалах. Ср. обычное построение таких оборотов в современном персидском языке с сослагательным наклонением основного глагола, например: *netevânestam in ketâb-râ*

bexānam 'я не смог прочесть эту книгу', букв. '[я] не мог [, чтобы] эту книгу [я] читал-бы' — с основным глаголом *xāndan* 'читать' в форме 1-го лица ед. числа сослагательного наклонения. При этом в языках ареала Средней Азии, включая близкородственный персидскому таджикский язык, аналогичные по значению обороты строятся с инфинитивом основного глагола, например: тадж. *in kitobro xonda natavonistam* 'я не смог прочесть эту книгу', букв. 'эту книгу читать [я] не смог' — с основным глаголом *xondan* 'читать' в форме усеченного инфинитива.

Поскольку до XV в. эти языки имели практически единую литературную норму, проследить время их размежевания в этом фрагменте синтаксиса довольно трудно. Известно, что к периоду формирования единого для них классического литературного языка (первые письменные памятники относят к IX в., однако литературная норма складывалась раньше) древняя система косвенных наклонений была уже давно утрачена (еще в среднеперсидском языке прослеживаются лишь рудименты древних наклонений), а новое сослагательное наклонение выделилось из форм изъявительного уже значительно позднее этого периода и имеет некоторые различия в деталях между языками — продолжениями классического языка (т.е. между языками персидским, дари и таджикским). Подробнее об этом процессе см. [ОИТИИЯ II, 338–390, 433; Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982, 158, 170–171, 184]. Инфинитив (он же имя действия) обоих языков имеет одинаковое происхождение.

В древнеиранских языках эти типы модальности передавались различными оборотами — и с инфинитивами (именами действия), и с личными формами косвенных наклонений основного глагола, поэтому современные персидский и таджикский языки продолжают — каждый свою — одну из древних моделей такого построения. При этом не вполне ясно, явилось ли закрепление одной и другой модели в каждом данном языке спонтанным или оно было поддержано определенными ареальными тенденциями. Вместе с тем обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, в таджикском языке инфинитив имеет значительно более широкий круг синтаксических функций, чем в персидском (это особенно существенно для северных таджикских говоров, на которых базировался до последнего времени современный литературный язык), и данные модальные обороты здесь естественно «вписываются» в общий фон многих разнородных синтаксических оборотов с инфинитивом. Во-вторых, для языков ареала Средней Азии (не только различных иранских, но и тюркских) характерны модальные

обороты этого же типа именно с инфинитивами (разного происхождения) и с именами действия.

Персидские же построения с личными модальными формами выявляют определенное сходство с аналогичными оборотами в языках Балканского союза с характерной для них исторически ослабленной позицией инфинитива (см., например, [Schaller 1975, 156–158]; об истории возникновения, затем ослабления инфинитива в языках на Балканах и о выработке вторичного албанского инфинитива см. [Габинский 1967 (I), особенно 33–54]). Существенно, что похожая слабая позиция инфинитива и соответственно аналогичные построения модальных оборотов с личными модальными формами присущи не только языкам, традиционно входящим в Балканский языковой союз, но и тем, которые появились на Балканах и в окружающем ареале относительно поздно: тюркским — гагаузскому и диалектам турецкого языка (притом что остальные тюркские языки и частично также гагаузский сохраняют традиционную для них модель таких конструкций с именем действия, см. [Покровская 1977, 1978, 22–23, 91–117, 141–144], ср. [Дмитриев 1940, 189]), а также диалектам сефардского языка, см. [Габинский 1967 (II)]. Характерно, что сходное построение наблюдается и вне Балкан — в ареале Прибалтики (в литовском, латышском и эстонском языках), см. [Серебренников 1974].

Для нас здесь важен тот факт, что персидский язык и в этом плане выявляет структурное сходство с языками Балканского союза (а также с балтийскими).

§ 37. Особое внимание привлекают отдельные «нестандартные» синтаксические обороты явно позднего происхождения, причины появления которых не самоочевидны и которые имеют аналоги в рассматриваемых языках.

К ним относятся, в частности, обороты, построенные по модели «номинатив + инфинитив», называемые в литературе *Nominativus cum infinitivo* (типа рус. *земля пахать*) и наблюдаемые в литовском, латышском и восточнославянских языках (главным образом в русских говорах). Им посвящен ряд публикаций. Обзор наиболее существенных мнений см. в обобщающей работе Ю.С.Степанова [Степанов 1984], ср. также [Кузьмина, Немченко 1964; Журавлев В.К. 1984; Ambrazas 1981, 1985, 1987; Амбразас 1985].

При рассмотрении этих оборотов на широком языковом материале и в широком синтаксическом контексте выяснилось, что «проблему составляет не Им. п. вместо Вин. п.» и даже не «Им. п. вместо Вин. п. при инфинитиве», а то, что весь оборот в целом появляется почти исключительно в предложениях с модальностью, главным

образом с модальностью необходимости, долга; собственно проблему составляет встречающийся в русских говорах оборот «*надо земля пахать*» [Степанов 1984, 129]. Специфика этих оборотов состоит в том, что а) их становление — результат сложения двух конструкций: (1) типа «*мне есть надобъ земля*» и (2) типа «*земля есть надобъ пахати*», б) инфинитив во второй конструкции выступает (во всяком случае первоначально) в пассивном значении [Степанов 1984, 137, 139 и сл.]. Эти положения существенно конкретизировали объект исследования и создали возможность сравнения сходных оборотов в других языках.

Выяснилось, что единичные обороты такого типа прослеживаются спорадически в живых иранских языках и здесь действительно они обнаруживают сходство с русскими и балтийскими. См., например, язг. *dars-ay nar wərjanaŋ yu* 'надо сегодня провести урок', букв. 'урок-есть сегодня [в] провести // проведение нуждающийся', рош. *na uā čaniz biŋt, na uā pumba dēd biŋt* 'его (т.е. камень) нельзя ни обкопать, ни взорвать', букв. 'ни он обкопать можно, ни он взорвать можно', при нормативном употреблении в таких оборотах косвенного падежа имени, в определенных случаях также с предлогом *a-*, ср. *waz a-wi... divisiz uōsum* 'я его... показать отнесу', *wi talēptōw sāwan* 'идут его искать'.

Таких примеров немного, и для каждого из этих языков они представляют аномалии. Однако повторяемость такого типа исключений по языкам уже сама по себе значима. Их появление связано с определенными синтаксическими чертами данных иранских языков: 1) оформление модальных оборотов как инфинитивных (см. выше, § 36); 2) выражение состояния и посессивности связочными конструкциями — ввиду отсутствия глагола 'иметь' (см. выше, § 15). В результате целый ряд значений, в той или иной мере связанных с состоянием, модальностью, посессивностью и др., выражается здесь связочными конструкциями (или конструкциями с глаголом 'быть', лишенным собственной семантики, в разных временных и модальных формах) с косвенными падежами имени логического субъекта; при этом, как и в древних эргативообразных конструкциях, связка факультативна, а в ряде языков практически неупотребительна (как и в русских говорах) или — для 3-го лица — нулевая.

В результате для разнообразных конструкций, при всех их семантических различиях, характерны грамматически однотипные предикаты, т.е. именные предикаты с факультативной связкой. В этих условиях вполне естественна контаминация различных конструкций или — как в данном случае — соединение двух конструкций в одну,

как бы «нанизывание» двух именных предикатов на одну связку. Это обстоятельство стимулировало и в данных иранских языках сложение двух конструкций и построение оборотов типа *надо земля пахать* (подробнее см. [Эдельман 1987]).

§ 38. Таким образом, становление праиранской и праславянской морфолого-синтаксических систем было результатом самостоятельного и независимого развития из позднеиндоевропейского состояния (для праиранской — с явными признаками прохождения через промежуточные этапы индоиранского и общеарийского). Более поздние процессы, последовавшие за праязыковыми, выявляют много сходств, но все они носят типологический характер. Большой интерес представляют типологические черты, общие для части иранских языков и для языков, входящих в Балканский союз, причем наибольшее количество «балканизмов» выявляет персидский язык (предположения о причинах этого явления см. в разделе «Заключение»).

Как показывает материал, и в иранских, и в славянских языках вторичные трансформации морфологической системы тесно связаны с изменениями в синтаксисе. Особенно характерны здесь некоторые микросинтаксические структуры, повлиявшие на морфологию иранских и славянских языков (вторичный — перифрастический — перфект; инновационные формы футурума из сочетаний с глаголом или основой 'хотеть'; становление превербов как видовых признаков глагола; сочетания имен с местоимениями от корня **ǵ*). Интересные параллелизмы между иранскими языками и некоторыми языками Европы, включая славянские, отмечаются и в определенных синтаксических структурах.

При этом некоторые инновации, общность которых между славянскими и иранскими языками — чисто типологическая, представляют тем не менее немалый интерес с точки зрения не только сходства поверхностных структур, но и определенных общих глубинных, или понятийных, категорий.

ЛЕКСИКА

§ 1. Изучение лексических общностей иранских и славянских языков имеет давнюю историю. При этом оно наталкивается на большие трудности, чем изучение их сходств на других языковых уровнях, поскольку общие или просто похожие слова легко привлекают к себе внимание (не только специалистов), однако интерпретация их истории допускает большой диапазон возможностей и зачастую вызывает споры (в том числе и специалистов). Такие слова могут быть действительно генетически общими (т.е. общими архаизмами или общими инновациями), но могут быть и заимствованными — непосредственно или через язык-посредник, — могут создаваться параллельно по сходным моделям из единого индоевропейского корня и единых словообразующих элементов, могут иметь сходные семантические сдвиги и т.д., но могут, наконец, быть и результатом простого совпадения (типа перс. *bad* 'плохой' и англ. *bad*; сар. *ben* 'другая жена многоженца' из праиран. **ha-patī-*, букв. 'со-госпожа' и др.-ирл. *ben* 'жена' < и.-е. **ǵʰēnā-* 'жена' [Рок. IEW, 437]). При контактах родственных языков в древности возможны не только лексические заимствования как таковые, но и видоизменение исконных слов в фонетическом или семантическом аспекте под воздействием другого языка и т.п. В результате некоторые общие слова трактуются различными исследователями по-разному: как исконные родственные или как заимствованные, причем с указаниями на различные источники (или посредников) заимствования.

В обзоре Х.Бирнбаума, при рассмотрении литературы о ранних славяно-иранских отношениях в области словаря, подчеркивается, что «более или менее четких иранских компонентов в древнейших славянских лексических пластах на удивление мало, несмотря на надежно установленный факт векового симбиоза славян и иранцев (скифов, сарматов и др.) в "понтийском" ареале к северу от Черного моря» ([Бирнбаум 1987, 160] со ссылкой на работы М.Фасмера [Vasmer 1923, 1924]). Далее он отмечает скепсис А.Мейе по отношению к славянским заимствованиям из иранского (со ссылкой на его специальную статью [Meillet 1926]): единственное признанное

А.Мейе надежное славянское заимствование из иранского — *toporъ*. Из ранних работ упомянута также работа Х.Артца о языковых связях между арийским и балто-славянским [Arntz 1933, 35–63]. Результаты всех предшествующих исследований были учтены в работе А.А.Зализняка [Зализняк 1962, особенно 30–41], где, как пишет Х.Бирнбаум, «используется современный, прогрессивный метод исследования» [Бирнбаум 1987, 160]; из более новых работ им отмечены статьи [Benveniste 1967; Трубачев 1967; Топоров 1971].

Естественно, анализ этимологий каждой пары сходных слов нуждается в рассмотрении всех аргументов «за» и «против» заимствования одного из них (или обоих), в определении направления заимствования, времени, места и реального исторического и этнокультурного фона. Это задача многих исследований, успешное и глубокое проведение которых возможно после издания сколько-нибудь объемных этимологических словарей иранских и славянских языков. Здесь же возможно представить лишь обзор некоторых проблем, стоящих перед таким исследованием.

Подвижность собственно лексики как языкового уровня создает немало трудностей в выяснении направления многих заимствований или формирования определенных лексических пластов, общих для двух и более языков (или языковых групп, как в данном случае), и лингвисты всегда учитывают справедливое положение об обусловленности этих процессов этнокультурными и социальными факторами, т.е. в конечном счете факторами внешней истории языков.

Увязывание наличия — отсутствия лексических общностей с этнокультурой и историей носителей иранских и славянских языков подчеркивается в литературе неоднократно. См., например, высказывание О.Н.Трубачева о влиянии кельтов на славян в плане материальной культуры, почти не затронувшее идеологии, в отличие от славяно-иранских контактов, которые повлияли на идеологию, религиозную и социальную сферу жизни праславян, но, как он считает, не на их материальную культуру [Трубачев 1983, 256]. В лексике это реализовалось, начиная с середины I тысячелетия до н.э., т.е. еще в праславянский период, в заимствовании связанной с этими сферами терминологии, а также в усвоении или активизации двучленных антропонимических моделей и т.п. (подробнее см. там же, 256–257).

Ср. также положение о разнообразных путях культурного воздействия на лексику — через «верхнюю», официальную культуру и через народные каналы, — которые способствуют распространению различных пластов лексики (см. анализ таких путей взаимодействия восточнославянского и балканского мира [Десницкая 1978, 161 и сл.,

1983, 78 и сл.]), притом что заимствования, проникавшие не через письменность, а через живое общение, охватывают терминологию народных верований и обрядов (см. анализ таких восточнославянских обрядовых слов-балканизмов, как *коляда*, *кутья*, *коливо*, *кулич*, *ватра*, *корочун*, *русалия*, *кум* в [Десницкая 1983, 76–93]). Иранизмы могли проникать в славянский мир скорее всего именно через живое общение.

При исследовании общих лексических элементов приходится постоянно учитывать факторы места и времени возможных контактов. Так, не очень отличаясь по времени от кельто-славянских контактов (особенно если признать возможность непосредственных контактов кельтов с индоиранцами, и в частности со скифами, через славянское пространство, см. [Pstrusińska 1996]), славяно-иранские контакты происходили не только на восточной периферии славянства (где дошло до симбиоза — в черняховской культуре в первые века н.э.), но и в виде глубоких проникновений иранских племен в славянский ареал. Часть древних иранизмов не вышла за пределы некоторых западнославянских диалектов. В этом смысл феномена «*polono-iranica*» (см. [Трубачев 1967, 78 и сл.]), в частности появления социального термина **(gъ)panь* 'господин' только в части западнославянских (без серболужицких) диалектов, хотя иранских влияний ученые ожидали на востоке, а археологам известны набеги скифов на область лужицкой культуры, связанные с походом Дария на скифов в 512 г. до н.э. [Трубачев 1983, 256].

Вместе с тем приходится считаться и с некоторыми чисто лингвистическими свидетельствами, предоставляемыми особенностями самой лексики как языкового уровня. Таким свидетельством, в частности, можно считать степень развитости этимологического гнезда, к которому относится то или иное слово. Как правило, в языке, заимствовавшем слово, оно либо является единичным представителем этимологического корня, либо имеет относительно мало родственных слов, мало производных (и они носят поздний характер), подчас ушербную (или нестандартную) парадигму. В то же время в языке-источнике это слово может быть производным от более древнего корня и обладать богатым комплексом этимологических связей. В случаях, когда налицо факт распространения слова в разные языки, а экстралингвистические данные могут быть трактованы неоднозначно, эта — чисто лингвистическая — характеристика указывает на направление заимствования. При этом, естественно, в заимствующем языке данные слова могут представать уже трансформированными в фонетическом плане (применительно к системе заимствующего языка)

и с семантическими сдвигами (применительно к ассоциациям заимствующего этноса и к лексической системе заимствующего языка).

Все это касается и иранско-славянских отношений на лексическом уровне. Однако даже с учетом всех этих факторов — как внешней истории языков, так и собственно лингвистических — остаются спорные моменты в этимологии целого ряда иранских и славянских слов.

§ 2. В качестве примера различия мнений о происхождении в праславянском слова с прозрачной индоевропейской этимологией можно привести по крайней мере четыре разные оценки источника праслав. **atra* или **vatra* 'огонь' (от которого происходит рус. *ватрушка*). Оно рассматривается в разных трудах либо как исконное праслав. **atra*, продолжающее индоевропейское **āter-*, с последующим наращением протезы **и* [ЭССЯ-1, 91–93], либо как заимствование, в качестве источника которого называются разные языки.

А.В.Десницкая приводит аргументы в пользу балканского происхождения слова, которое — уже в форме *vatra* — распространилось на восток с распространением культа огня [Десницкая 1983, 86–88]. Сравниваются лат. *ātrium* 'центральное помещение римского дома, снабженное дымовым отверстием в кровле', прилагательное *āter*, *ātra*, *ātrum* 'темный, черный' (первоначально 'задымленный'); ирл. *áith* (ген. *átho* 'печь') и др.; алб. тоск. *vatër*, *vatra* (ж.р.) 'огонь'; рум. *vatră* 'очаг, печь', перен. 'жилище, род, дом'; аром. *vatră* 'очаг, дом'; схрв. *vātra* 'огонь' (и производные *vātriште* 'очаг', *vātrāl* 'кочерга', *vātren* 'огненный'); болг. *ватрāl* 'кочерга', ср. молд. диалектное *vātră* 1) 'место, где горел костер', 2) 'домашний очаг', 3) 'огонь', 4) 'пламя', 5) 'большая свеча' и др. Наиболее архаична из балканских языков форма алб. гег. (*v)otër* (с регулярным отражением и.-е. **ā* > алб. *o*) при алб. тоск. *vatër* (с переходом в древнетоскском начальном **vo-* > *va-*).

По мнению А.В.Десницкой, восточнороманское *vatră* заимствовано из албанского или из родственного ему исчезнувшего древнебалканского языка, а в южнославянские языки слово попало из балкано-романской языковой среды. В восточнославянских языках это слово со значением 'огонь' зафиксировано только в карпатско-украинских говорах — *ватра* 1) 'очаг, огонь', *жива ватра* 'огонь, добытый трением' (используется в ритуалах разведения огня в жилище пастухов для обрядов над скотом, для его охрания), 2) 'под печи, на котором печется хлеб'. Возможно и позднее занесение этого термина в данные говоры. Подчеркивается его ритуальное скотоводческое значение. В русских говорах имеется и земледельческий культ *ватра*, *ватря*, ср. осуждавшийся церковью обряд возжигания огня

над овином и моления огню-Сварожичу. Ср. также связанные с культом жертвы огню слова *вотра*, *вотря* и др., обозначающие солому с колосом, оставшуюся после молотбы, и т.п. [Десницкая 1983, 86–88].

По мнению В.В.Мартынова, праслав. *(v)atra* — результат воздействия иранского суперстрата [Мартынов 1981 (I), 24–25], однако в таком случае наращение протезы **v* должно было состояться уже на славянской почве, поскольку такая протеза перед **ā*- для иранских языков нехарактерна. В.И.Георгиев считает, что и область распространения, и фонетический облик слова в славянских языках указывают на его дакийское происхождение [Георгиев 1963, 12–13]. См. также обзор мнений более ранних исследователей в списке А.А.Зализняка [Зализняк 1962, 40–41]. Ср. праиран. **ātr-*, **ātar-* и рефлексy его многочисленных производных в разных иранских языках [ЭСИЯ-1, 318–324].

При менее прозрачной индоевропейской этимологии разброс мнений о происхождении слова может быть еще большим. Таковы, например, различные трактовки происхождения рус. *стакан*, которое продолжает др.-рус. *достокань* (ср. производное *достоканец*), родственное, по М.Фасмеру, **дъска* 'доска', поскольку первоначально обозначало деревянный сосуд. Трактовка древнерусского слова как тюркского заимствования (ср. чагат. *tostakan* 'деревянная плошка') крайне сомнительна, поскольку в тюркских языках в анлауте этого слова глухой согласный. Вместе с тем имеются аргументы и в пользу заимствования этого слова в древнерусский из иранских языков. В качестве прототипа указывается кл. перс. *dūstkānī* // *dūstgānī* в значении 'кубок', встречающееся у Рудаки (IX–X вв.), и родственное *dūst* 'друг, подруга', см. [Гиунашвили 1976] (следует отметить при этом, что в раннем классическом персидском это слово должно было звучать как *dōst*) или производное от др.-перс. *dasta-* 'рука' [Клоблoч 1986]. Обзор этимологий см. [Фасмер-3, 743; Гиунашвили 1976, 186 и сл.; Клоблoч 1986, 124].

Все это подтверждает тот факт, что даже при сходстве иранских и славянских рефлексов индоевропейского слова иногда бывает трудно установить их исконный или заимствованный характер и — в последнем случае — выявить источник(и) заимствования.

§ 3. Привлекает внимание история некоторых унаследованных общих иранских и славянских слов, образующих определенные семантические группы. В качестве примера можно привести судьбу в этих языках триады индоевропейских указательных местоимений.

Как известно, общей типологической чертой иранских, славянских, балтийских и многих других индоевропейских языков является

перестройка индоевропейской трюичной системы указательных местоимений в двоичные. Процесс происходил параллельно и независимо в разных индоевропейских языках (даже в различных языках иранской семьи), но дал сходные системные результаты при различных этимологических.

Поздняя индоевропейская дейктическая система различала, как минимум, три серии указательных местоимений, связанные семантически (и в некоторых случаях этимологически) с личными местоимениями. Их отражение наблюдается в латинской триаде *hic — iste — ille*. Функциональная характеристика этих серий исследована еще К.Бругманом [Brugmann 1904, 9–12]. Местоимения I серии с корневым согласным **k* указывали на объект в пространственной сфере говорящего («этот, который возле меня»), в терминологии К.Бругмана — Ich-Deixis. Местоимения II серии с корневым согласным **t* указывали на объект в сфере собеседника («этот // тот, который возле тебя») — Du-Deixis; они же могли выполнять функции эмфатического указания («именно тот») и анафорического («тот, который...») — Der-Deixis (независимо от того, обозначали ли они первоначально в раннем индоевропейском только Der-Deixis, как полагал К.Бругман [Brugmann 1904, 73–74], либо только Du-Deixis, либо совмещали эти функции). Местоимения III серии с корневым сонантом **l*, **ɥ* или **n* указывали на объект, удаленный от обоих или находящийся в сфере 3-го лица («тот, который возле него», «тот, далекий»), — Jener-Deixis. То же относилось к указанию на сферы пространства: «здесь (возле меня)» ~ «здесь // там (возле тебя)» ~ «там (возле него, далеко)» и т.д.

Впоследствии, как мы знаем, в подавляющем большинстве индоевропейских языков, включая большинство иранских и славянских, эта система была трансформирована в двоичную, типа «этот ~ тот», «здесь ~ там» и т.д. Исключение составляют кроме латинского единичные индоевропейские языки. Наиболее известны испанский, португальский, каталанский, армянский, а также праславянский и отдельные славянские языки и диалекты.

Трюичная система сохраняется также в праиранском и в дальнейшем — в виде трюичных систем или этимологических рудиментов ее компонентов — в отдельных иранских языках. Следует отметить попутно, что в праиранском дейктических основ было существенно больше: только в языке Авесты их сохраняется шестнадцать. Наиболее употребительные праиранские представлены несколькими первичными основами: **a-* (< и.-е. **o-*); **ai-* : *i-*, *ī-* (< и.-е. **ei-* : **oi-* : *i-*); *ha-* (< и.-е. **so-* : **se-*); **ta-* (< и.-е. **to-*, связанная в единой парадигме

с **ha-*); **аа-* (< и.-е. **о/ао-* и связанная с ней форма **hau*); **ана-* (< и.-е. **оно-*, **ено-*); **һаа-* (< и.-е. **һо-*), а также соответствующими им формами женского рода на *-*ā*. Имелось и большое количество вторичных указательных местоимений, образовавшихся «склеиванием» первичных уже в арийском и праиранском: **aita-*, **aiša-* и др. Предполагается также выявляемая этимологически непродуктивная основа **ś(i)ia-* (< и.-е. **k(i)io-* 'этот', производная от **kē-*, **kō-* [Рок. IEW, 609]).

Продолжившееся в праиранском противопоставление трех серий указательных местоимений, возможно, изначально допускало разные основы для реализации I серии (притом что основа с рефлексом и.-е. **k̄* в этой функции не сохранилась). В дальнейшем в тех иранских языках, где эта триада сохранилась, в серии I выступают: **a-* (< и.-е. **o-*), **ai-* : *i-* (< и.-е. **ei-* : *oi-* : *i-*) либо — чаще — рефлексы арийской инновационной основы **ima-*, в серии II — **aita-* (< и.-е. **ei-* : *oi-* + **to-*), в серии III — **аа-* (< и.-е. **о/ао-*).

Этимология компонентов новых двоичных систем в разных языках неодинакова, как и этимология компонентов других систем в разных под-семьях индоевропейской семьи. Ср., например, реконструируемую общепалтийскую систему, состоящую из первичных основ и форм: **śis*, **šī*, **śi* — **anas*, **anā*, **ana* — **tas*, **tā*, **ta* — **is*₂, **ī*₂, **i*₂, **ja*₂, при наличии также большого количества усложненных («склеенных») основ, но с утратой индоевропейской основы **so-* и с последующим сокращением количества серий различным по языкам и даже по диалектам (подробнее см. [Rosinas 1988, 181–189, особенно 188 и 249]).

Сходная система (также с утратой и.-е. **so-*) отмечается в праславянском языке, который сохранял три серии. Они продолжились в старославянском в виде *зь*, *ть*, *оль* (см., например, [Мейе 1951, 347 и сл.]), при продолжении здесь и других основ, в частности *оль*, которая отмечается в иранских и славянских языках, но нехарактерна для индоарийских. В дальнейшем в подавляющем большинстве славянских языков происходит перестройка трехсерийной системы в двухсерийную, хотя в единичных языках еще сохраняется триада: в сербскохорватском и в диалектах болгарского языка, особенно в родопских говорах, отмечены три серии с древними основами *s*, *t*, *n*: ср. болг. *soja*, *toja*, *noja* — анафорические; болг. *sakôf*, *takôf*, *nakôf* 'такой', болг. *sôj*, *tôj*, *nôj* 'так', ср. укр. *os*, *ot*, *on* [Мейе 1951, 353].

При этом происходят и семантические «передвижения»: в сербскохорватском языке и в соседних говорах древнее местоимение дальней серии *оль* перешло в ближнюю серию, вытеснив *зь*, в то время

как в старославянском оно использовалось при подчеркнутом противопоставлении: *овъ...*, *овъ...* 'этот..., тот', 'один..., другой', т.е. сохраняло оттенки удаленности, отстраненности; то же в польском: *ci...*, *owi* 'одни..., другие' [Мейе 1951, 353]. Ориентиром принадлежности к серии здесь служат коррелирующие с ними личные местоимения, см. серб. *evo мени, ето теби, ено њему* 'это мне, то тебе, то ему' (там же).

Следует подчеркнуть еще раз этимологическую особенность систем славянских и балтийских указательных местоимений, в отличие от иранской: утрату и.-е. **so-* из парадигмы II серии **so- / *to-*, т.е. основу древнего ном. ед.ч. м. и ж.р. (ср. славянский ном. м.р. *тъ*, ж.р. *та* — по типу других падежей, как и соответствующие литовские *tas*, *tà* [Мейе 1951, 347]). В иранских языках рефлексy и.-е. **so-* сохраняются в виде праиран. **ha-* и в составе **aiša-* (**ei-* + **so-*), а также в их продолжениях в вымерших и живых языках. Важно и сохранение этимологически общего праслав. *ovъ* и праиран. **aça-* — рефлексов сложения двух дейктических элементов: и.-е. **o-* + основа местоимения дальней серии **u-* в виде **au-* : **u-* (: **uě-*, **uo-*) 'тот', — сложения, прослеживаемого только в славянских и арийских языках [Рок. IEW, 73] (практически — только в иранских, поскольку в индоарийских оно неупотребительно). Однако мы не имеем свидетельства того, что это сложение было общей материальной инновацией, свойственной только иранским и славянским языкам. Не исключено, что это был общий архаизм, не функционировавший в древнеиндийском, или позднее сложение, возникшее в праславянском и в древних арийских диалектах параллельно.

В этимологии местоимений I и III серий к славянским языкам ближе армянский, сохранивший триады, — ср. др.-арм.: собственно указательные *aus*, *aud*, *aun* 'этот, тот'; анафорические *sa*, *da*, *na* 'тот, он'; идентификационные *soyn* 'этот же самый', *doyn*, *noyn* 'тот же самый'; местоименные члены (частицы) *-s*, *-d*, *-n* (в современном языке чаще выступающие в possessивной функции) и наречные местоимения с теми же элементами (подробнее см. [Туманян 1971, 272–278]). Ср. аналогичные местоимения иберо-романских языков, соотносимые с лицами: с 1-м л. — исп., порт. *este*, кат. *aquest*; со 2-м л. — исп. *ese*, порт. *esse* (кат. *aqueix*); с 3-м л. (условно) — исп. *aquel*, порт. *aquete*, кат. *aquell* [Вольф 1974, 129–136].

В иранской семье несколько языков Памиро-Гиндукушского ареала хранят трехчленную систему: языки и диалекты шугнано-рушанской группы, ишкашимский (и менее отчетливо сангличский), ваханский, мунджанский и йидга. Этимологические следы системы сохраняются

в языке пашто (в виде направительных превербов) и в согдийском. Этимологические рудименты ее относительно недавнего бытования имеются в язгулямском языке, генетически близком к шугнано-рушанской группе.

Синхронное исследование указательных местоимений в языках шугнано-рушанской группы, сопровождаемое рядом экспериментов с шугнанским языком (подробнее [Беликов 1972]), с его этимологической и историко-типологической интерпретацией [Эдельман 1976; ОИЯ 1987 (I), 305–311; СГВЯ-М, 223–225; Юсуфбеков 1998], дало возможность описать принцип функционирования трехсерийной системы в языке и обнаружить те «слабые звенья» в системе, которые создают тенденцию к трансформации трехчленной системы в двухчленную. Тем самым стало возможно выявить вероятные предпосылки аналогичных трансформаций, которые происходили в других индоевропейских языках, включая славянские.

Тричленная система, построенная не на моноцентрическом, а на бицентрическом принципе, т.е. с ориентацией не только на говорящего, но и на собеседника, в полном объеме функционирует в диалогах, где в акте коммуникации участвуют говорящий и собеседник(и). Местоимение I серии (шугн. *yam*, барт. *yim* < **ima-*) указывает на объект в пространстве говорящего, обычно — видимый для него; II серии (шугн., барт. *yid* < **aita-*) — на объект, близкий к собеседнику, видимый для него; III серии (шугн. м.р. *yi* < **aiqa-*, ж.р. *yā*, барт. м. и ж.р. *yā* < **aiqā-*) — на объект, удаленный от обоих собеседников, невидимый для них, а также на объект в сфере 3-го лица, иногда подразумеваемого. Ср. барт. *yēd ik-das kīnam: yim sawd min-ā, yid yiw — tā-yā at yā yiw — wī-yā* 'давай так сделаем: этот (I серия) станет моим, этот (II серия) (один) — твоим, а тот (III серия) — его'.

При противопоставлении двух предметов, находящихся на одинаковом расстоянии от говорящего, второй предмет может быть обозначен II серией, как противоположный первому (ср. шугн. бдж. *widē tar māš ēd na, tar dī ēd sat* 'птичка не к нашему, а к тому дому полетела'). То же наблюдается при общем противопоставлении, эмфазе, анафоре. Местоимение III серии используется также в качестве личного 3-го лица в нейтральном контексте.

В настоящее время в различных языках с трехсерийной дейктической системой наблюдается тенденция к ее перестройке в двоичную. Использование местоимений II серии при эмфазе, противопоставлении, анафоре способствует их частому употреблению вне соотнесения со сферой собеседника. Тем самым нарушается соотнесенность серий с лицами. Это усугубляется еще и использованием местоимений всех

трех серий в функции определенных артиклей, т.е. Der-Deixis, хотя они при этом в основном и не утрачивают своей пространственной приуроченности. Использование местоимений III серии в функции личных 3-го лица также выводит их за рамки относительно симметричной пространственной модели. В результате появляется возможность различных путей перестройки троичной системы в двоичную.

Реализацию одного из этих путей можно наблюдать в язгулямском языке, наиболее близком генетически к языкам шугнано-рушанской группы. Раннеязгулямская система была сходна с шугнанской, хотя основа I серии восходила не к **ima-*, а к **a-* или **ai-* : *i-*. Позднее из нее выделились новые указательные местоимения двух серий: *yu* 'этот' (< **aijám*) ~ *du* 'тот' (< **aitám*), ставшие неизменяемыми благодаря своей постоянной, преимущественно предименной, адъективной позиции. Оставшиеся формы сохранили словоизменение, но переосмыслились как личные 3-го лица. При этом они сохранили двучленную оппозицию по степени удаленности и по наличию ~ отсутствию эмфазы или анафоры: язг. *dif* 'они' (с оттенком эмфазы или при анафоре) < раннеязг. **idev* II серии (< **aitábyah*, *-biš*), язг. *if* 'они' (неэмфатическое) — результат совпадения раннеязг. **əyév* I серии (< **aijábīyah*, *-biš*) и раннеязг. **əwév* III серии (< **auábīyah*, *-biš*). Подробнее см. [Эдельман 1966, 40–42; ОИЯ 1987 (II), 388–391; СГВЯ-М, 225–227].

Реализация другого пути представлена в пашто: в системе указательных местоимений серия I *dā*, *daya* восходит к **aita-* (т.е. ко II серии), серия II *haya* < **ha-* (< **so-* + частица **-ga* — тоже ко II серии), серия III *hiya*, *hoya* < **hau-*, **aua-* (к III серии). Иными словами, здесь изменилось значение разных основ, относившихся к единой II серии. Вместе с тем в провербах сохраняется этимологическая древняя соотнесенность основ: *rā-* 'сюда (к говорящему)' < **a-ra*; *dar-*, *dər-* 'туда, сюда (к собеседнику)' < **aitá-ra*; *war-*, *wər-*, *wur-* 'туда (к 3-му лицу)' < **aua-ra*. Видимо, раннее закрепление данных основ в производных адвербах и превращение последних в служебные элементы оторвали эти основы от указательных, и дальнейшая перестройка системы последних их не затронула [Morgenstierne 1942 (I), 103–104; Лившиц 1951, 1956; ОИЯ 1987 (III), 78–81; СГВЯ-М, 220–222].

Таким образом, в результате утраты местоимениями II серии в данных языках соотнесения со сферой собеседника их рефлекссы, используясь в качестве указательных местоимений, могут переходить в другие серии: в язгулямском — в дальнюю («тот»), в пашто — частично в ближнюю («этот»). При этом в других местоименных разрядах

(при утрате восприятия носителями языка этимологической связи с указательными местоимениями) рефлексы II серии могут сохранять свои архаичные значения: в язгулямском языке — эмфазу, в пашто — соотношенность со сферой собеседника.

На этом основании можно сделать вывод, что при единстве исходной индоевропейской трюичной системы и при сходстве в целом трюичных систем в прототипах для разных индоевропейских семей, включая иранские и славянские, перестройка их в двоичные системы была общей лишь в историко-типологическом плане, поскольку она проходила неодинаково в разных языках, даже близкородственных. И тем не менее она имела некую генетическую предопределенность, поскольку была обусловлена некоторыми слабыми точками еще в недрах общей индоевропейской трюичной системы. Наблюдения над функционированием наследующих ей систем показывают, что такой слабой точкой может служить сочетание в местоимении II серии двух групп значений: *Du-Deixis* и *Der-Deixis*. Второе значение «выдавливало» местоимения II серии из пространственной соотношенности со сферой собеседника и тем самым расшатывало ориентацию местоимений трех серий на три определенные пространственные сферы, связанные в конечном счете со сферами участников дискурса.

Отсутствие такого сочетания или слабая связанность значений круга *Der-Deixis* с серией *Du-Deixis* (или с какой-либо иной) могла способствовать более длительному сохранению трехсерийной системы. В частности, в армянском языке семантическое наполнение каждой из серий отлично от такового в рассмотренных иранских языках, поскольку в нем выражение анафоры и эмфазы не привязано к какой-либо одной серии, а реализуется особыми анафорическим и идентификационным рядами, включающими маркеры каждой из трех серий. Тем самым система *Der-Deixis* здесь сама трехсерийна и поставлена на особую — словообразовательную — базу.

Возможно, в шутнанском и других языках Памиро-Гиндукушского региона какую-то роль в сохранении трехсерийной системы сыграли наличие особых идентификационных частиц (типа шутн. *ik-*, *k-*), а также детальная разработанность тех участков дейктической системы, которые ориентированы на передачу пространственной ориентации.

Если это так, то изменение праславянской основы *ovъ* принадлежности к удаленному ряду (если она была таковой) и переход ее в ближний ряд имеют аналогию в языке пашто: значение подчеркнутого противопоставления в старославянском (*овъ...*, *овъ* 'этот...', 'тот', 'один...', 'другой') также могло затемнить пространственную привязку местоимения и перевести его из одной пространственной

сферы в другую. Несомненно, такое изменение семантики *ovъ* было собственно славянским: в случае иранского воздействия оно развивалось бы в семантической сфере III — удаленной — серии.

Выделение из местоимений III серии особого разряда личных местоимений не могло иметь такой разрушительной силы для дейктических триад, тем более что оно не разрушало в целом пространственной соотнесенности местоимений. Кроме того, этот процесс происходил намного позднее, параллельно по разным языкам, а главное — не во всех индоевропейских языках он дошел до конца.

Следует отметить также существенное следствие такой перестройки: когда в большинстве иранских языков, как и в большинстве славянских и других индоевропейских языков, вместо дейктической системы, соотнесенной с личными местоимениями и тем самым с личностями участников дискурса, т.е. системы как минимум бидентрической, появилась моноцентрическая система, ориентированная только на говорящего, она стимулировала моноцентризм также наречной системы (типа «здесь» ~ «там», «сейчас ~ тогда» и т.п.).

§ 4. В качестве одного из общих этимологических элементов славянских и иранских языков в ряде работ рассматривается послелог праиран. **rādi* и ст.-слав. *radi*. Благодаря близости звучания и сходной — послеложной — функции славянское *radi* квалифицировалось как иранизм или как идентичное соответствие иранскому **rādi*. Однако и то и другое решение вызывает вопросы. При сравнении этих элементов уместно обратить внимание не только на сходство их форм и семантики, но и на географию и время их распространения в иранском и славянском мире, а также на их место в системе языка и этимологические связи.

Для иранских языков употребление послелогов как разряда слов — норма (см. также раздел «Морфология и синтаксис», § 34; о древнеперсидском постпозитивном употреблении «наречий» см., например, [Kent 1950, 46]), в то время как для славянских языков они нехарактерны.

Иранский послелог **rādi* в древних диалектах употреблялся после имени в форме генитива, в древнеперсидском зафиксирован при имени в генитиве-дative (о поглощении генитивом датива в древнеперсидском см. в разделе «Морфология и синтаксис», § 27). Сочетание в целом обозначало причинно-следственные отношения, предназначенность и, предположительно, некоторые другие (в частности, дативность), см. др.-перс. *avahya rādiy* 'потому, из-за того', букв. 'того ради'.

Рефлексы **rādi* широко распространены в более поздних иранских языках и западной (см. ср.-перс. *rāb*, кл. перс. *rāy*, *rā*, совр. перс. *rā*,

тадж. *ro* и т.п.), и восточной группы (например, язг. *-ra*, шути. *-ard*, руш. *-ri* и т.п. при контаминации с рефлексом **arda-*) в функциях послеложных показателей предназначенности, направления, адресата речи и передачи, вручения; в части языков — также как маркера имени прямого объекта в случаях его определенности в контексте (особенно в персидском, дари, таджикском), т.е. в комплексной функции одновременно маркера аккузатива и определенного артикля. В ряде языков он становится инновационным агглютинативным падежным показателем с этими же значениями и/или показателем общекосвенного падежа.

Старославянское *radi* в качестве послелого также употребляется в основном после имени в форме генитива. Оно известно в этом качестве только в южнославянских и восточнославянских языках (болг. *ради*, др.-рус. *ради*), но неизвестно в западнославянских, как и в балтийских. Зафиксировано прежде всего в старославянском и древнерусском, см. *sobota чѣка ради быстѣ, а не чѣкъ soboty ради; Бога ради; красоты ради лица ея* 'за красоту ее лица'; *отца ради* и т.п. (но и *что ради* 'ради чего' — с номинативом, см. [Кузнецов 1958, 36]). Особенно интересно его употребление в сочетаниях типа *того ради, сего ради*, соответствующих древнеперсидским. Ср. также совр. рус. *ради* в устойчивых сочетаниях типа рус. *Бога ради, чего ради?* и т.п. Широкого распространения и семантических модификаций в славянском мире этот послелог не получил.

Древнеперсидское слово *rādiy* рассматривается как локатив ед. числа от корневого имени **rād-* (ж.р.) с предположительными значениями 'ratio, causa', не засвидетельствованного в текстах и связанного с праиранским глаголом **rād-* 'готовить(-ся), приготавливать(-ся), выполнять, совершать' (ср. др.-инд. *rādḥ-* с тем же кругом значений), а также 'устанавливать порядок; поддерживать порядок' и др. [Barth. AiW, 1521; Kent 1950, 46, 65, 205–206]. Глагол засвидетельствован в древнеперсидском и в авестийском, как и именные производные от него: ав. г. *¹rādah-* (ср. п.) 'готовность' и *²rādah-* (прил.) '(etwas) bereit machend; der (etwas) bereit gemacht hat und bereit hält, der die Verfügung (darüber) hat' [Barth. AiW, 1520–1521]. В более поздних иранских языках имеются рефлексy и глагола, и именных производных: кл. перс. *ārāy-* : *ārāst-* 'налаживать, готовить, приводить в порядок, устанавливать; возводить, создавать, украшать', перен. 'создавать литературное сочинение'; парф. *pdr'y-* 'готовить', *wur'y-* 'устанавливать порядок, to arrange'; язг. *biray-* 1) 'строить'; 2) 'рождать'; хс. *rāstai* 'подготовленный, готовый' и т.п.; см. также заимствованное из иранского источника арм. *patrast* 'готовый' и др. Примеры см. также [Bailey DKS, 143, 362, 381].

Славянское слово *radi* этимологизируется на южнославянской почве как адвербиализованный косвенный падеж — ген.-дат.-лок. ед. числа **radi* от *i*-основы **radь* 'дело, работа', ср. схрв. *rad* 'труд', *raditi* 'трудиться, работать', рус. *радеть, нерадивый* и др., включая слова и других славянских языков [Трубачев 1967, 23].

О.Семереньи сопоставляет слав. *radi* с *radь* 'веселый' и рассматривает др.-перс. *rādiy* и слав. *radi* как инстр. ед.ч. от существительного на *-i* — **wrādh-i-* 'радость, удовольствие' [Семереньи 1967, 4–8]. Однако семантическая сторона предложенной им этимологии вызывает возражения: и в иранских, и в славянских примерах подразумевается не 'радость, удовольствие', а готовность для какого-то дела, созидания; причину какого-либо дела, события; предназначенность чего-либо для кого-, чего-либо и т.п. С учетом этой семантики более правдоподобны рассмотренные выше этимологии. Для славянских языков здесь можно видеть аналогию с послеложным употреблением **děl'a* (тоже редким) со сходным кругом значений, выступающим также с именем в генитиве (и связанным этимологически с **dēlo*, ср. семантическую параллель лат. *causa* 'причина, повод, основание, побудительное начало; дело' и *causā* 'по причине, для, ради, из-за') [ЭССЯ-4, 234–235].

Характерно единообразное построение таких конструкций в целом в иранских и славянских языках: генитив основного имени и локатив имени, ставшего послелогом. Это наводит на мысль, что мы имеем дело с устойчивым и для иранских, и для указанных славянских языков оборотом, первоначально построенным по внутренней структуре определительного сочетания (с генитивом первого имени-определения) и ставшим обстоятельственным сочетанием (отсюда — локатив имени, бывшего ранее определяемым). Принимая идею адвербиализации ([Трубачев 1967, 23], см. выше), следовало бы дополнить, что ей подвергся не послелог, а оборот в целом.

Поскольку для древнеперсидского и других иранских языков обороты такого типа системны и имеют известные исторические причины и последующее развитие в более поздних языках, исконное возникновение их не вызывает сомнений. В славянских языках послеложные конструкции редки (хотя и не ограничиваются данными: ср. рус. *три дня назад, на три дня вперед*), поэтому здесь их исконное возникновение требует каких-то дополнительных объяснений. Трудность теперь состоит уже не в этимологии слав. **radi* (указанная выше связь с **radь* выглядит естественно), а в объяснении сходства моделей в древнеперсидском, где эта модель системна, и старославянском, где ее системность вызывает сомнения. Остается либо признать

совпадение сходных по семантике конструкций — закономерных в первом языке и необычных — во втором, либо все же искать для славянского оборота некий внешний прототип, ставший оригиналом для кальки, вошедшей через старославянский в южную и восточную группы славянских языков (возможно, с распространением христианской — православной — литературы).

Для нас существенно, что если таким оригиналом все же признать конструкцию древнеперсидского языка, то придется считаться с определенными временными рамками. «Живое» состояние древнеперсидского завершается к IV в. до н.э.: надпись Артаксеркса III (359–338 гг. до н.э.) характерна обилием тяжелейших ошибок, свидетельствующих о том, что древнеперсидский язык был к этому времени мертвым. В среднеперсидском языке (бытовавшем ориентировочно с IV–III вв. до н.э. по VIII–IX вв. н.э.) падежи уже были утрачены, а последок звучал как *rād*. Не исключено, правда, сохранение в каком-либо из иранских языков западного ареала в доисламскую эпоху уже омертвевшей формулы с сохранением облика **rādi* — разговорной типа ‘того ради’ или сакральной типа ‘Бога ради’, хотя она и не зафиксирована.

§ 5. В качестве примера развития сходных значений у этимологически разных корней показательна судьба становления в разных языковых ветвях индоевропейской семьи глагола с абстрактным значением ‘иметь’.

Известно, что в общиндоевропейском состоянии не было единого глагола с такой абстрагированной семантикой; он развивался в различных группах параллельно и из этимологически различных индоевропейских корней, обозначавших первоначально ‘схватывать’, ‘держат’, а затем уже (и не во всех языках данных групп) — ‘удерживать’ → ‘содержать’ → ‘иметь’. В славянских языках он произошел из и.-е. **em-*, в балтийских из **tjer-* : *tur-* (ср. лит. *tverti* ~ *turėti*), в итальянских из **ghabh-*, в германских из **kap-*, в иранских из **dher-*, **dherə-*, см. [Рок. ИЕУ, 252, 310–311, 407, 527, 1101].

В части языков, например в некоторых иранских, это значение у глагола так и не выработалось, остановившись на уровне ‘держат(-ся), удерживат(-ся)’ (в некоторых памирских языках), ‘содержат(-ся)’ (в древнеперсидском), или он совмещает значения ‘иметь’ и ‘иметься, наличествовать’ (в мунджанском) либо используется только в устойчивых сочетаниях, калькированных из другого языка (в шугнанском и др.). В части иранских языков этот глагол выработал значение ‘иметь’ и используется так в литературной норме, однако в разговорном языке, в диалектах используются связочные модели

типа «у меня есть...» (ср. литературные нормы и диалекты таджикского языка, пашто), т.е. употребительность этого глагола здесь сходна с таковой в русском языке (в последнем, возможно, отчасти под давлением финно-угорского субстрата и адстрата и тюркского адстрата, поскольку в этих языках глагол с семантикой 'иметь' отсутствует).

В таджикском и персидском языках к тому же сам глагол 'иметь' (тадж. *doštan*, перс. *dāštan*) характерен ущербной парадигмой. Лишь в единичных иранских языках он настолько утвердился в своем новом значении, что стал использоваться как вспомогательный при образовании форм перифрастического перфекта (зафиксировано только в части диалектов согдийского языка и в хорезмийском), см. также в разделе «Морфология и синтаксис», § 15 и сл., или в продленных формах (в персидском). Ср. различный статус глагола 'иметь' в разных славянских языках: относительно устойчивый в старославянском (см. использование его в качестве вспомогательного в сложных формах будущего времени типа *итать iti*), но слабый в русском языке (особенно в разговорном и в диалектах).

§ 6. Интересны случаи одинаковых сдвигов в семантике этимологически родственных корней и слов, которые могут быть интерпретированы как общие ирано-славянские инновации и генетического, и типологического характера, а иногда и как результат влияния одной этнокультурной среды на другую. К таким сдвигам, в частности, относятся явления «повышения» и «понижения» семантики некоторых слов в языках обеих семей, особенно характерные для религиозных терминов.

Здесь не рассматривается терминология древних и новых верований — она представляет самостоятельные системы и в иранских, и в славянских языках, со своими принципами семантических (и фонетических) трансформаций слов. Рассмотрение ее в сравнительном плане — отдельная большая тема, ей посвящена богатая и интересная литература. Остановлюсь лишь на двух терминах и связанных с ними производных, имеющих в иранских языках глубокие этимологические связи.

§ 7. Один из наиболее существенных по своим последствиям примеров «повышения» семантики слова (при возможном иранском влиянии на славянские) — праиранское **baga-* ~ славянское *bogъ* 'Бог'.

В иранских языках это имя — производное от глагольного корня **bag-* : **baj-* 'наделять, распределять; выделять в качестве доли; дарить', имеющего разветвленную систему глагольных форм и глагольных и именных производных. Корень происходит из арийск. **bhag-* : *bhaj-* (ср. др.-инд. *bhājati* 'наделяет, делит'; в медиале 'получать,

принимать, пользоваться в качестве выделенной доли', кауз. *bhājau-* 'делить, распределять', прич. *bhaktá-*, а также производные), который восходит, в свою очередь, к и.-е. **bhag-* 'выделять; определять долю; получать, сохранять в качестве доли, пая', ср. тох. А *pāk*, В *pāke* 'часть, доля' и др. (сюда же, по мнению М.Майрхофера, относится имя **bhag-o-* 'наделение; Бог-наделение; Бог', подробнее см. [Pok. IEW, 107; Mh. EWA-13, 239-240, Mh. EWA-14, 241-242]). С этим корнем тесно связаны также праиранская основа **baxš-* 'иметь долю; давать долю, часть' (мнения о ее происхождении см. [Barth. AiW, 923; Henning SP I, 81; Pok. IEW, 107; Mh. KEWA-14, 456-457; Mh. EWA-13, 239; Beekes 1988, 172]) и производное от нее кл. перс. *baxšiš* → рус. жарг. *бакшиш*.

Восходящее к корню в форме **bag-* праиранское имя **baga-* в значениях 'доля, (выделенная) часть; участь; судьба' и затем персонифицированное 'господин; Бог' зафиксировано в древних иранских языках: ав. г. *baga-*, ав. п. *baya-* (ср. р.) 'доля, участь; судьба'; (м.р.) 'господин, Бог'; ав. п. *bayā-* (ж.р.) 'часть (священных речений)'; др.-перс. *baga-* 'Бог' [Barth. AiW, 921-922], мид. **baga-* — то же, в составных словах — **baga-yāza-* — название праздника, букв. 'жертвоприношение // поклонение Богу', **baga-spāda-* — имя собственное, букв. 'тот, кто с войском Бога' и др. [Hinz 1975, 58, 61]. В значениях 'Бог' и 'господин' оно отмечается и в более поздних языках, например: ср.-перс. *bag* 1) 'Бог'; 2) 'господин' [Nyb. MP, 42]; кл. перс. (из парф.) *bay*: 1) имя идола; 2) 'Бог' (в сложных словах); парф. *bay* {*bg*} 1) 'Бог'; 2) (перед собственными именами) 'господин' [Boyse WL, 27]; согд. ман., будд. *βγ-*, согд. *βγ'*-, хр. *by-* [*vay-*] 'Бог, божество, господин'; согд. *βγ'n βχtm* [*vayān vaxtam*] 'из богов божественнейший' < **bagānam bagatama-* [Gershevitch 1954, 25, 40, 80] и др.

Таким образом, в иранских языках обозначение Бога закономерно развилось из цепочки семантических трансформаций: 'часть, доля' → '(счастливая) доля, участь, судьба; богатство, благополучие' → 'повелитель, господин богатства, благополучия, счастья, счастливой судьбы' → 'господин, божество, (верховный) Бог'.

Важно, что при наличии основы типа **baga-* в разных индоевропейских языках только в иранских и славянских реализована общая инновация — семантический «подъем» слова от значений 'доля, богатство, благо' к 'Бог' [Трубачев 1967, 26-27]. Ср. также отражение этого слова в иранской и славянской антропонимии (там же, 28 и сл.).

При этом слово в лексической системе праиранского и древних иранских языков не изолировано в этимологическом плане: оно имеет соответствия в древнеиндийском: см. др.-инд. *¹bhāga-* 'благосостояние,

имущество; счастье»; ²*bhāga-* 'божество, господь (название одного из божеств)' [Мн. ЕВА-13, 239], что свидетельствует о «повышении» значения слова еще в индоиранский период (см. об этом также [Абаев 1995, 459]). Кроме того, оно является частью богатого праиранского этимологического гнезда, имея поддержку в виде глагольных форм от корневой и производной основ, выявляющих рефлексы во многих иранских языках. К тому же начиная с глубокой древности от этого глагольного корня и от имени **baga-* образуется целый ряд производных имен по разным моделям (о некоторых из них см. ниже, § 8–9). Это доказывает неединичность данного слова в праиранской лексической системе.

В славянских языках мы имеем соответствие иранскому в виде праслав. **bogъ* 'Бог' [ЭССЯ-2, 161–163], которое предположительно оформилось здесь как религиозное под иранским влиянием в скифскую эпоху, т.е. за тысячу с лишним лет до крещения Руси (см. [Трубачев 1992 (I), 38], ср. также обзор мнений об этимологии праславянского слова в [Зализняк 1962, 34]). Имеются и производные, например: праслав. **bogačъ*, **bogatъ(jь)*, церк.-слав. *и-bogъ*, *не-bogъ* 'небогатый, бедный' и другие, связанные с семантикой богатства, получения доли, наделенности и т.п. (см. [ЭССЯ-2, 157–159]), *zъbožnje* 'урожай' (см. белор. *збожжа* [Супрун 1989, 162]). Однако здесь именных производных значительно меньше, чем в иранских языках, а глаголы, кроме отыменных, отсутствуют.

Характерно при этом, что в русском литературном языке и в тех русских диалектах, где нормально смычное произнесение *г* (см. раздел «Фонетика и фонология», § 44 и сл.), слово *Бог* произносится (во всяком случае, в речи представителей старшего поколения) со спирантами *-γ-* [*Боγа*], *-x* [*Бох*] вместо *-г*, *-к*. Это также можно расценить как следствие иранского влияния именно на данный термин, в отличие от однокоренных слов рус. *богатый*, *богач*, *убогий* и т.п., развивавшихся спонтанно, где спирантизации *г* не происходит. Все это может свидетельствовать о том, что данные производные славянские слова могут быть и исконными, восходящими, как и иранские, к индоевропейским лексемам, обозначающим долю, надел, наделение и т.д., однако слово **bogъ* в праславянском или в его диалектах скорее всего подверглось иранскому (скифскому?) влиянию в отношении как «повышения» семантики, так и особой — «сакральной» — артикуляции. См. также аргументацию в [Абаев 1995, 339].

§ 8. С точки зрения тенденций к «повышению» и «понижению» семантики немалый интерес для сравнения со славянскими языками представляют иранские слова, продолжающие образования от того же

праиранского корня **bag-* : *baġ-* — 1) лексикализованное перфектное причастие на *-*ta*; 2) имя деятеля на *-*tar*.

1. Праиран. **bag-ta-* > зап.-иран. **baxta-* ~ вост.-иран. **vayda-* 'наделенный, выделенный, предназначенный' → 'судьба' (ср. др.-инд. *bhaktā-* 'часть, доля; пища, пропитание'): ав. п. *baxta-* 'предназначенный, выделенный в качестве доли, части, участи'; 'судьба' (ср. также в композите ав. п. *baγō.baxta-* 'предназначенное Богом, богами') [Barth. AiW, 922–923]; др.-перс. **baxta-*; ср.-перс. *baxt* 'судьба, удел; счастье' (и в аналогичном авестийскому композите ср.-перс. *bāgō-baxt* / *baγō-baxt* 'судьба (счастье), дарованное богами; божественное предназначение') [Nyb. MP, 42–43, 45; MacK. CPD, 16–17]; кл. перс., дари, тадж. *baxt* 'доля, судьба; счастье' и т.п.

Семантическим аналогом такого развития может служить праслав. **dol'a*, рус. *доля* 'часть' → 'участь' → 'судьба' [ЭССЯ-5, 62–63] с тем же «повышением» значения, а также *zъčestъje* 'соучастие' → 'счастье'.

2. Праиран. **bag-tar-* > зап.-иран. **baxtar-* ~ вост.-иран. **vaydar-* (ср. др.-инд. *vi-bhaktār-* (м.р.) 'тот, кто наделяет, распределяет') > ав. п. *baxtar-* 'тот, кто предоставляет выделенную долю, часть, дань; тот, кто распределяет, выделяет долю, наделяет' [Barth. AiW, 923; Mh. EWA-14, 241].

К одному из этих прототипов при последующем совпадении рефлексов вост.-иран. **vayda-* и **vaydar-* (об отпадении *-*r* в словах на *-*tar* см. [Эдельман 1999]) восходит архаичное название некоего божества в Центральной и Средней Азии. Оно сохраняется на Памире в виде названия злого духа, злого великана-оборотня. Зафиксировано в шугн., бдж. *vūyd* (ж.р. *vōyd*) 'злой дух, нечистая сила в образе мужчины (в ж.р. — в образе женщины)'; хуф., руш., барт. *vūyd* (ж.р. *vāyd*) — то же; рош. *vōyd* (для обоих родов) 'злой дух; нечистая сила'; сар. *voyd* — то же, ишк. *vāyđ* (в записях Шельда), *vāyđ* (в материалах Грирсона) и сгл. *vāyđ* 'nightmare', вах. *vaýd* 'злой дух, нечистая сила, оборотень' (в западном говоре также 'добрый дух'). То же название наблюдается в местных таджикских говорах: тадж.-бадахш. *vuýd*, *vayd*, *vayt*, дарв. *hoýt*, вандж. *voýt* (и вандж. уменьшительное *vayđak* 'детеныш аджины') — из восточноиранского субстрата. Сюда же относится язг. *woýt* 'сказочный горный дух — великан, принимающий разные обличья', заимствованное из таджикского бадахшанского диалекта (где не противопоставлены *w* и *v*); в свою очередь, в этот диалект слово заимствовано из одного из языков шугнано-рушанской группы (исконное язгулямское название было бы **vūyd*, исконное таджикское — **baxt*). При некоторых различиях

в значении, связанных иногда с разноречием в объяснениях, которые давали представители разных поколений и разной степени образованности, ясно, что речь идет об одном и том же персонаже.

Эти названия сопоставляются в литературе с ав. п. *baxta-* в значениях либо 'несчастье' [Morg. EVSh, 86], либо 'доля' при сравнении со ср.-перс., тадж., перс. *baxt* 'судьба, доля', перс. *baxtak* 'кошмар' [Ст.-К. ЭСВЯ, 377]. Однако конкретным прототипом этого названия в языках Памира, как говорилось выше, могло быть не обязательно причастие **bag-ta-*, не менее вероятно по фонетическим и семантическим соображениям и имя деятеля **bag-tar-* 'наделитель; податель (благ)' → 'Божество', если этот персонаж считался здесь в древности одним из могущественных божеств и приобрел «отрицательное» значение (в большей части ареала) позднее. Иными словами, это имя могло проделать путь древнего семантического «повышения» и последующего «понижения» либо изменить на каком-то этапе знак плюс на минус, как это произошло с именем **daiça-* — первоначальным обозначением верховного божества (см. ниже, § 10).

Следует отметить попутно, что сопоставление этих памирских имен с именем индоиранского Бога ветра Вайу (осет. *Wæjyg / Wæjug*, ав. *Vayu-* [Аб. ИЭСОЯ IV, 69]) не может быть принято по фонетическим показателям: название божества ветра возводится к праиранскому **uāju-* с анлаутным сонантом **u-*, который продолжился бы в памирских языках с анлаутным **w-*, но не *v-* (противопоставление *w ~ v* носит в этих языках фонологический характер), а в ишканинском и ваханском — без срединных *-γ-*, *-ǰ-* из праиран. **-g-*. Сопоставление же осет. *Wæjyg / Wæjug* 'ваюг' и ав. *Vayu-* с укр. *Вій* ([Абаев 1956 (II), 450–457, 1960, 5–7, 1995, 390 и сл., 453 и сл.; Аб. ИЭСОЯ IV, 68–71], см. также [Зализняк 1962, 44]) отвергается О.Н.Трубачевым, связывающим укр. *Вій* с обозначением не ветра, а ресницы — *вія, війки*, — поскольку укр. *Вій* 'мифическое существо с веками до земли' [Трубачев 1967, 42–43], однако В.И.Абаев считает соотношение этого имени с укр. *вія* следствием народной этимологии [Абаев 1995, 433].

§ 9. К одному из производных от имени **baga-* в значении 'Бог' можно возвести названия дикой вишни, растущей в Средней Азии, если учесть традицию называния 'Божий' в значении 'дикий, неприрученный (о животном); не выращенный человеком, дикорастущий (о растениях)' (подробнее о традиции см. ниже, § 10): ср. шутн. *vīn* (ж.р.), хуф. *vin* — названия разновидностей вишни: 'вишня бородавчатая (*Cerasus verrucosa*)', 'вишня кустарниковая', 'вишня Жакемона (*Cerasus Jakemontis*)'; язг. *vaun* 'дикая вишня (виды *Cerasus tomentosa*,

Cerasus verrucosa); тадж. диал. *boynič*, тадж. диал. Зерафшана *vaynič* (из согдийского субстрата) 'вишня бородавчатая (*Cerasus verrucosa*)'; ишк. *kūd-vīn* 'горное растение со съедобными ягодами' (*kūd* 'собака'). Слово не этимологизировано: Г.Моргенштерне приводит шугнанскую и хуфскую формы с пояснением 'дерево, из веток которого делают метлы' без дальнейших сопоставлений и этимологии [Morg. EVSh, 84]. Подборку названий см. [Стеблин-Каменский И.М. 1982, 122]. Прототипом этих слов могло быть субстантивированное прилагательное типа **bag-ina-* или **bag-n(i)ja-* 'божья, (посылаемая, выращенная) Богом' (в отличие от садовой вишни, имеющей другие названия), что перекликается с внутренней формой имени — названия другого «дикого» объекта, см. ниже, § 10.

§ 10. Особого внимания заслуживает лексика, обязанная происхождением табу и эвфемизмам, — как показатель продуктивности того или иного словообразовательного типа либо средства на определенном этапе истории языка, а также как показатель определенных семантических ассоциаций, свойственных данному этносу. В некоторых случаях слова-табу дают возможность выявить более архаичную семантику слова, чем та, что фиксируется в современных языках, и найти тем самым «мостик» между древними значениями слов в иранских и в других индоевропейских языках, включая славянские и балтийские.

Одним из таких примеров служит *lewé* 'волк' в языке пашто. Это слово вслед за В.Гайгером, возводившим его к ав. *daēva-* 'демон' (с закономерным отражением здесь **d- > i-*), Г.Моргенштерне связывает с авестийской основой, но с поправкой — с производным ав. *daēvya-* 'daevic' [Morg. EVP, 40]. Этимология этого явно табуированного обозначения (ср. обычное праиран. **uřka-* 'волк', кл. перс. *gurg* и т.п.) и сопоставление с авестийским с точки зрения исторической фонетики безукоризненны, они вошли в иранский этимологический фонд как классика; семантика прототипа тоже не вызвала сомнений, поскольку в табуировании названий волка в Центрально-азиатском регионе имеется практика пейоративного обозначения.

В то же время, как известно, праиран. **daiija-* первоначально обозначало 'Бог, божество', продолжая арийск. **daiija-* 'Бог, божество' (ср. др.-инд. *devá-* 'небесный', м.р. 'Бог', *devī-* 'небесная', ж.р. 'богиня', *devyā-* 'Gottesmacht', *dāivya-* 'божественный, свойственный Богу', ж.р. *dāivī-*), восходящее в конечном счете к и.-е. **deijō-* 'Бог, небесный', ср. лат. *deus, divus* (< **deijos*), лит. *dīėvas* 'Бог', лтш. *dievs*, др.-прусс. *deiws, deywis* 'Бог', греч. *δία* 'богиня' и др. [Pok. IEW, 183–186; Fraenkel LEW I, 93–94; Mh. EWA–10, 742–744].

Позже при принятии древними ираноязычными племенами других религий (прежде всего зороастризма) слово подверглось семантической трансформации с положительного (точнее, великого, верховного божества) на отрицательное и стало обозначать 'злое божество; злой дух; див; демон; дьявол'¹. При этом наиболее раннее значение слова 'Бог, божество' в течение какого-то времени сохранялось у данной основы в составе композитов и в застывших сочетаниях (ср. ав. г. *daēvō.zušta-* первоначально — 'угодный Богу', противопоставление ав. *daēva-* ~ *mašya-* 'Бог ~ человек', соответствующие ведич. *devájušta-*, *devá-* ~ *mártya-*; осет. *Avdīwag* — имя божества в эпосе — из сочетания **hapta-daiça-* 'семь богов'), см. [Аб. ИЭСОЯ I, 84, 199–200; Henning SP II, 628 и сл.; Мh. EWA–10, 743]. В более поздние периоды практически во всех иранских языках это слово уже обозначало демона, дьявола, злого духа или отрицательный сказочный персонаж: ср. ав. г. *daēva-* 'дозороастрийское божество', ав. п. *daēva-* 'див, демон', ав. п. *daēvī-* (ж.р.) 'чертовка', др.-перс. *daiva-* 'демон; ложное божество'; ср.-перс. *dēv*, кл. перс. *dēv*, совр. перс. *div*, тадж. *dev* 'див'; мдж. *liw* (с *l < *d*) 1) 'дурной, плохой'; 2) (фольк. редко) 'див'; йд. *liw*; шугн. *δēw* 1) 'див; нечистый дух'; 2) (перен.) 'беспокойный, одержимый, безумный' и т.п.

Соответственно изменялось значение и производных от него относительных имен: рефлексy **daiç(i)ia-* 'божий, божественный' стали обозначать 'относящийся к диву, одержимый дивом; безумный' и т.д., ср. хор. *зуw* 'безумный' (< *daiw(y)a-*) и *šзуw* (< **fra-daiw(y)a-*), как и другие производные: кл. перс. *dēvāna* 'сумасшедший, помешавшийся; безумец' (← 'одержимый дивом'), тадж. *devona*, совр. перс. *divāne* 'сумасшедший, безумный'; пшт. *lewanáw* 'безумный'; шугн. *δēwin* 'помешанный, сумасшедший' и др.

Поскольку пока нет надежных хронологических ориентиров для выявления времени вхождения **daiç(i)ia-* — прототипа *lewā* 'волк' в язык пашто, мы не знаем, лексикализовалось ли оно до принятия древними пуштунами новой для них религии, при которой **daiça-* приобретал знак «минус», или после, мы не можем определить, что именно означало первоначально это относительное имя. Учитывая, с одной стороны, местную традицию пейоративного обозначения волка², а с другой — традицию, распространенную в ряде языков (не только древних индоевропейских), называния относительным именем 'Божий' диких, неприрученных животных и дикорастущих, не выращенных человеком, растений (подробнее см. [Топоров 1980, 197–201; Аникин 1995 (I, II)]), этимология пшт. *lewā* < **daiç(i)ia-* допускает двойное толкование:

1) как результат относительно поздней лексикализации рефлекса имени **daiu(i)ja-*, происшедшей, во всяком случае, после перемены религии, когда соотнесенность слова **daiu-* с божеством была уже утрачена и оно трактовалось как «злой дух». В таком случае волк в диалектах — предках пашто воспринимался как существо «дэвовское», т.е. как «дьявольское (отродье)»;

2) как результат раннеиранской лексикализации имени **daiu(i)ja-*, восходящего, возможно, к индоевропейскому диалектному обозначению волка как дикой, не прирученной еще собаки, аналогично сохранившемуся в отдельных индоевропейских языках. В таком случае волк и в диалектах — предках пашто воспринимался просто как дикая собака — «божья (собака)», т.е. как «божья (тварь)».

Как известно, связь праслав. **divь* с и.-е. **deiwó-* 'Бог, небесный' принимается не всеми исследователями (обзоры разных точек зрения и аргументацию «за» и «против» см. [Зализняк 1962, 34; Фасмер 1, 512; Бирнбаум 1987, 309; ЭССЯ-5, 35] и др.); соответственно не всеми разделяется точка зрения о связи праслав. **divь(jь)* 'дикий; неприрученный (о животных), невыращенный (о растениях)' и других производных с понятием 'Божий', см. [ЭССЯ-5, 34–36, там же литература]. Поэтому аналогии к иранскому слову в виде табуистического названия волка — схрв. *dīveli nās* 'неприрученный пес' или сочетания типа слав. *divь огонь* = др.-инд. *deviam agnim* 'ритуальный огонь', рус. *дивий мед* = *божий мед* [Мартынов 1981 (I), 22] и многие другие — не для всех убедительны.

Независимо от этого обращает на себя внимание связь названий Бога и производных со значением 'божий' с обозначениями диких растений и животных в других языках, ср. балт. **dievas* 'Бог', лтш. *dievs* 'небо, Бог' и лтш. *dieva suns* 'волк' ← 'Божий пес', лтш. *dieva vėrsi* (мн.ч.) 'дикие быки'; лтш. *dieva zuosis* 'дикие гуси' (ср. слав. **diva gosь* 'дикий гусь'); лтш. *dieva žales* 'то, что растет помимо человека' (ср. слав. **divo zelьje* 'дикорастущее растение'); ср. также хет. *šūmaš hūitar* 'дикие животные' = 'животные богов', ср. *šū-na-* 'Бог' и др., т.е. связь понятий 'дикий' ← 'божий', что характерно для архаичных традиций [Топоров 1980, 197–202; Аникин 1995 (II), 92–93]³.

К тому же невозможно исключить более позднее заимствование обозначения дива как 'злого духа' в славянские языки из иранской среды (возможно, через тюркское посредство) в виде др.-рус. *Дивь*, укр. *див* 'злой дух' (см. [Фасмер 1, 512]).

§ 11. Наблюдаются и другие интересные для нас лексические параллелизмы, включая совпадения относительно поздних производных от этимологически единого индоевропейского корня или основы.

Некоторые, как и предыдущее слово, связаны с табуированием. В качестве одного из примеров рассмотрим табуированные обозначения мыши.

С одной стороны, в балтийских языках: лит. *pelė* и лтш. *pele* 'мышь' — производные от **pel-* 'серый', связанные этимологически с современными обозначениями серого цвета (ср. лит. *pilkas* 'светло-серый', *paišas* 'серый' и др.) и восходящие в конечном счете к и.-е. **pel-* 'серый', см. [Sabaliauskas 1990, 66 и 151].

С другой стороны, в некоторых иранских языках Памирского региона: язг. *purg* 'мышь', шуги. *pūrg* 'мышь, крыса', вах. *pyrk* — то же, ишк. *pūrk* — то же, восходящие к др.-иран. **paru-ka-* букв. 'серенькая' и связанные с праиран. **par-* < и.-е. **pel-* 'серый', притом что в разных индоиранских языках имеются и производные со значениями 'серый, седой' и т.п. (см. хор. *prw* 'серый', ав. п. *pouruša-*, *raouruša-* 'серый, седой' [Barth. AiW, 903], осет. *fæl-ūrs* 'бледный' и др. [Morg. EVSh, 58], ср. также др.-инд. *palita-* 'седой' и т.п.), также производные от того же и.-е. корня **pel-* 'серый' [Pok. IEW, 804–805].

Названия мыши в рассматриваемых иранских языках, построенные по модели уменьшительных имен **paru-ka-*, как бы продолжают и.-е. **peluka-*, что буквально совпадает с реально существующим уменьшительным лит. *peiliukė* 'мышка, мышонок'. Вместе с тем все указанные уменьшительные имена — относительно поздние, причем их появление не обусловлено контактами, а в разделяющих их ареалах — в большинстве иранских языков и в славянских, включая русский, — для обозначения мыши используются рефлексy индоевропейской основы **mūs-* (ср. рус. *мышь*, кл. перс. *mūš*, пшит. *mužák* и т.п.). К тому же в русском языке через эпитет «серый» табуируется обозначение волка. (Следует отметить, что совпадение в названиях мыши, вызванное сходными ассоциациями, стало возможным благодаря тому, что в этих ареалах мышь действительно серая, в отличие от буроватых мышей-полевок.)

§ 12. Семантические сдвиги, сходные в иранских и славянских языках, отмечаются не только в именной, но и в глагольной лексике. В частности, сюда относятся изменения в сторону «понижения» значения некоторых индоевропейских глаголов. Ср., например, понижение глагола, обозначавшего первоначально 'лить, литься'.

Это глагол праиран. **rai-* : *ri-* и **lai-* : *li-* 'испражняться' из и.-е. **lei-* 'лить' (ср. и.-е. **lei-* 'мазать; слизь' — скорее ответвление значения, чем изначальная омонимия, ср. [Pok. IEW, 664]), возможно, при контаминации с и.-е. **reia-* : *rī* (см. [Pok. IEW, 330]). В некоторых иранских языках совпадение этих глаголов вызвало также

«понижение» другого глагола с первоначальным значением 'лить(-ся)', см. ниже. Ср. ав. п. *ray-*, инф. *-irita-* 'испражняться' [Barth. AiW, 1511]; ср.-перс. *ri(y)-* : *rīd-*, кл. перс. *rīn-* : *rīd-*, тадж. *rin-* : *rid-*; бел. зап. *ri-* : *rit-*, *rīt-*, вост. *ri-* : *riḍ-*, *rīḍ-* 'испражняться'; осет. *lyjyn* : *lyd* / *lijun* : *lid* 'испражняться' [Аб. ИЭСОЯ II, 54]; производные: язг. *rax* в сочет. *rax k'ən-* 'испражняться (обычно о младенце)' из **ri-xa-* или **ri-x(i)a-*, ишк. *yarx*, *uox* 'испражнения крупного рогатого скота' (с метатезой либо с продолжением здесь слова **yirx* < **hixra-* от корня **haik-* 'лить(-ся)'); мдж. *fyrx-*, йд. *fərx-* (осн. наст. вр.) 'испражняться', если из **fra-rixja-* (хотя и здесь возможна метатеза из **hixr(i)a-* от **haik-*); шугн., руш., хуф., барт., сар. *riš* 'жидкие испражнения' (с *š* < **x*); вах. *rəx(n)* 'испражнения (человека)' — из таджикского [Ст.-К. ЭСВЯ, 304] или собственное развитие из **rax-na-* либо **ri-x(i)a-na-* и т.п. (ср. ишк. *brin-* : *brid* 'слабить' — с основой, заимствованной из тадж.) [Morg. IIFL II, 423–424]. Ср. также осет. слово *læx* / *læxæ* 'испражнения, кал', которое считается кавказским [Аб. ИЭСОЯ II, 39], но вполне может быть связано и с корнем праиран. **lai-* или быть результатом контаминации корней **lai-* и **rai-*, т.е. образованием типа **l/rax(n)a-* либо **r/li-xa-*, сходным с другими производными с суф. **-xa-*. В обоих случаях (т.е. при этимологиях, связанных с корнями **rai-* 'лить(-ся)' и **haik-* — то же) семантика развивается одинаково: 'лить(-ся)' → '(жидко) испражняться'.

То же в славянских языках: в производных от глагола **li-* / **lě-* / **lǫj-* 'лить' (*liti* (*se*), *lǫjati* [ЭССЯ-15, 157–159] с такими же значениями. Ср. праслав. осн. **lajь*, откуда с суф. *-ьно* — **lajьно* / *lajьna* / *lajьль* 'кал, навоз, помет', ср. схрв. диал. *lajno* 'помет', болг. *лайно́*, макед. *лајно* 'помет (коровий и т.п.)', чеш. *lejno*, ст.-чеш. *lajno*, польск. *lajno* 'кал, помет', рус. диал. *ла́йна* 'нечистоты во внутренних частях животного' и т.д. — производные от основы наст. вр. **lěje-*; обоснование словообразовательного типа и морфонологической степени см. также [ЭССЯ-14, 22–23; Журавлев А.Ф. 1992, 86]. При этом в отдельных именах сохраняется исконное значение глагола 'лить(-ся)': рус. диал. *лойна* 'лог, долина или овраг с ровным дном', рус. диал. *улай* 'обрывистый овраг', восходящее к праслав. **qlajь* [Варбот 1983, 64].

§ 13. Даже на примере единичных рассмотренных выше общих или похожих слов в иранских и славянских языках видно, насколько непроста проблема сравнительного изучения иранского и славянского лексикона. Помимо относительно прозрачных случаев: а) параллельного этимологического развития слов в иранских и славянских языках и б) явных заимствований, которые здесь еще не рассматривались, —

наблюдаются такие «пограничные» или, во всяком случае, непрозрачные, пути развития похожих слов, в которых можно подозревать: а) совпадение поздних, параллельно развившихся производных из единого индоевропейского корня; б) совпадение аналогичных производных из разных, но фонетически похожих индоевропейских корней; в) параллельное в обеих языковых средах изменение значения слов (этимологически родственных и неродственных); г) изменение семантики слова в славянских языках в разные эпохи в результате этнокультурного воздействия иранской среды (напрямую или через посредников); д) неясность происхождения слова, которое может быть и исконным, и заимствованным; е) неясность источника заимствования, места распространения или привязки ко времени у слова, заимствование которого не исключено, и т.д.

Практически каждое слово иранского или славянского лексикона при их сравнении нуждается в тщательном хронологическом, географическом и этнокультурном комментарии. Поэтому перечень конкретных лексем древнейшего общего лексического фонда и заимствований из одной языковой среды в другую, с их стратификацией по хронологическому, географическому, этнокультурному (включая тематический) и другим признакам, — дело будущего. Для его сколько-нибудь полного выявления и аргументированного описания потребуются еще время и труд многих ученых. Первые фундаментальные опыты выявления таких «страт» были предприняты А.А.Зализняком и О.Н.Трубачевым.

Представляется уместным рассмотреть упоминавшийся уже список слов, которые были представлены А.А.Зализняком в качестве лексических схождений [Зализняк 1962, 33–41], и соображения О.Н.Трубачева по поводу этого списка [Трубачев 1967, 21 и сл.] и по поводу времени, места и тематического характера заимствованных слов (там же, 3 и сл.).

§ 14. А.А.Зализняк приводит список лексических схождений между славянскими и иранскими языками в основном в виде старославянских и общеславянских форм — последние он дает под звездочкой — и соответствующих иранских. Привожу его практически полностью (отсылки к источникам и обзоры мнений разных исследователей, содержащиеся в его статье, здесь по недостатку места не воспроизводятся; транскрипция сохранена).

В местоимениях и служебной лексике [Зализняк 1962, 33–34]: *овъ* — др.-иран. *ava-* (в инд. практически отсутствует); *мене* — ав. *mana*, др.-перс. *mana* (др.-инд. *māna*); *тебе* (< **teve*) — индоиран. *tava*; *ni-сь, ni-сьто* — ав. *naē-či*; *самъ* — ав. *hāma-*, *hama-*; *къде* — ав. *kudā*

(инд. *kuhā*); *кь* (*кьн-*) — согд. *ku*, ав. *kam*, вед. *kām*; *radi* — др.-перс. *rādiy*; *во* — ав. *bā* (ср. также лит. *bà*, арм. *ba* и др.).

При рассмотрении другой лексики автор проводит хронологическую и географическую классификацию сходжений, разграничивая их на: иранско-славянские (там же, 34–36), славянско-арийские (там же, 36–37), балто-славянско-иранские (там же, 38), заимствования из иранского в праславянский или восточнославянские (там же, 39–41).

Собственно славянско-иранские сходжения: *blagъ* — ав. *bægag-* 'ритуал, обряд', *bægaxda-* 'желанный', *bægajayeiti* 'благоволить, почитать' (ср. др.-инд. *Bṛhas-pāti-* — божество домашнего очага и ритуала'; *богъ* — др.-перс. *baga-*, ав. *baṣa-* 'доля (например, имущества), Бог', ср. слав. *bogatъ, ubogъ, nebogъ, *sъbožьje*, ср., с другой стороны, др.-инд. *bhāga-* '(хорошая) доля, участь', также имя второстепенного божества *bhāgavanti-* 'счастливый, благословенный; почитаемый, божественный' (ср. *Βαγαῖος-Ζεὺς Φρύγιος* у Гесихия); *briti, brijo* — др.-иран. **brin-* 'резать, стричь', ав. *pairi.brīnənti* 'обрезают вокруг', осет. (диг.) *ælvinnin* 'стричь', перс. *bur(r)īdan* 'резать', ср. слав. *brityva* (из **brityvъ < *brity*), ав. *brōiθra-* 'лезвие' (ведич. *brīṅāti* 'повреждать, ранить', фрак. *βρίλον* 'цирюльник'); в.-луж. *čara* 'борозда', чеш. *čára* 'черта' — ав. *kārayeiti* 'проводит борозду', пшт. *kārəl* 'пахать'; *xvorъ* — ав. *x'ara-* 'рана', осет. (диг.) *æfhwægin* 'обижать, оскорблять' (ср. также др.-в.-нем. *swero* 'боль, болезнь' с другой огласовкой, нем. *Schwäre*); *xraniti* — 1) ав. (*pairi-*)*haraite* 'защищается', *haurvaiti* 'защищает', 2) ав. *xvarəna-* 'еда, питье'; рус. *дешевый* — др.-перс. *dahyauš* 'страна'; *divo, divъ* — др.-рус. *divъ* — др.-перс. *daiva-*, ав. *daēva-* 'демон'; *drъžati, drъžо* — ав. *dražaitē* 'держит, имеет при себе' [Зализняк 1962, 34];

gy(b)noti, gybeļ — ср.-перс. *jumbīnītār* 'губитель'; рус. (диал.) *укра, кра* 'льдина', др.-рус., чеш., польск. *kra* — ав. *aēxa-* 'лед', перс. *uax*, осет. *ix*; *kajati (sę)* — ав. *kay-* 'воздавать, карать', *čikayač* 'он должен отомстить', *kāva-* 'воздаяние, расплата (на конечном суде)', *kaēnā-* 'наказание, месть' (др.-инд. *śayate* 'мстит'); **kоть, kотьсь* — ав. *kata-* 'помещение, погреб', перс. *kad* 'дом', иранским заимствованием является фин. *kanta* 'дом'; *krъčiti* — осет. (диг.) *kurd* 'кузнец', ср. слав. **kuriti*, лит. *kūrti* 'разжигать огонь'; *krъвь (< *kry)* — ав. *xrū-* 'кровоное мясо' (слово представлено в большинстве индоевропейских языков, ср. лит. *kraūjas*, др.-прусс. *krawian* 'кровь', др.-инд. *kravīh* 'сырое мясо', но только в славянских и иранских здесь корневое имя на **-ū*); *lēsti, lēžо* — ав. *raz-* 'направляться, идти'; укр. *лаз* 'лесная поляна' и т.д. — ав. *razurā* 'овраг'; *nebo* — ав. *nabah-* 'небо, воздушный простор' (в славянском и иранском сходное семантическое

развитие и.-е. **nebhes-* 'облако', ср. др.-инд. *nábhas*, греч. *νέφος* и др.; семантическая аналогия в хет. *nepiš* 'небо'); *-nъziti, -nъzо* — ав. *naēža-* 'острие, острие иглолки', ср. др.-инд. *nikṣati* 'просверливает'; рус. *прѣть, прѣю* и т.д. — ав. *fraēθ-* 'гнить, разлагаться'; *pro-strъ-tъ* — ав. *fra-stara-ta-* 'простертый, протянутый' (пример полного формального и семантического тождества); *slovo* — ав. *sravah-* 'слово' (в славянском и иранском одинаковое семантическое развитие, ср. др.-инд. *śrávas*, греч. *κλέος* 'слава'); *sluxъ* — ав. *sraoša-* 'слух; послушный'; *slъza* — ав. *sraska-* 'слеза, плач', согд. *šyšky, syšky* 'слеза', перс. *sirišk* 'слеза, капля', также ав. *srasča-, srasčaya-* 'капать' (ср. арм. *srskel* 'орошать'); рус. *сор* и родственные слова — ав. *sairya-* 'навоз, грязь' (ср. лит. *šarvai* 'грязь, menstrua', лтш. *sārņi* 'грязь', др.-инд. *śardh-* 'pedere' — с другими распространителями); *stamъ* — ав. *šsarēma-* 'стыд', пехл., перс. *šarm*, осет. *æfsarm*, без распространителя *-m-* — согд. *šfar* 'стыд', *šfars-* 'стыдиться', ср.-перс. *šars-* — то же; возможно, сюда же относится инд. *a-psarás* (более поздняя форма — *a-psarā*) 'апсара, нимфа' (но ср. сопоставление этого славянского слова с лит. *šarmà* 'иней') [Зализняк 1962, 35];

съ-dravъ — др.-перс. *duruva-* 'здоровый, прочный', ав. *dr(u)va-* 'прочный'; *tajati* — осет. *tajun* 'таять'; *tęgnoti, tьkо* — осет. *tag* 'нить, волокно, ткань', *kættag* 'холст', *zæl-dag* 'шелк'; **vękati* — ср.-перс. *vāng* 'шум, крик, голос', перс. *bāng* id., бел. *gvānk* 'крик'; *věra* — по форме близко к западноиндоевропейским словам (лат. *vērus*, др.-в.-нем. *wār*, др.-ирл. *fir*), но по значению ближе всего к ав. *var-* 'выбирать' в религиозном значении 'добровольно выбирать себе веру' и *fravar-* 'исповедовать веру' (хотя индоиран. *var-* часто возводят к и.-е. *wel-*, ср. лат. *volo* и др.); *vlasъ* — ав. *varəsa-* 'волос', ср.-перс. *vars* (ср. инд. *vālsa-* 'ветвь'); рус. *ворожить* и т.д. — орм. *waž-* (< *warz-*) 'заклинать', ср. осет. *warz-* 'любить'; *вьpiti, вьpijо* — ав. *ufyemi* 'призываю, взываю' (у близких балтийских форм нет соответствующего ритуального значения: лтш. *ūpēt, ūpēju* 'кричать — о совах и т.п.', лит. *ūpas* 'эхо'); *zadъ* — ав. *zadah-* 'podex' (ср. др.-инд. *hādati*, греч. *χέζω, χόδανος*, арм. *jet*, др.-ирл. *gead*, алб. *dhjes*); *zъbъ* — ав. *zūrah* (в сложении), др.-перс. *zūrah*^h (или *zura*^h) 'несправедливость, зло, нечестие', перс. *zūr* 1) 'насилие'; 2) 'ложь, неправда', осет. *ævzæf* 'плохой', *zūl* 'кривой' (ср. ав. *zbar-*, инд. *hvar-* 'идти вкривь', *hvāras* 'искривление, обман'); *žlédica*, польск. *żłódź*, укр. *ожеледа* и др.-перс. *žāla* 'град' (< **jarda-*); *žrti, žьrо; žьrtva, зьрьсь* — ав. *gar-*, др.-инд. *gīr-* 'голос, пение (особенно религиозное)', ав. *garante*, др.-инд. *gṛnāti, gṛnīte* 'он поет', осет. *γæf* 'шум' (ср. лит. *girti, giriū* 'восхвалять'). В иранских есть также огласовка **grā-* (с распростра-

нителями): согд. *ni-yrāu-* 'петь, праздновать', язг. *yrāw-* 'плакать', осет. *a-rywip* (диг.) 'отправлять церковную службу, читать', *aryawæp* 'церковь', *aryaw* 'сказка'. По [Абаев ИЭСОЯ I, 65], эти осетинские слова связаны с дохристианским культом. Важно совпадение семантики в славянских и в иранских словах. Огласовка **grā-* есть и в славянских, ср. рус. *грать* [Зализняк 1962, 36].

Славянско-арийские сходжения: *avē* — ав. *āviš* 'явный', *āvišya-* 'явный, открытый', др.-инд. *āvis* 'явный' (ср. лит. *ovuje* 'наяву', *ovutis* 'явиться во сне' — возможно, заимствованы из слав.); *brъzъ* — 1) ав. *bərəzant-* 'высокий', др.-инд. *bṛhānt-* 'высокий, сильный'; 2) ав. *mərəzi-* 'короткий, краткий', согд. *mwrzč*, ведич. *mūhu-* (пракритизм вместо *mṛhu-*), греч. *βραχύς*, лат. *brevis*; *čisti*, *čьtr*, *čьstь* — ав. *čisti-* 'мысль', *čikiḍvan-* 'мудрый', инд. *cēti* 'замечает, наблюдает', *citti-* 'мысль, намерение' (в балтийских только формы с начальным *s-*: *skaityti*) (там же).

хротъ — инд. *srāta-* 'хромой'; польск. *chybać*, *chybki*, *chyba* и др. — др.-инд. *kṣubh-* 'раскачиваться, колебаться', ав. *xšaob-* 'возбуждаться, приходить в движение', перс. *ā-šūftan* 'двигать'; *dtъgъ* — др.-перс. *darga-*, ав. *darəga-*, др.-инд. *dirghā-* (ср. лит. *ilgas*; хет. *daluga-*, греч. *δολιχός*); рус. (диал.) *езгаться*, *язаться* 'обещать' — др.-инд. *āha* 'сказал', ав. (*pairi-*)*āda* 'высказал', *ādayōit* 'пусть ответит'; др.-рус. *галти* 'кричать, каркать', *гай* 'крик, карканье' — др.-инд. *gāyati*, *gāti* 'поет' (сюда же следующее слово); *gatati* — др.-инд. *gātha-*, *gātu-*, ав. *gaḍa* 'пение' (особенно религиозное) — от индоиран. *gā(y)-* 'петь' — к семантическому развитию: ср. слав. *žrъti* (см.); *gladъ*, ср. *žlъdēti*, *žlъzdo* — др.-инд. *gardha-* 'желание, потребность', ав. *garəda-* id., ср. др.-инд. *gṛdhyati* 'желает, требует' (в родственном герм. **grēd-*, например гот. *grēdus* 'голод' — иная огласовка; как и в *věra*, проблема и.-е. *r : l*); *gora* — ав. *gairi-* 'гора', ср.-перс. *gar*, *gīr*, др.-инд. *giri-*, балтийские формы — с иным значением: лит. *girià*, диал. *girė* 'лес', др.-прусс. *garian* 'дереву'; иногда с этим сопоставляют греч. *βορέας* 'северный ветер'; *jedrъ* — др.-инд. *Índra-*, ав. *Indəra-* (имя божества), ср. также др.-инд. *indriyá-* 'сила, энергия, сила чувства, чувство; semen virile'; укр. *лабүз* 'сорная трава, заросль' — др.-инд. *libujā* 'вьющееся растение, тростник', пали *labuja* id., ср. греч. *λαβύζος* — название какого-то благовонного растения, возможно из древнеперсидского; *pěsъkъ* — др.-инд. *pāmsú-*, *pāmsuká-* 'пыль, песок', ав. *paṣnu-* id.; *prъvъ* — др.-перс. *paṣuva-*, ав. *paourva-*, инд. *pūrva-*; *sanъ* — др.-инд. *sānu-(n)* 'вершина, высота'; *světъ* — др.-инд. *śvetá-* 'белый, блестящий', ав. *spaēta-* 'белый'; ср. ст.-слав. *svěšta* и др.-инд. *śvetyá-* 'блестящий' (в балтийских — близкие

формы *šviēsti* 'светить, освещать', *švitēti* 'светить, сиять', ср. слав. *světīti* и др.); *sāvati, sujō* — др.-инд. *suvāti* 'приводит в движение, побуждает', ав. *hav-* id., также ав. *x'ah-* 'теснить', согд. *us-xwāy-* 'бить, толкать', осет. *xwajun* id.; *šujō* — др.-инд. *savyā-*, ав. *haoya-* 'левый' (сюда же, возможно, кимр. *aswy, aseu* 'левый' из **ad-sew(i)jo-*); *тънъкъ*, др.-рус. *тънъкъ* — др.-инд. *tānuka-*, осет. *tænæg* 'тонкий'; *vr̥mē* — инд. *vārtman-* 'колея, путь, ход' (включая переносный смысл); *vəzō* — др.-перс. *viθ-* 'дом, род', ав. *viš-*, др.-инд. *viś-* 'сельская община' (в других индоевропейских языках другие огласовки) [Зализняк 1962, 37].

Балто-славянско-иранские сходжения: *bľxa* — лит. *bluša* 'блоха', афг. *vraža* (из праиран. **brušā*) 'блоха', ср. арм. *lu* 'блоха' < **bhlušā*; *bьdrь* — ав. *zəni-budra-* 'быстро просыпающийся', лит. *budrūs*; *čarь, čara* — ав. *čārā-* 'средство, способ помощи, лекарственное средство', перс. *čāra* id.; лит. *kēras* 'колдовство', *kerėti, kerii* 'очаровывать, околдовывать; сглазить'; *gojь, gojiti, gojō* — ав. *gaya-* 'жизнь, образ жизни'; лит. *gajūs* 'здоровый, легко выздоравливающий' (ср. инд. *gāya-* со значениями 'дом; домашнее хозяйство; домочадцы'); *jęзык* — ср. ав. *hižū-(m)* и лит. *liežūvis* (названия языка несводимы к одной индоевропейской форме; славянские, иранские и балтийские формы сходны в том, что возводятся к основе муж. рода на *-ū* — редкий и.-е. тип); *kirь* — др. перс. *kaufa-* 'гора, холм', ав. *kaofa-* 'гора, холм, горб верблюда', перс. *kūh* 'гора', лит. *kaiūpas* 'холм, куча' (ср. также др.-в.-нем. *houf* 'куча', нем. *Haufen*); *krьтъ*, рус. *корно-* и т.д. — ав. *karəna-* 'глухой', осет. *kur-, kul-, k'ul-* в словах, обозначающих дефекты (ср. осет. *kur-æf-cæg* 'короткошей', *sænkul* 'безрукий'), перс. *kar* 'глухой', сар. *čūnn* 'глухой', лтш. *kuīns, kuīls* 'глухой', ср. также др.-инд. *kīrṇā-* 'поврежденный, изуродованный', *karṇā-* 'с отрезанными ушами'; *mьdrь* — ав. *mazdra-* 'мудрый', ср. лит. *mandrūs* 'бодрый; гордый, самодовольный', лтш. *muodrs* 'бодрый, живой', ср. также ав., др.-перс. *Mazda-* — имя верховного божества, др.-инд. *mēdhā* 'мудрость, мысль'; др.-в.-нем. *muntar* 'живой, бодрый', нем. *munter*; *město* — ав. *maēdana-* 'место пребывания, дом', *miḍnāiti* 'живет, обитает', лтш. *mist, mitu* 'жить'; *pьzi* — ав. *pərəsu-* 'ребро', ср.-перс. *pahlūk* — то же, осет. *fars* 'бок, сторона', лит. *piršys* 'грудь (лошади)', но ср. также др.-инд. *pārśu-* 'ребро, кривой нож, серп'; *pьsati, pišō* — др.-перс. *ni-pišta-* 'написанный', *ni-pištanaiy* 'написать', др.-прус. *peisāi* 'пишут', *peisāton* 'написанное' (за пределами балто-славянских и иранских — только в тох. В *piḥkam* 'пишу'; в других и.-е. языках этот глагол имеет более общее значение); *pьdь* — лит. *rinda* 'ряд' и др. — ср.-перс. *rand* 'след'; *ritь* 'podex, pates' — пехл. *rit*

'podex' (ср. др.-иран. *ri-* 'сасать'), лит. *rietas* 'верхняя часть бедра'; *sirь* — ав. *saē-* 'сирота, сирый', лит. *šeirys* 'вдовец', *šeirė* 'вдова'; *svęть* — ав. *spanta-* 'святой' (ср. *spānah-* 'святость', *spanyah-*, *spāništa-* — степени сравнения), др.-перс. **santa-* (судя по заимствованному арм. *Sandaramet* — 'святая Арамат'), лит. *šveñtas*, др.-прусс. *swenta-* (в топониме), лтш. *svinēt* 'праздновать'; *tešti, tekь* — ав. *tačaiti* 'течет, бежит', *vi-taxti-* 'разлив', осет. *tæзун* 'течь', лит. *tekėti, tekū* 'бежать, течь' и др. (ср. др.-инд. *tākti* 'спешит, устремляется'); *vesti, vedь* в значении 'женюсь (на ком.-л.)' — ав. *upa-vaḍau-* 'жениться (на ком.-л.)', лит. *vėsti, vedū* — то же; *věть, věšte, věštati* — ав. *vaēdanti* 'они устанавливают по суду', *vaēdā-* 'судебное постановление', др.-прусс. *waiitāt* 'говорить' [Зализняк 1962, 38].

Предполагаемые заимствования из иранского в праславянский или в восточнославянский: **ašterь* — перс. *aždar, aždahā* 'дракон' (ав. *ažiš dahāka*); *čaša* — из иранского (из косвенных свидетельств: др.-инд. *caṣaka* 'чаша', арм. *čašak* 'чаша'), ср. др.-прусс. *kiosi* 'бокал' (заимствование из славянского маловероятно); *čрьтогь* — из иранского (перс. *čār-tāg, čahār-tāg* 'четырёхгранный купол') через тюркское посредство (ср. более позднее русское заимствование *чердак*); *xomēstorь* — к иранскому (типа ав. *hamaēstar* 'Feind, der zu Boden wirft'); **xmeľь* — с ъ после х не засвидетельствовано и восстанавливается по среднегреческому заимствованному *χομμελι* — ав. *haoma-* 'священный опьяняющий напиток и соответствующее растение' (распространение слова велико: волжско-булгарское, вогул., чуваш., венг., фин., др.-сканд., др.-в.-нем. и др.), отсюда возможность разных предположений (например, о тюркском или древнескандинавском источнике заимствования); **gulja-* — др.-иран. **gaunya* от **gauna-*, ср. ав. *gaḍna-* 'волосы, цвет волос; цвет', осет. *γун* 'шерсть', перс. *gūn* 'цвет'; рус. *ирей, вырей, вырай* — иран. *airya-* 'арийский' (*ирей* — 'край «арийская земля»' с *air* > *ir* в североиранском; рус. *корда* 'короткий меч' и др. — иранское заимствование (ав. *karəta-* 'нож', перс. *kārd*) — прямое или через турецкое посредство; **korguљь* — тюркского или иранского происхождения (ср. перс. *kargas* 'черный гриф', ав. *kahrkāsa-* букв. 'куроед'); *měдь* — В.И.Абаев возводит к названию страны Мидии, считая, что здесь имеет место перенос названия страны на вывозимый металл (имеются аналоги); *mogyла* — ав. *maγa-* 'яма, дыра', при сравнении в литературе славянского слова с иран. **magu-ulā* 'маговская высота', с сакским *ula* = ав. *əṛəḍwa-* 'высокий' (и другими этимологиями, ср. алб. *magulë* 'холм', рум. *magură* 'холм'); **raљь* — др.-иран. **rāy-* 'богатство, счастье, блаженство'; *равньь*, др.-рус. *ровньь* и т.д. — из ав. *ravan-* 'ровное место,

долина' (хотя значение авестийского слова спорно; есть мнение и об исконном родстве с ав. *ravah-* 'свободное пространство', герм. **rūma-* — то же, др.-прусс. *arwis* 'верно, конечно'; *rota* — ср. др.-инд. *vratá-* 'обет', ав. *urvata-* 'решение, постановление' (предполагают или заимствование, или исконное родство, однако это скорее — по Трубачеву: *rota* < **roktā*); *syto* — из иранского *sata-*? (при несомненном иранском происхождении фин. *sata* и крым.-татар. *sada*) либо собственное развитие из индоевропейского; рус. *собака* — версия об иранском происхождении — старая и распространенная: из ср.-иран. **sabāka*, ср. мид. *спаха* у Геродота, совр. габри *s^aba(h)*; есть предположения об иноязычном посредничестве и внутриславянском развитии; *toporь* — наиболее надежное из всех предполагаемых иранских заимствований в праславянский, ср. др.-перс. **paraδu-*, осет. *færæt*, в части иранских языков с метатезой: бел. *тапар*, перс. *tabar* и т.д. Возможность турецкого посредства исключена из-за интервокального *-p-*. Распространение слова велико: арм. *тапар*, чер. *тафар*, фин. *tappara* (последнее — из слав.?) и др.; **vatra* — ср. ав. *ātar-* (косв. пад. *āδr-*, *āir-*) 'огонь', пехл. *ātur*, перс. *āzar* (*ādar*), осет. *art*, но ср., с другой стороны, алб. *vatrë*, рум. *vatră*; *vina* — из иранского **vināh-* (ср.-перс. *vināδ* 'грех', перс. *gunāh*), внутриславянское объяснение связывает слово с *война*, *воин* и т.д., далее ср. лтш. *voīna* 'вина' и др., др.-инд. *vēti* 'преследует'; рус. *ворс* — заимствовано из др.-иран. **varsa-* 'волос', ср. слав. **volso-* [Зализняк 1962, 41].

Далее в работе А.А.Зализняка рассматривается возможное влияние славянского на североиранские языки, т.е. на скифо-осетинскую группу. В частности, приводится мнение В.И.Абаева о том, что осет. *xumællæg* 'простой, простак' зависимо от др.-рус. *къмьль*, с тем же соотношением, что и в осет. *xumællæg* 'хмель' ~ рус. *хмель*. Интересна датировка, если это слово заимствовано из славянского в осетинский. Предполагается заимствование из славянского в осетинский ряда других слов в [Аб. ИЭСОЯ], см.: *byran*, *сæδ*, *fæxt*, *g'ymīry*, *ilæ*. Интересны реконструированные скифские формы *gasti* 'гость', *zevak* 'ленивый' и некоторые другие, притом что в *gasti* можно усмотреть не только славянское, но и германское влияние.

А.А.Зализняк рассматривает здесь также славянско-иранские сходения в мифологической и религиозно-этической области (там же, 41–44), на которых нет возможности останавливаться, поскольку это предмет отдельного профессионального исследования.

Таким образом, в данной работе практически впервые не только собран богатый материал иранско-славянских лексических сходений,

но и предпринята попытка их хронологической и географической классификации.

В настоящее время не все из рассмотренных здесь иранских этимологий имеют подтверждение (некоторые получили иное этимологическое объяснение), не все сопоставления принимаются славистами, не все действительно общие слова свидетельствуют об общности языков (продолжение во многих из них единых индоевропейских слов в данном случае не показатель особо близкого родства) и т.д., однако работа А.А.Зализняка оказала существенное влияние на дальнейшие исследования в этой области, стимулировав системное рассмотрение лексических схождений двух ветвей индоевропейской семьи.

§ 15. Значительная часть перечисленных сопоставлений, приводимых А.А.Зализняком, вскоре была оспорена О.Н.Трубачевым (см. [Трубачев 1967, 3 и сл., особенно 21 и сл.]). Справедливо отметив, что сравнение материала славянских и иранских языков должно исходить из концепции не «общеславянские» слова из «монолитного» иранского, а с учетом локальных форм, автор рассматривает конкретные иранские и славянские этимологии, уделяя особое внимание не только хронологическому и географическому распределению схождений, но и семантической группировке общих или заимствованных слов. При этом из списка схождений он удаляет слова ономастопозитической природы, типа слав. *vękatī*, **vępiti* и др., служебное слово междометного характера (слав. *bo*), местоимения и наречия, имеющие соответствия и в других индоевропейских языках (т.е. входящие в число архаизмов, общих и для других языков), а также ряд полноточных слов с теми же этимологическими характеристиками, т.е. не ограниченные славянским и иранским миром, например, слав. *briiti*, *xvorъ*, *divo / divъ*, *kry* и многие другие (список таких «удалений» см. [Трубачев 1967, 21–22]). Отведены также инновационные слова, возникшие на славянской почве, и слова с неточными и неясными этимологиями (там же, 22–24).

Тем самым в качестве иранских элементов в славянском О.Н.Трубачев оставляет только небольшую группу слов — «культурных терминов»: слав. *kotъ* 'загон, небольшой хлев', *čьrtogъ*, *gun'a*, *kordъ*, **korguъ*, *toporъ*, а также стоящее особняком слово *bogъ*. Под определение «общеславянское» из них подходят только три: *kotъ*, *gun'a* и особенно *toporъ* (там же, 24), остальные остаются региональными: *čьrtogъ* — южнославянское, **korguъ* — западно- и южнославянское, а *kordъ* имеет довольно позднее распространение на большую территорию. Таким образом, наиболее старыми иранизмами оказались *kotъ*

и *toporъ*, причем их распространение уходит далеко за пределы славянского пространства.

Особое внимание уделено слову **boгъ*. Здесь подчеркивается важность различения двух аспектов проблемы: 1) документированного наличия общего терминологического значения 'Бог' у данного слова и 2) вероятного более широкого распространения слов с этим корнем, но без данного значения (в других языках) [Трубачев 1967, 26–27]. Сравнивается также отражение этого слова в иранской и славянской антропонимии (там же, 28 и сл.).

Важным представляется рассмотрение свидетельств различных групп славянских языков о более поздних иранских заимствованиях, которые в разных группах славянских языков неодинаковы.

Констатируется, что следы иранских заимствований в южнославянских языках немногочисленны, но существенны: ср. этноним **xъrvatъ*, видимо принесенный этносом вместе с собой из тех мест, где он контактировал с иранским миром [Трубачев 1967, 35–36]. Отмечаются также поздние иранизмы, проникшие сюда через тюркское посредство (там же, 37).

Восточнославянские иранизмы охватывают небольшую группу слов, однородных по составу, семантической принадлежности и по хронологии. Различаются старые русские иранизмы, старые украинские иранизмы и поздние русские иранизмы. К восточнославянским иранизмам О.Н.Трубачев относит рус. *стень*, укр. *стен*, которые Г.Бейли сближает с осет. диг. *г'æpæп* 'плоский, ровный' из иран. **tap-* 'плоский' из общего и.-е. *(*s*)*tep-* 'быть плоским, ровным, низким' [Bailey 1963, 83 и сл., 87], — на правах родственных образований из единого индоевропейского источника [Трубачев 1967, 38]. Необходимо отметить, что сопоставление с осетинским словом отвергается В.И.Абаевым [Аб. ИЭСОЯ III, 354]. Заимствованным из иранского источника может считаться рус. *сапог*, др.-рус. *сапогъ*, ст.-слав. *сарогъ* — из иран. формы *saraga-* < **sapaka-* — производного от обозначения копыта, ср. ав. *safa-* 'копыто', сак. *saha-* — то же (при верш. *sara* 'копыто', буруш. *sap* — из предполагаемого Г.Моргенштерне ваханского **sap(ak)*, см. [Morg. IFL II, 458; Bailey 1958, 137]). Ср. нем. *Huf* 'копыто' из и.-е. **kāp-*. В качестве прототипа О.Н.Трубачев восстанавливает др.-иран. **sāpa-* [Трубачев 1967, 39–40].

Так же подробно рассматривается еще одна группа восточнославянских слов, относящихся к бытовой сфере и трактуемых как иранские заимствования относительно позднего периода: рус. *штаны*, связываемое с ав. *paiti-štāna-* 'нога'; южнорусское диалектное *баз* 'скотный двор, стойло, загон' — из иран. **baza-* < **ura-aza-* (ср. ав.

ира- и корень *az-* 'гнать', при отсутствии осетинского соответствия); рус. *морда* — из иран. **m̥da-* (ср. ав. п. *mərəða* 'голова', родственное др.-инд. *mūrdhā* 'острие, верхушка, голова, лоб', др.-англ. *molda* 'макушка') [Трубачев 1967, 40–41].

Особое внимание уделяется заимствованному из иранского источника укр. *хата* 'сельский дом, мазанка', которое распространилось из украинского в другие языки. Слово связано с иран. **kata-*, ср. ав. *kata-* 'комната, кладовая, погреб' и является лексикализованной причастной формой от глагола **kan-* 'копать, рыть', обозначавшей первоначально, по-видимому, землянку. Очевидно, украинское слово отражает местную произносительную иранскую норму в этом производном или во всех производных от этого глагола, ср. слав. *коѣ* 'хлев' от того же иранского производного, заимствованного, вероятно, в другую эпоху, а главное — из другого диалекта (там же, 41–42). О фонетическом явлении колебания **kx* в этом глаголе в иранских языках см. [Абаев 1956 (II), 442–449], о причинах этого явления см. также раздел «Фонетика и фонология», § 25.

Таким образом, восточнославянские иранизмы, по мнению О.Н.Трубачева, носят относительно поздний характер и не отражают древнейших иранско-славянских отношений [Трубачев 1967, 43].

Определенный интерес представляют иранизмы в западнославянском, главным образом в польском языке, в качестве которых О.Н.Трубачев трактует польск. *baczyć* 'видеть, смотреть, замечать, наблюдать' (откуда заимствовано в украинский, белорусский) из **ob-ačiti*, с ним сопоставляется ряд иранских форм: ав. *aiwyaḥšaya-* (през. осн.), *aiwyaḥštrāi* (инф.) 'наблюдать, оберегать, блюсти', хор. (')*βуху-* 'учить(-ся); хранить в сердце' < **abi-axšaya-* [Henning 1958, 116], возможно, также ягн. *yaḥš-* — все из вост.-иран. **abi-axšaya-* со всеми этими значениями, связанными в конечном счете с **axši-* ~ слав. *ak-* < и.-е. **ōk-*. Таким образом, слав. **ob-ačiti* и иран. **abi-axšaya-* — совместная ареальная словообразовательная инновация [Трубачев 1967, 44–47]. Аналогичным образом рассматриваются другие польские слова, например польский глагол *patrzeć*, *patrzeć* 'смотреть, видеть', имеющий соответствия и в других западнославянских языках (предполагается связь его с авестийским инфинитивом *pādrāi* 'стеречь, охранять, защищать', ср. *pādra-* 'защита, охрана') и восходящий к **patriti*, проникшему из скифо-сарматских диалектов еще в I тысячелетии до н.э. (там же, 47–51). Польское диал. *szatrzeć* 'знать, смыслить, понимать толк, уметь', ст.-польск. *szatrzeć się* 'смотреть, быть осмотрительным, внимательным' и диал. *szatrac* 'видеть, помнить' и соответствующее чеш. *šetřiti* 'беречь, экономить,

уберегать, блюсти, соблюдать' — из праслав. диал. *šatriti — сравниваются О.Н.Трубачевым с незасвидетельствованным иранским отыменным глаголом *xšatraya- от имени *xšatra-, ср. ав. xšaθra- 'власть, господство, царство, владение', др.-перс. xšāca- 'царство' и т.п., который мог быть усвоен, как и предыдущий глагол, до того, как в скифских диалектах произошла метатеза *tr > rt [Трубачев 1967, 51–55]. Отмечается еще целый ряд лексем, проникших в прапольский из иранского источника (там же, 55 и сл.).

Немалый интерес представляют собой скифо-славянские отношения в области ономастики: влияние иранских собственных имен усматривается здесь не только в этимологии составляющих их корней, но и в словообразующих моделях, прежде всего в поддержке иранскими именами-композиатами принципа их построения путем композитного словосложения. При этом выбор самих основ, их этимология и семантика могут совпадать в этих двух языковых стихиях далеко не всегда: ср., например, скифо-сарматские антропонимы с компонентом *aspa- 'конь, лошадь', притом что в засвидетельствованных славянских антропонимах коневодческая тематика не отражена [Трубачев 1988, 9]. К тому же в создании композитов скифо-сарматской антропонимики помимо исконных участвовали также индоарийские основы (там же). Следует отметить, что антропонимы с коневодческой (и иной животноводческой) тематикой вообще были свойственны древним иранским языкам, что фиксируется авестийским (ср. имена Заратуштры и его родителей) и отражено в виде заимствований или передачи иранских имен в других языках, начиная с глубокой древности, см., например, древнеперсидские и мидийские имена с *aspa- в виде *aspaça- — имя собственное, букв. 'лошадка' в эламском источнике, *aspadāta- в греческом источнике, см. [Hinze 1975, 43].

Вместе с тем многие имена, особенно религиозные, усваиваются славянами из скифских и других иранских языков Северного Причерноморья (часть из них имеет соответствия и в иранских языках западной генетической группы — древнеперсидском и мидийском), а также из языка (или диалектов) индоязычных племен (непосредственно из диалектов синдов или через посредство скифо-сарматских диалектов).

Так, имя божества Сварог — Svarogъ, связанное с инд. svār-, sūar- ~ ав. hvarə- 'Солнце', всесторонне обсуждалось в литературе (отражено также в [Зализняк 1962, 43], см. выше). В связи с этим рассматриваются и слав. varogъ 'сокол', которое у западных славян имеет значение 'демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух,

демон' и которое заимствовано из древнеиранского, и ряд других слов этого семантического круга [Трубачев 1967, 64 и сл.]. Об укр. *Вій* см. выше, § 8.

Характерно также воздействие иранского мира на славянский в выработке некоторых социальных, общественных терминов. Сюда относятся упоминавшиеся выше слова типа польск. *pan* 'господин, хозяин, владелец', ст.-чеш. *hrán*, чеш. *pán*, словац. *pán*, из этих языков — заимствования в укр., белор. *пан*, лит. *pánas* и др., которые возводятся к локальному праслав. **gъrаnъ*, рассматриваемому как заимствование из иранского **gi-rāna-* или **gai-rāna-*, ср. пшт. *γobā* [Трубачев 1967, 71–75]. В [ЭССЯ-7, 197–198] слав. **gъrаnъ* рассматривается как заимствование из скифского в западнославянские в эпоху скифских походов около V в. до н.э. (К этому можно было бы добавить ср.-перс. *gurrān* 'пастух' и тадж. диал. *gibonak* 'пастушок', фонетический облик которых указывает на иранский прототип с огласовкой **gi-*, а не **gai-*.)

Представляет интерес сам вывод О.Н.Трубачева из рассмотрения стратификации иранских параллелизмов и прямых заимствований в славянских языках. Он считает, что «наиболее древние и кучные» явления этого плана приходится не на восточнославянские языки, а на часть западнославянских. В польском словаре содержится большое количество заимствований, причем в большей части своей архаических и убедительно этимологизируемых, которые автор называет «*rolono-igancica*» [Трубачев 1967, 81].

§ 16. Дальнейшие исследования лексических сходжений иранских и славянских языков помогают не только выявить новые семантические группы слов и уточнить время и место контактов, но и определить характер этих контактов. Ср., например, исследование В.И.Абаева о происхождении названия меди в славянских языках от названия Мидии [Абаев 1957], за которым последовал анализ целого пласта наименований металлов, материалов, предметов обихода, происходящих от названий стран и местностей их изготовления и экспорта (см. с дополнительной аргументацией — по разным бытовым и прочим понятиям в осетинском [Абаев 1986, 23–25]). Существенны также лексические сходства (о заимствовании или исконном происхождении представляющих их слов нет единого мнения) между иранскими и славянскими языками в области передачи абстрактных понятий и др. (ср., например, мнение В.И.Абаева о происхождении ряда славянских слов из иранского источника, например слав. *азъ*, *тирь* и др. [Абаев 1995, 633]).

Разумеется, заимствования — и обусловившие их контакты — могли быть не только разновременными, но и проходящими через

различные зоны контактирования. Среди иранско-славянских контактов и соответственно пластов заимствованной лексики различаются несколько видов, относящихся к разным эпохам и разным ареалам.

Сюда относятся не только скифские разновременные заимствования в разных славянских языках и диалектах, о которых говорилось выше (и изучение которых себя еще не исчерпало), но и столь же древние заимствования (возможно, через посредников) из древних языков западноиранской генетической группы — древнеперсидского и мидийского. Вхождение их в славянские языки происходило в различных ареалах.

Заслуживают внимания и более поздние — средневековые заимствования в русском языке, в основном из персидского (также, возможно, частично через посредников), связанные с проникновением в русский фольклор, а затем и в литературу персидских сюжетов, персонажей легенд, преданий, фольклорных и авторских сочинений (см. главным образом труды В.Н.Топорова [Топоров 1969, 1978, 1979, 1983, 1989, 1995] и др.).

Интерес представляет пласт славянской лексики, обязанный процессу проникновения из персидского языка торговой терминологии — названий денежных, весовых и прочих единиц, мер и др. Например, рус. *аршин*, отнесенное М.Фасмером [Фасмер 1, 92] к тюркским заимствованиям, является на самом деле проникшим через тюркское посредство древним иранизмом, в фонетическом облике которого просматривается древнеперсидское развитие из праиранского **aratni-* 'локоть (анат.)', давшее др.-перс. *arāšni-* 'локоть (мера длины)' [Barth. AiW, 196]. Основным ареалом таких контактов, во всяком случае, торговых, служили, по-видимому, Каспийско-Приволжские земли. Однако территория влияния иранских языков в торгово-хозяйственной терминологии была более широкой, о чем говорят иранские заимствования и в других языках. См., например, иранские числительные в языке готов Крыма: *sada* 'сто', *hazer* 'тысяча', из которых первое могло быть заимствовано из скифо-сарматских диалектов или персидского, второе — из персидского (ср. несколько иную трактовку источников заимствования в [Ross, Berns 1992, 620, 682, примеч. 319–320]).

Ареал контактирования особого рода может обнаружиться в русских говорах на территории Сибири: не исключено проникновение в них — в основном через посредников — слов скифского, согдийского или иного иранского происхождения, учитывая давние кочевья скифов по широкому ареалу, а также согдийские и другие колонии на территории Восточного Туркестана (материал см. [Аникин 1995 (III), 1997]).

Небольшое количество слов из различных иранских языков поступало от путешественников и купцов в результате «Хожений».

Характерен и обратный процесс, также требующий своего осмысления и стратификации лексики: исследование русизмов в персидском, гилянском и других языках севера Ирана (см., например, гил. *lotka* 'лодка'). Поздние русизмы распространены в таджикском, татском, талышском, в языках Западного и Южного Памира, как и в других языках народов бывшего СССР. Все эти процессы имеют свою специфику и требуют к себе внимания лексикологов. Любопычны в этом плане возможные «челночные» заимствования: так, рус. *чемодан* усвоено через тюркское посредство из персидского [Фасмер 4, 332], ср. кл. перс. *jāma-dān* 'вид сундука' (из *jāma* 'халат' с суффиксом вместилища *-dān*, как *namak-dān* 'солонка' от *namak* 'соль' и т.п.), совр. перс. *jāme-dān* 'сундук; платяной шкаф; чемодан'. В XX в. это слово было заимствовано из русского в таджикский язык в форме *čamadon* 'чемодан', однако сохраняется (во всяком случае, в диалектах) и исконное продолжение *jāma-dān* в виде *Jomadon* в значениях 'короб (деревянный) для одежды; сундук для одежды'.

Немалый интерес представляют и общие архаизмы, не имеющие, правда, доказательной силы при определении степени родства языков, и потому не акцентированные особо в предыдущем изложении, но тем не менее существенные для отделения исконной лексики от заимствованной. Для иранских языков это имеет особую значимость, поскольку далеко не вся лексика зафиксирована в древних памятниках, и выявляемые из живых «малых» языков архаизмы (чисто лексические, например, праиран. **nakt-* 'ночь', **anguli-* 'палец', или историко-фонетические, такие, как **šuan-* 'собака', **ašua-* 'лошадь' и др.) способны существенно откорректировать наши представления о наиболее архаичном состоянии исконного иранского лексического фонда и, следовательно, о возможных лексических заимствованиях и позднейших фонетических, семантических и иных трансформациях лексем в различные эпохи в разных регионах иранского мира.

Изучение результатов старых контактов — прямых или через посредников — потребует еще многих конкретных этимологических исследований. Однако до публикации более или менее полных этимологических словарей славянских и иранских языков списки слов, которые могли быть заимствованы или видоизменены (в фонетическом или семантическом аспекте), будут заведомо неполными, не всегда точными и, уж во всяком случае, спорными.

§ 17. Кроме собственно лексического состава внимания к себе требует и огромное поле словообразовательных изоглосс, которые

могут быть как поздними, совпадающими чисто типологически (отчасти благодаря сходству порождающих их синтаксических микроструктур), так и ранними, частично унаследованными из индоевропейского, частично связанными с иррадиацией словообразовательных моделей из единого древнего центра и т.д. Даже сугубо предварительные наблюдения дают много интересного в плане возникновения и ареалов бытования словообразующих элементов и моделей, их связи с определенными этнокультурными традициями.

При определении степени генетической близости языков продуктивными представляются поиски материальных словообразующих элементов, этимологически единых для иранских языков с индоевропейскими языками Европы, включая славянские. В этом аспекте успехи славистов в использовании данного фактора — единства словообразующих элементов — при определении большей или меньшей степени родства разных славянских языков и языковых групп, входящих в славянскую семью, заслуживают особого внимания. Работы этого направления (см., например, [Бошкович 1984, 130–297, особенно 130–142; Варбот 1983, 1984]) не только важны собранным огромным и тщательно систематизированным материалом, но и ценны как методический инструктивный образец для дальнейших аналогичных исследований иранского материала, а также его сравнения с другими языками, включая славянские.

§ 18. Праиранское именное словообразование, известное в основном по реконструкции праиранского словаря и особенно тщательно описанное в работах, посвященных языку Авесты [Bartholomae 1895; Barth. A*W*, 1914–1999; Reichelt 1909; Соколов 1961, 41, 1979, 163–166; Kellens 1974; Beekes 1988, 104 и сл.], обладало богатым инвентарем, хотя продуктивность тех или иных словообразовательных элементов может быть расценена различно, как и соотношение содержащихся в нем архаизмов и инноваций. В принципе оно аналогично индоиранскому. В более поздних языках состав словообразовательных элементов существенно изменяется, а древние функции и точное звучание многих аффиксов и исходов именных основ уже прослеживаются с трудом. При неравномерной изученности словообразования в разных иранских языках не-древнего периода сравнивать системы словообразующих элементов иранских языков даже между собой бывает иногда затруднительно. В связи с этим сравнение их с системами словообразования в славянских языках — дело будущего. Здесь придется ограничиться лишь отдельными фрагментами.

Для праиранского состояния реконструируется, помимо разных именных основ (рефлексов доиранского словообразования), большое

количество производных основ имен, особенно суффиксальных и композитов. Последние были весьма развиты, и в них объединялись основы разного типа — именные и глагольные.

Важным для праиранского состояния и для древнеиранских языков было противопоставление имен по роду, которое выражалось прежде всего противопоставлением исхода основ и суффиксацией. Для имен мужского и среднего рода были характерны: 1) тематические основы, включая бывшие корневые, имеющие отчетливую тенденцию к тематизации (в более поздние периоды эта тенденция реализуется уже не наращением тематического показателя *-а, а просто затуханием системы древних перегласовок корня, свойственной корневым основам); 2) суффиксы, среди которых ведущее место занимает субстантивирующий (далеко не всегда уменьшительный) суффикс *-ка. Для имен женского рода генерализуются — индивидуально по языкам — следующие средства: 1) исход основ на -ā, -ī, -ī, которые со временем при морфологическом переразложении основ в отдельных языках становятся как бы агглютинативными суффиксами женского рода; 2) суффиксы: -ika, а также особо продуктивный впоследствии во многих языках -čī.

Позднее — при редукции конечных гласных слова — гласные -ā, -ī, -ī, а также огласовки суффиксов, влиявшие на корневую гласную, вызывают явление умлаута. Такова, например, генерализация суффикса *-ā в раннем пашто, результировавшая в современном пашто в частотном конечном -а имен женского рода; то же — в мунджанском языке, с характерным для него современным исходом имен женского рода на -а (йд. -о) из *-ā, притом что в языках шугнано-рушанской группы генерализующими были основы мужского рода на *-а, женского рода — на *-ī (реже — на *-ā), с последующим пересмыслением и других древних имен на *-i как относящихся к женскому роду. См., например, шугн. *zīr* ж.р. 'камень' < *gari-, ср. ав. *gairi-* м.р. 'гора'. Ср. шугн., руш., барт. *kud* 'пес, собака' < *kuta-, но *kid* 'сука' < *kuti-; шугн. *vōrj* 'конь' < *bāraka-, но *vērj* 'кобыла' < *bāračī- (то же соотношение в язг. *varág* 'конь' ~ *verj* 'кобыла'); ср. также язг. *māw* 'баран' < *maiša-, но *taw* 'овца' из *maišā- (с а-умлаутом) или *maišī- (с i-умлаутом), которые в данном случае совпадают. См. также поздние образования имен женского рода от имен мужского рода перегласовкой корня по типу i-умлаутной или а-умлаутной огласовки: см. уже упоминавшееся шугн. *nibēs* 'внучка' — от имени м.р. *nibōs* 'внук'.

С постепенным отмиранием среднего рода (в языках, последовавших за древнеиранскими, отмечаются лишь его этимологические

рудименты) сходное со славянским противопоставление имен мужского ~ женского рода при помощи наличия ~ отсутствия суффикса встречается и в языках этого периода, однако закономерность маркированности ~ немаркированности имени суффиксом или его рефлексом в виде умлаута (а главное — инвентарь суффиксов) бывает существенно различной.

Примеры вторичной суффиксации при выражении рода, до некоторой степени аналогичной славянской (но с иным словарным распределением рефлексов древних суффиксов), см., например, в словах: шугн., барт. *wīrj*, руш., рош. *wurj* 'волк' < **urka-*, но рош. *warjan* 'волчица' < **urki-nā-* (ср. др.-инд. *vrkī-* 'волчица' из и.-е. **urk^h-*), при шугн., барт. *wirjin*, руш. *wurjin* 'волчица' из той же праформы, но с заменой *-j-* (из **-k-*) на *-z-* (из **-j-*, **-ǰ-*) по аналогии с именами женского рода с суффиксом **-čī-*, продуктивными образованиями в языках шугнано-рушанской группы. Обратный случай — шугн. *maŕ*, руш., хуф. *mēw*, барт. *māw* 'овца' < **maiša-* // **maišī-*, но шугн. *miŕij*, руш. *tawoj*, барт. *tawōj* 'баран' < **maiša-ka-*, где необходимость суффикса мужского рода **-ka-* в относительно недавнем прошлом была вызвана совпадением в словах, обозначающих овцу, рефлексов двух различных раннешугнано-рушанских огласовок: нейтральной огласовки основы с исходом на **-a* (признака муж. рода), т.е. **maiša-*, и *i*-умлаутной огласовки основы с исходом на **-i* (признака жен. рода), т.е. **maišī-*. Маркирование суффиксом мужского рода **-ka* восстановило противопоставление этих слов по роду.

Подробнее об истории категории рода, ее материального выражения и семантических трансформаций см. [Ефимов 1975 (I, II), 251 и сл.].

§ 19. Праславянскому языку свойственно развитие суффиксации, а не композитов, которые в качестве словообразовательной категории были минимальны (в отличие от праиранского); их более позднее частичное развитие в славянских языках (в частности, в антропонимике) представляет собой результат влияния других языков, включая иранские.

Отмечается развитие большого количества суффиксов (более 150 вместо 98 индоевропейских [Бошкович 1984, 132–133]). Характеристике типов основ и перечень суффиксов см., например, [Бернштейн 1974, 83 и сл., 132 и сл.; Бошкович 1984; Варбот 1984, 16 и сл.].

В дальнейшем в различных группах славянских языков развивались разные суффиксы (факт, который для иранских языков пока трудно проследить ввиду неравной изученности в них словообразования). При этом для праславянского реконструируется суффиксальное

противопоставление имен мужского ~ женского рода, до некоторой степени аналогичное иранскому: дублиеты *-iьь*, *-ьсь* // *-i-кьь*, *-ькьь*, *-ькьь* в именах существительных мужского рода, *-iца* // *-ька*, *-ька* в именах существительных женского рода и *-ьсе* // *-ько*, *-ько* в именах существительных среднего рода. Развитие и продуктивность этих суффиксов представляют картину позднейшего соотношения суффиксального словообразования в южнославянских языках по сравнению с восточно- и западнославянскими [Бошкович 1984, 136].

Дальнейшее развитие суффиксации имен при выражении категории рода привело также к сходному с иранским результату: имена женского рода на **-i* получают дополнительный суффикс, т.е. оппозиция, например, типа **vьlkь* 'волк' ~ **vьlči* 'волчица' оказывается недостаточной, и имя женского рода дополняется суффиксом: старая оппозиция **vьlkь* ~ **vьlči* сменилась оппозицией **vьlkь* ~ **vьlčika* > **vьlkь* ~ **vьlčica*, откуда сербскохорватская пара *vuk* ~ *vučica*, при наличии и суффиксальных оппозиций в языке типа схрв. *stарац* ~ *stарица* [Бошкович 1984, 144–147].

В праславянских словах женского рода имеются образования с суффиксами, но есть и бессуффиксальные (ср. *bogyn'i*, **orbyn'i*, *sošēdyn'i*, но и *svekry*, *jetry*, *neploďy*, **zьly*), а существительное мужского рода **svekьrь* — производное от *svekry* с формальным выражением отношений рода: **svek-ьrь* : **svek-ry* с общим корнем (но не с основой мужского рода) (там же, 164).

В целом в праславянском языке существительным были свойственны три типа выражения рода: **vьlkь* ~ **vьlči*, **bogь* ~ **bogyni* и **orbь* ~ **orba*. Первые два изменили свой тип на **vьlkь* ~ **vьlčica*, **bogь* ~ **bogyni* и в этом виде стали в славянских языках продуктивными. Третьи сохранили старое соотношение (там же, 166). При обозначении лиц женского пола из суффиксов продуктивны *-ka* и *-ica* (примеры см. там же, 185).

§ 20. Особую ценность для изучения славянского словообразования представляет четкая разработанность роли аблаута (первичного и вторичного) в разных праславянских словообразовательных моделях (включая суффиксальные и без суффиксов [Варбот 1984]). В иранских же языках с их изначальным (еще с общеарийских времен) совпадением всех индоевропейских гласных и слоговых вариантов носовых сонантов в гласные фонемы **a* и **ā* древний качественный аблаут, как уже говорилось, был утрачен. Количественный аблаут во многих частностях отличен от славянского, как и его словообразовательные функции.

§ 21. Отдельный тип словообразования — отглагольные имена, в образовании которых большую роль играет аблаут. В иранских языках

это связано с подъемом огласовки, в том числе и вторичным, о котором говорилось в разделе «Элементы морфонологии».

В славянских языках, начиная с праязыкового состояния, образование имен от основ инфинитива и от основ настоящего времени глагола в общем продолжает индоевропейское. Эти имена связаны с глаголами качественным чередованием корневого гласного: ступень **o* в бессуффиксальном тематическом имени при ступени **e* в презентной основе глагола, типа **berē-* ~ **borь*, **stel'e-* ~ **stolь* и др. Эти имена исторически не являются производными от презентной основы непосредственно, их связь опосредована атематическими именами, но в период актуальности морфонологического чередования **e* : **o*, которое включает и праиндоевропейский, и ранний праславянский, эта связь стала словообразовательной [Варбот 1983, 63]. Прозрачных связей этого типа сохранилось мало, что объясняется историческими изменениями и в глаголах, и в именах: унификацией корневого вокализма соотносительных основ настоящего времени и инфинитива, фонетическими изменениями, развитием семантики имен и глаголов и их контаминацией (там же, 64).

Другая древняя праславянская модель образования бессуффиксальных отглагольных имен с морфонологическими чередованиями — с удлинением в имени корневого гласного производящей основы — не имеет рефлексов, которые однозначно могли бы быть истолкованы как производные именно от презентной основы (ср. рус. диал. *жѹга* 'острастка, наказание', схрв., словен. *žig* 'знак, печать, клеймо' и др. ~ старая основа настоящего времени **žьže-*, при инфинитиве **žegiti*), но возможно и позднее их образование от имперфективов типа **žigati*. То есть образования имен удлинением гласного были возможны, но на фоне имперфективов эта связь должна была стертись [Варбот 1983, 68].

Преобладающая модель образования славянских отглагольных имен от презентных основ — с суффиксом или без суффикса, с сохранением ступени огласовки производящей основы, а также других ее структурных особенностей: инфиксации, редупликации, старых суффиксов, чем они отличны от основ инфинитива, — возможна для позднего общеславянского и для уже разделившихся языков. Характерна и диахроническая тенденция в славянских языках, связанная с историко-фонетическими трансформациями, после монофтонгизации дифтонгов в инфинитиве. Подробнее с примерами см. [Варбот 1983, 68–71].

§ 22. В иранском глагольном словообразовании в праязыковой период, а также впоследствии, очевидно уже в эпоху существования

авестийского языка, существенную роль приобретает образование пар переходных ~ непереходных глаголов, которое было в этот период уже семантически существенным в связи с выработкой классификации глаголов по этому признаку (см. раздел «Морфология и синтаксис»). Однако формальное различие между членами этой лексической оппозиции в праязыке было слабым, оно структурировалось позднее, в том числе и под давлением различия переходных ~ непереходных конструкций в прошедших временах. В основах настоящего времени это семантическое противопоставление отразилось в виде усиления продуктивности тех классов основ, которые в какой-то мере выражали переходность (и каузативность) ~ непереходность (и пассивность, значение состояния) глагола. Произошло это в разных языках по-разному, ср., например, пары:

Основа переходного глагола	Основа непереходного глагола
инфиксальная	простая
простая	с нулевой огласовкой
с продленной огласовкой	простая
с суф. *-aia-	без него
простая	с суф. *-ia
простая	с суф. *-sa < *-sketo
с вторичной суффиксацией	—
и др.	

Из этого видно, что в диалектах праиранского состояния все эти доиранские типы основ были еще продуктивны, хотя могли иметь и не совпадающие по диалектам значения. Их поляризация по признаку переходности ~ непереходности произошла позднее и различно по языкам, причем их продуктивность по разным языкам характеризовалась различной интенсивностью и продолжительностью. (См. соотношение типов рефлексов древних основ в ряде восточноиранских языков Памиро-Гиндукушского региона [С ГОМЦ; СГВЯ-М].)

Только впоследствии, с затуханием глагольного словообразования в виде полнооформленных слов-глаголов, возможно в результате некоторой пиджинизации иранских языков при наложении их на языки аборигенного населения, развиваются новые лексические единицы — сложномысловые глаголы, состоящие из именной и глагольной частей. Эти составные единицы в разной степени «спаяны» семантически и в разной степени идиоматизированы. С их возникновением появляются иные способы передачи переходности ~ непереходности глагола, например, семантикой глагольной части. В таких сочетаниях глаголы со значением 'делать' (или семантически близкие к ним) передают

переходность, а глаголы со значением 'делаться, становиться' (и близкие к ним) — непереходность.

§ 23. В славянских языках наблюдалось большее единообразие как в первичном (с продолжением в праславянском и в отдельных славянских языках рефлексов индоевропейских презентных основ), так и во вторичном глагольном словообразовании [Мейе 1951, 161 и сл.]; при этом под влиянием продуктивных типов славянских основ оказываются другие, пополняющие впоследствии продуктивные классы.

По мнению Ж.Ж.Варбот, в сфере глагольного словообразования роль основ настоящего времени как производящих, кажется, менее значительна, чем в образовании имен, но все-таки достаточно выразительна. Они используются прежде всего как производящие основы при образовании глаголов на *-ati*, *-(j)e*; *-ati*, *-aje* и *-iti*, *-i*. Так, под влиянием славянских основ на *-i* происходит преобразование инфинитивов на *-ēti* в инфинитивы на *-iti* (ср. рус. *мнить*). Ср. также слав. **sviriti*: значение глагола (ср. др.-рус. 'играть на свирели') и производное имя **svirěbъ* позволяют восстановить древнюю *-ē*-основу. Таким образом, основы настоящего времени играли определенную роль в образовании производных глаголов (праславянского языка и позднее), а также в преобразовании старых глагольных основ; при этом пополнялись продуктивные классы (основы на *-ati*, *-je*; *-ati*, *-aje*; *-nō*; *-iti*) [Варбот 1983, 73–74].

§ 24. Из вторичных типов словообразования следует отметить образование имен при помощи префиксов — явление, ставшее обычным для иранских и славянских языков, особенно при помощи префиксов со значениями 'с-' и 'без-', хотя этимологически они не всегда совпадают в этих языковых семьях. Об этимологии префиксов со значением 'без-' в иранских и славянских языках существуют различные мнения: точке зрения об этимологическом тождестве слав. *bez*, лит. *be(z)* и кл. перс. *be*, совр. перс. *bi* и т.п. (см. [Трубачев 1983, 243–244; ЭССЯ-2, 7–10]) противостоит возведение кл. перс. *be* и его аналогов в других языках к производному от праиран. **ara-* — наречия, предлога, префикса со значениями 'от, прочь, отдельно, далеко, позади' (см. [ЭСИЯ-1, 182 и сл., там же литература]).

§ 25. Особого внимания заслуживают нечастые, но прослеживаемые этимологически в иранских и славянских языках словообразовательные модели, где в роли префиксов выступают исторически не наречные, а именные компоненты, т.е. слова, префиксальная модель образования которых восходит к модели композитов.

Один из таких типов представляют встречающиеся спорадически в иранских, индоарийских и славянских языках слова, в которых

в качестве первого — препозитивного — компонента используется слог типа *kV-* (т.е. *k* + гласный), реже *čV-*. Для иранских языков они трактуются как рефлексы праиранских основ вопросительных местоимений **ka-* 'кто, какой, который', **ča-* 'что; кто' и **ku-* 'где; что за!', восходящих к и.-е. **k^wa-*, **k^wo-*, **k^we-*, а также **k^wu-* и их производным. Аналогичные компоненты того же происхождения отмечены в индоарийских языках и в славянских — в виде **ka-*, **ko-*, **ku-*, **ča-*, **če-*. Реже отмечаются в этой функции этимологически связанные с ними полнозначные вопросительно-относительные местоимения и служебные слова и частицы в виде др.-инд. *kad* // *kat*, *kiṃ*, слав. **къ-* и т.п. (о происхождении этих местоимений см. [Рок. IEW, 644 и сл.; Мh. EWA-4, 285; Мh. EWA-5, 359]).

Как правило, слова, имеющие в составе эти компоненты, представляют собой эмоционально окрашенные имена, реже — глаголы, иногда с пейоративным значением либо включающие в круг своих значений элемент удивления, иносказания, табуированности. Слова, образованные по этой модели, всюду оказываются на периферии общего продуктивного словообразования. Тем не менее они представляют немалый интерес своей «живучестью» в разных языках.

Сопоставление таких имен в санскрите, авестийском и славянских языках дало возможность квалифицировать их как «композицы — трансформы риторических вопросов» [Оранская 1995, 192]. В древнеиндийском языке при их образовании основа *ku-* придает ведущему члену композита пейоративное значение или значение ушербности (например, *ku-grāma* 'убогая деревня; маленькая деревня; деревня, в которой нет раджи, реки и т.п.', т.е. деревня, в которой отсутствует некий необходимый для полноценности элемент; *ku-karman* 'дурное деяние'), а *ka-* усиливает оценочный оттенок и может использоваться как в положительном, так и в отрицательном плане (*kā-pura* 'какую [могучую] крепость имеющий', *ka-agni* 'маленький огонь', *kā-pathan* 'плохая дорога'); аналогичные значения придают таким композитам препозитивные местоименные элементы *kad* // *kat*, *kiṃ*, производные от вопросительных основ (там же, 194 и сл.).

Имена, построенные по сходной модели, в славянских языках прослежены уже с праславянского периода, однако часть из них отмечена лишь в отдельных языках или языковых группах. Анализ таких слов см., например, в [ЭССЯ-4, ЭССЯ-9-13; Фасмер 2]. К числу таких имен относятся (отмеченные и Т.И.Оранской) *каверза*, *каверза* < *ка-*, *ко-* + **въръз* 'вязать, плести' (ср. *каверзни* 'лапти'), *какаты* (диал.) < *ка-коты* 'что [за] башмаки', *ко-улок* 'глухой заворот; грязный, непроезжий переулоч'; **kodylba*, **kadylba* 'выбоина,

ухаб на дороге' < *ko-*, *ka-* + **dьlbtī*, **dьlbatī*, а также **kodelbina* (> морав., словац. *kolebina* 'выбоина, впадина, ущелье' через этап **kodleбина* с характерным для среднесловацких говоров стяжением **dl > l*) и **kodylbina* (> рус. *колдоба*, *колдобина* 'яма с водой', диал. калуж. *калбина* 'озерко') от **delbtī*, **dьlbr* (см. также [Варбот 1984, 114]); *кастрюк* < *ка-осет(e)р* + суффикс *-ук* 'маленький осетр', *ко-зобан* 'обжора', *ко-ржевина* 'железный нагар, окалина' и др. К ним можно добавить еще многие: см., например, праслав. **korab(r)ьje*, **korebrьje* с рефлексамии, обозначающими 'крупное ребро; скелет; хребет вместе с ребром' из **ko-* + **rebro* с суф. *-ьje*; праслав. **kokl'uka*, **kokl'иььka* — рус. *коклюха*, *коклюшка*; праслав. **kudьla* — ст.-польск. *kudla* 'прясть волос, клок шерсти' из **ku-* и корня **dьl-* с пейоративным оттенком значения [ЭССЯ-11-13] и др.

§ 26. В славянских языках с такими препозитивными элементами, возводимыми в конечном счете к индоевропейским местоименным основам, образуются не только имена (включая многие отглагольные), но и глаголы. В них, как и в группе имен данного типа, отмечаются лексемы, не обязательно общие для всех славянских языков. Это указывает либо на глубокую архаичность, либо на продуктивность или, во всяком случае, «живучесть» таких препозитивных элементов, часто придающих исходному глаголу экспрессивную семантику. См., например, праслав. **kadybatī* 'идти прихрамывая или с трудом; ковылять', откуда русские диалектные *кандыбать* и с дальнейшим развитием оттенка экспрессии — *шкандыбать* — из **ka-* и **dybatī* [ЭССЯ-9, 112]; праслав. **kьdьbьovati* (?) в возможном новообразовании в.-луж. *kedźbować* 'обращать внимание, замечать' из **kь* и глагола, родственного **dьbati* [ЭССЯ-13, 175]; праслав. **kьmětiti*, отразившееся в укр. *кметіти* 'смеяться, понимать; отмечать, примечать' (ср. глагол **mětiti*) [ЭССЯ-13, 198]; праслав. **čaběniti* (?) (рус. диал. *чабэнить* 'гнуть, ломать или коверкать') [ЭССЯ-4, 7]; праслав. **čamariti* (> рус. диал. *чмарить* 'чахнуть, хиреть') [ЭССЯ-4, 15]; праслав. **čamьrěti* (от глагола **mьrěti*) — болг. *чамрѣя* 'хворать, чахнуть' [ЭССЯ-4, 16]; праслав. **čavьrěti* от глагола **vьrěti* 'кипеть, бурлить, усыхать', откуда затем 'чахнуть, вянуть' [ЭССЯ-4, 32]; праслав. **čepuriti se* — словен. *čepiriti se* 'взъерошивать перья; дуться, важничать'; праслав. **čepužiti se* — рус. диал. *чепужитьсья* 'наряжаться; чваниться, величаться' [ЭССЯ-4, 57-58] и др.

Подробнее о компонентах **ka-*, **ko-*, **ča-*, **če-*, **kь-* и о производных с этими компонентами в славянских языках см., например, [Трубачев 1976, 175-176; Варбот 1983, 71; ЭССЯ-4, ЭССЯ-9-13; Никончук 1979], там же более ранняя литература.

§ 27. Для начального компонента иранских производных слов этого типа характерны, как говорилось выше, продолжения праиранских основ вопросительных местоимений *ka- и *ku-.

К приведенным в работе Т.И.Оранской авестийским словам: ав. п. *kū-nāiri-* 'распутница; дурная женщина' [Barth. AiW, 474] и ав. п. *ka-mərəda-* 'голова' (в применении к дэвовским существам [Barth. AiW, 440]), ср. др.-инд. *mūrdhān-* [Оранская 1995, 203], можно добавить дальнейшие авестийские сложения с ними (ср. ав. п. *θri-kamərəda-* 'трехголовый' [Barth. AiW, 806]; ав. п. *kamərəda.gan-*, *kamərədō.gan-* 'бьющий по [дэвовским] головам' [Barth. AiW, 440]), а также рефлексы этих древних образований в более поздних иранских языках. Сюда относятся продолжения этого древнего обозначения головы, уже утратившие пейоративный оттенок и соотносимость с дэвовскими существами, например, хс. *ka-mala-* 'голова', затем 'человек, личность' и 'начало' [Bailey DKS, 52]; йд. *k'emalyo* 'череп' (< *ka-mṛdaka-).

§ 28. В поздних иранских языках, включая живые языки Средней и Центральной Азии, прослеживаются образованные аналогичными способами слова, в которых в разной степени просвечивает элемент экспрессии, эмоциональной оценки «что за...!», «какой...!».

К именам (включая отглагольные) с рефлексами *ka-, *ku-, *kad- с пейоративным или, во всяком случае, экспрессивным (на момент создания этих слов) оттенком, относятся пшт. (афганский) диал. вазири *kapra* 'труднопроходимое место' < *ka-pṛtā- от корня *par- [Morg. EVP, 33]; пшт. *krawsān*, *krawsānd*, *krosānd* 'легко раскалывающийся, хрупкий, ломкий; негибкий' < *ku-rafsand- 'плохо поддерживанный', ср. ав. *rap-* [Morgenstierne 1942 (I), 264] или *ka-rafsand- (хотя морфологическая форма обоих предполагаемых прототипов неясна — продолжение причастия настоящего времени на *-anta-?). См. также приводимое Г.Бейли кл. перс. *kanīr* 'лентяй; обжора' < *ka-narya- [Bailey DKS, 174].

В эту группу входит ряд имен в севернопамирских языках, особенно названия растений и животных, иногда при совпадении в языках шугнано-рушанской группы с именами, включающими начальное *či-* с другим значением: 'к, готовый к; предназначенный для'. Возможно, этот элемент восходит не к основе *ka-, а к производному от нее *kam 'к', ср. согд. *kw* 'к, в; по направлению к' (< праиран. *kam < и.-е. *k^mom*) приблизительно с тем же кругом значений. (Я не останавливаюсь здесь на характере этимологической связи между славянским *къ 'к' из и.-е. **k^mom* и согд. *kw*: мнения о ней расходятся, ср. [Зализняк 1962, 33–34; Трубочев 1976, 176; ЭССЯ-13, 170–171;

Sims-Williams 1986, 116–121], — для настоящей работы важно их общее происхождение в конечном счете из индоевропейского вопросительного местоименного элемента и сходный круг значений.)

См., например, шугн. *čidayīnc*, бдж. *čiyīnc*, руш., хуф. *čayīnc* 'крапива' < **ka-dag-ana-čī* (от корня **dag-*; ср. иную трактовку: **kata-* + **guna-čī*- с **kata-* 'дом' в [Morg. EVSh, 25]). Ср. не во всех деталях ясные шугн. *čirifc*, *kirifc* (бот.) — название растения с приятным запахом (*Platyaenia Komarovi*); шугн. *čirūŷj* 'мочало для мытья посуды из луба зонтичного растения' (с указанием на предназначенность объекта); шугн. *čirīzák* 'нары в доме справа от входа' (с указанием на месторасположение при, возле нар, ср. язг. *raž* 'нары в доме'). См. также язг. *kamēð* (бот.) 'горное растение с толстым полым стеблем' и барт. *čamōð* 'растение *Heraclium Lehmannianum* (его стебли используются для приготовления трута)', которые закономерно выводятся из **ka-māð(y)a-*, сопоставимого с шугн., барт., рош. *mōð*, руш. *mūð*, сар. *māð*, йд. *mōxi* 'палка, посох' < **māða-* [Morg. EVSh, 26] (но не **ku-māð(y)a-*, как предполагал Г.Моргенштерне, поскольку **ku-* в безударной начальной позиции дало бы язг. *k'ə-*, барт. **ki/a-*).

Индоевропейский или, во всяком случае, доиранский элемент **ku-* отразился в названиях вороны, которые в части этих языков закономерно выводятся из **ku-uar(a)na-* или **k(a)-uar(a)na-* с ранним выпадением предударного гласного и с ближайшим прототипом **x'ar(a)na-* (< **xwarana-* < **k-uarana-*): язг. *x'orn*, шугн. *xurn*, сар. *xern* 'ворон, ворона', ср. [Morg. EVSh, 98]; к продолжению сходного прототипа ср. праслав. **kavorna* / **kavornъ* из **ka-* + **vorna* / **vornъ* (отнесение сюда же лит. *kóvarnis* 'грач', лтш. *kuðvārna* 'галка' дискуссионно [ЭССЯ-9, 166]). Может быть, к этому же разряду слов относится язг. *kawūx* 'барс', если принять этимологию **ka-yastra-* (но не **ku-yastra-*!), ср. ав. *vastra-* 'пасть (дэвовских существ)' [Morg. EVSh, 42], хотя возможны и другие варианты этимологии (звукосимволика или табуированное название по цвету животного, ср. язг. *kaw* 'пестрый'). Сюда же, по-видимому, относится шугн. *kirīs*, употребляемое в сочетании *kud-at kirīs* 'собаки и прочая тварь, хищники', если это имя — производное от основы настоящего времени от корня **rai-* 'лаять'.

К именам с **ku-* в этих языках относятся слова с другими оттенками экспрессии, например: шугн. *kisipč* 'большая корзина (для переноски соломы, шерсти)', где *ki-* < **ku-* подчеркивает величину объекта, ср. сар. *sipi* 'корзина', язг. *sebj* 'круглая корзиночка (для клубков шерсти при вязании)'; шугн. *kilublub* 'болтун, говорун', ср. глагол *lūv-* 'говорить, сказать' и др.

Следует оговориться, что в части имен в языках шугнано-рушанской группы начальные *ki-*, *ka-* могут восходить не только к **ku-*, но и к современной эмфатической частице *ik-*, *yik-*, *k-* 'именно' и к частице-междометию побуждения к действию *ku*, *ko*, *ko-* 'ну-ка, а ну...' (также связанному этимологически с местоимением), например шугн. *karaf* — окрик — призыв быков к драке (ср. шугн. *raf-* основа наст. вр. глагола *raf-* : *raft* 'трогать, задевать', язг. *raf-* 'драться').

§ 29. В иранских языках, как и в славянских, в круг таких слов входят также отдельные глаголы — со всей полнотой их спрягаемых форм. Здесь это явные инновации. Таковы, например, в языках шугнано-рушанской группы немногие глаголы с рефлексами **ku-* в виде непродуктивного преверба *ki-* (древнее **ka-* дало бы в языках этой группы **či-*, **ča-*): шугн. *kirīws-* : *kirūyd* 'вытекать (целиком)', барт. *kirīws-* : *kirīwd* 'смыть' (?) или 'быть смытым' — судя по форме основы наст. вр., это непереходный глагол (возможно, перевод в [Morg. EVSh, 41] неточен) из праиран. корня **raik-* с дальнейшими трансформациями по аналогии с другими глаголами; шугн. *kirēz-* : *kirēzd*, *kirīwst* 'выливать; опорожнять (сосуд от жидкости)' — каузатив к предыдущему глаголу; шугн. *kidōys-* : *kidūyd* 'вытекать, течь; освобождаться (от жидкости)' от корня **tak-*; шугн. *kidēz-* : *kidūyd* 'выливать, вливать (остаток чего-л.)' — каузатив к предыдущему глаголу; шугн. бдж. *kigaw-* : *kiguīt* 'ковырять (в зубах)' (ср. тадж. *kob-*, *kov-* 'ковырять, копать, рыть(-ся)'); шугн. *kigīx-* : *kigīxt* 1) 'усердно трудиться, стараться; силиться, тужиться; возиться'; 2) 'принуждать, заставлять возиться, трудиться; мучить' (от корня **karš-*).

Все эти глаголы имеют экспрессивный оттенок — действия усиленного, мгновенного или полностью охватывающего весь объект. Возможно, сюда же входят также шугн. *kirānd-* : *kirūst* '1) 'скоблить, выскабливать; скрести, очищать'; 2) 'тереть, растирать, натирать; колоть (об одежде, обуви)', если возводить его к корню **rad-* (хотя не исключен и прототип **k/xra-n-d*); сар. *kaneyson-* : *kaneysond* — каузатив к *kaneyd(ew)* 'сдвигать, смещать', если из **ku-* + корень **naj-*, сар. *kardoz-* : *kardozd* 'цедить, фильтровать' от корня **tak-* 'бежать, течь'.

§ 30. Имена и глаголы с данными начальными элементами не являются общими иранскими, общими индоиранскими и тем более общендоевропейскими производными. Такие слова в иранских, индоарийских и славянских языках, как правило, не совпадают лексически (единственное надежное соответствие прослежено только в названии вороны или ворона) и разновременны по происхождению. Они представляют собой производные слова единого (в типологическом отно-

шении) способа словообразования с едиными же (в этимологическом отношении) первыми компонентами: основами (реже — полными формами) вопросительных местоимений, выполнявших также роль восклицательных (а в поздних языках и относительных).

Для нас эти слова важны тем, что создают такой общий фон, который помогает в некоторых случаях определить содержательную суть этимологии отдельных слов. Так, укр. *кацап* — прозвище, данное украинцами великороссам, производимое от укр. *цап* 'козел' с приставкой *ка-* [Фасмер 2, 213], вызвало в свое время возражения В.И.Абаева, поскольку, по его мнению, «“приставка” *ка-* остается здесь совершенно загадочной», и следует трактовать это слово как араб., перс., тюрк. *qassāb* 'мясник' — переносно 'грубый, жестокий человек' [Абаев 1995, 595]. Однако на фоне других слов рассмотренного типа данное имя с его внутренней формой и пейоративным оттенком не выглядит исключением (о слове **сарь* — *цап* 'козел' см. [ЭССЯ-3, 172–173]).

§ 31. В отдельных языках наблюдаются также сходные препозитивные элементы, принадлежность которых к данному местоименному типу не доказана или невозможна. Так, едва ли к рассмотренным выше словообразовательным типам относятся русские слова *коза*, *кость*, *колени*, начальное *к-* которых связывается с древним индоевропейским префиксом **k-* (ср. мнение Н.С.Трубецкого, сравнивавшего соответственно два первых слова с др.-инд. *ajā*, *asthi* и возводившего *колени* к **k-olēto* [Jakobson 1975, 20]), либо с начальным ларингалом, либо с явлениями метатезы и др. (см. [Фасмер 2, 277, 289, 349; Трубачев 1960, 84 и сл.; ЭССЯ-12, 19–21; ЭССЯ-11, 167–173; ЭССЯ-10, 132–134, там же литература]).

Думается, что дальнейший сбор материала разных языков, где прослеживаются слова, образованные с помощью аналогичных основ вопросительных местоимений и сходных с ними элементов, даст возможность уточнить семантические принципы этих моделей и выявить причину их диахронической «живучести» (и/или способности к регенерации, к вовлечению в этот процесс других сходных элементов) вопреки непродуктивности и периферийному характеру самих моделей в системе каждого из этих языков в отдельности.

§ 32. Имеются прямые и косвенные данные о префигировании и других местоименных элементов к имени в истории некоторых иранских языков, особенно в ареале Средней и Центральной Азии, однако это явление в определенных случаях носит явно субстратный характер, и очевидных аналогов таких лексем в языках Европы не прослеживается. Поэтому здесь это явление специально не рассматривается.

К параллелизмам между иранскими языками и отдельными языками Европы и Азии в именных словообразовательных моделях с проклитическим первым компонентом, происшедшим из значимого слова, можно отнести также образование названий парных частей тела, включающих в качестве начального элемента рудименты числительного «два». Таковы названия в ваханском языке: *brin* 'колено' и *brət* 'локоть' (из **dya* + **rāna*- и **dya*- + **ar(a)tna*- соответственно, где *b*- связано этимологически с ваханским числительным *bu* 'два' < **d(u)ca*-), построенные под явным субстратным воздействием со стороны языка бурушаски, в котором названия парных частей тела строятся с включением начального комплекса *lt*- (из *āito* 'два'). Ср. аналогичную структуру в баскском и в абхазско-адыгских языках, о чем приходилось писать раньше. Подробнее см. [Климов, Эдельман 1974, 160–162; Стеблин-Каменский И.М. 1979, 212–214].

§ 33. Таким образом, при несомненном признании важности рассмотрения лексических и словообразовательных изоглосс, объединяющих иранские языки с индоевропейскими языками Европы, включая славянские, в настоящее время невозможно собрать все относящиеся к этой проблеме факты. Одно из препятствий — разная степень изученности иранского и славянского лексикона и особенно словообразования. Пополнение сведений о лексическом фонде и о системах словообразования иранских языков, как и реконструкция праиранского словаря и словообразовательной системы, во многом упирается в недостаточную изученность лексикона «малых» языков, иногда хранящих большие архаизмы, чем ограниченные тексты древних иранских языков. Материал этих языков, не учитывавшийся прежде или учтенный далеко не в полной мере, поможет в будущем восполнить пробелы в этой области. Кроме того, как показывает опыт, он содержит значимые случаи схождения со славянским лексиконом.

Изучение огромного фонда общих лексем и словообразовательных элементов — как архаичных, унаследованных из индоевропейского состояния, так и вторичных, развившихся в разные эпохи параллельно или путем заимствований (взаимных и из других общих источников) — задача многих будущих исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный выше материал можно суммировать следующим образом.

Известно, что иранские языки выявляют целый ряд черт, сходных с определенными чертами индоевропейских языков Европы, в первую очередь славянских.

Вместе с тем работы последних лет, посвященные истории как иранских, так и славянских языков, выявили новые факты диахронии в языках и той и другой языковой семьи, уточнили причины появления тех или иных инноваций и изменили некоторые традиционные взгляды на их историю, благодаря чему ушли в прошлое определенные «мифы» (например, о сплошной общеиранской ассимиляции рефлексов индоевропейских палатальных в иранских языках), дававшие в относительно недавнем прошлом неточные или даже неверные ориентиры при анализе исторических отношений этих двух индоевропейских «ветвей». При этом уточнились сведения о праязыковом уровне иранской семьи, оказавшемся более древним, чем тот, что реконструировался традиционно на основании только авестийского и древнеперсидского языков. В свете этого выяснилось, что часть иранских элементов, сопоставлявшихся со славянскими, свойственна и другим языкам группы «сатэм», включая индоарийские и нуристанские.

Кроме того, работы последних десятилетий выявили целый ряд дополнительных изоглосс, точнее, общих явлений, объединяющих те или иные иранские языки (либо группу в целом) с различными индоевропейскими языками Европы, включая славянские и балтийские.

Анализ таких общих черт ведется учеными уже давно, имеются серьезные обобщающие исследования этого вопроса. Однако оставалось (и остается) еще много неясного в происхождении некоторых общих черт. Вместе с тем их происхождение представляет собой существенное свидетельство характера исторических отношений этих языковых семей, поскольку: а) наличие материальных инноваций (прежде всего в исторической фонетике и морфологии) явилось бы аргументом в пользу их особенно близкого генетического родства; б) наличие материальных архаизмов, представляющее большой инте-

рес для их истории, не может являться таким же аргументом (поскольку общие архаизмы могут сохраняться и у отдаленно родственных языков), как и утрата генетически общих элементов; в) наличие типологических инноваций может указывать на параллельные либо на контактные пути развития, но не на генетическую близость (так как оно отмечается и у языков, не находящихся в генетическом родстве).

Рассмотренные здесь общие для иранских и славянских языков черты условно можно разделить на несколько групп.

I. Общие архаизмы материального и структурного характера либо общие или сходные инновации в виде единых или сходных линий развития исконно единого материала, т.е. общие генетические характеристики.

В исторической фонетике это, например, сходство в отражении индоевропейских палатальных согласных, которое (отражение) у иранских языков оказалось более близким к индоарийским, чем к славянским языкам; сходные, но не тождественные пути трансформации индоевропейского *s в свободных позициях и в позициях реализации правила RUKI; сходство (но не тождественность) принципов рефлексии аспирированных и неаспирированных согласных.

В исторической морфологии это, например, супплетивизм основ номинатива ~ косвенных падежей личных местоимений 1-го лица ед. числа (специально не рассматривавшийся здесь, поскольку он входит во все учебники по индоевропеистике); отражение в глаголе различных классов древних индоевропейских презентных основ и т.п.

В лексике это этимологически общие лексемы, особенно если они еще и укладываются в общие словообразующие архаичные модели, и т.д. Все эти черты являются генетически обусловленными, и общие инновации в этой сфере могли бы свидетельствовать о близком родстве этих языковых групп.

Однако таких общих материальных инноваций между иранскими и славянскими языками, которые были бы эксклюзивными (минуя другие языки арийской семьи) и, следовательно, более поздними, чем инновации, общие для всей группы «сатэм», не прослеживается. Таким образом, нет доказательств и более тесного генетического родства между иранскими и славянскими языками, чем родство, восходящее к периоду «общесатэмного» состояния. Нет и доказательств их вторичного «сродства» в праязыковом периоде.

II. Сходные типологические инновации, которые, в свою очередь, делятся на разные группы.

1. Инновации, которые развиваются в иранских (и — шире — арийских) языках и в индоевропейских языках Европы, включая

славянские, параллельно и независимо друг от друга (к тому же в различных хронологических пределах), но являются как бы генетически запрограммированными, возникшими в результате единого для них общего «первотолчка», происшедшего еще в недрах индоевропейской системы. Из отмеченных выше к ним относится развитие вторичного — перифрастического — перфекта на базе причастных конструкций в арийских, романских, германских и других языках, включая поздние образования в русских говорах. Ранней общей причиной их развития явился, по всей вероятности, процесс затухания древнего индоевропейского перфекта и, следовательно, старой оппозиции «перфект ~ инфект // инъюнктив» и появления «пустующей ниши» для выражения состояния и результативности. К этому же типу инноваций относится процесс трансформации трехчленной системы указательных местоимений в двучленную (о причинах см. в разделе «Лексика»).

2. Инновации, которые появляются и развиваются параллельно в результате сходных, но уже не задаваемых индоевропейской системой, а поздних, чисто типологических процессов.

1) Часть из них может диктоваться общей контенсивной базой. Сюда относится, например, развитие «неочевидных» форм и оборотов на базе причастных конструкций, наблюдаемое в части иранских языков (особенно в таджикском) и в литовском. В этот же тип инноваций входит появление новых форм футурума, продолжающих сочетания с глаголом 'хотеть', — в отдельных иранских языках и в языках Балканского союза. С общей контенсивной базой можно связать, например, и общий тип свертывания падежной парадигмы существительных через слияние форм генитива и датива (в иранских языках и в языках Балканского союза), и словообразование некоторых слов-табу.

2) Часть же имеет чисто структурный характер, развиваясь согласно законам внутривидовых трансформаций языка. Сюда относятся, например, явление «местоименной репризы» в языках Балканского союза и сходные с ним элементы «пролептических» конструкций в ряде иранских языков, особенно в хорезмийском и осетинском, причину возникновения которых можно усмотреть в свертывании падежной парадигмы имени и в перестройке порядка основных членов предложения.

III. Общие или сходные ареальные инновации, обязанные своим происхождением контактам и свойственные относительно узкому ареалу контактирования (современного или исторического). Сюда относятся определенное количество заимствованной лексики (главным образом из скифо-сарматских диалектов в славянские языки),

некоторые общие словообразовательные и словоизменительные модели (особенно в осетинском), сдвиги в семантике отдельных слов и корней, вызванные воздействием другого языка (в рассматриваемых случаях — влиянием иранских языков на славянские).

К ареально приуроченному типу относится различное построение модальных оборотов долженствования, возможности и т.п., которые строятся с инфинитивом в языках Среднеазиатского региона, но с личными формами сослагательного наклонения глагола в персидском языке, выявляющем здесь (как и в отдельных других случаях) сходство с языками Балканского союза. Связано ли это явление с общим центром иррадиации «инфинитивной депрессии» или с какими-то еще причинами, неясно.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что и генетические общие черты (при их, как оказалось, глубокой древности), и типологические сходства, при всей их разновременности и различных причинах возникновения («генетическая запрограммированность» определенными явлениями в общей индоевропейской прасистеме, исторические контакты, чисто типологические совпадения — формальные или имеющие содержательное единство), проливают дополнительный свет на историю данных языков, выявляя причины и движущие силы тех или иных изменений. Однако они же ставят и новые вопросы.

Так, например, заставляют задуматься определенные «балканизмы», наблюдаемые в некоторых иранских языках. Сюда относятся: 1) свертывание падежной парадигмы имени путем совпадения прежде всего форм генитива и датива (через поглощение генитивом датива); 2) развитие постпозитивного артикля; 3) образование форм футурума через морфологизацию синтаксических оборотов с глаголом или основой со значением 'хотеть'; 4) построение модальных оборотов с личными формами сослагательного наклонения основного глагола, но не с инфинитивом; 5) наличие конструкций с «опережающим повтором» — энклитиками прямого и косвенных дополнений (сходные с «местоименной репризой» языков Балканского союза).

Наибольшее число «балканизмов» обнаруживается в морфологической и синтаксической структурах персидского языка — это признаки 1–4. Наличие ряда сходных черт, хотя и не в таком наборе и концентрации, отмечается и в других иранских языках, что также побуждает искать некие общие или сходные причины их происхождения. Возникновение этих характеристик под влиянием прямых контактов с балканскими языками маловероятно. Греко-скифские контакты не могли столь существенно отразиться на морфолого-синтаксической структуре осетинского языка; скорее в ней можно усматривать

кавказские параллели. Эллинизация части ираноязычного ареала в период после завоеваний Александра Македонского носила не столь глубокий характер.

Трудно предположить здесь и единый путь развития данных структур как следствие единого индоевропейского «первотолчка», поскольку часть этих черт сформировалась сравнительно недавно, на базе вторичных, изрядно перестроенных систем, и поскольку эти черты охватили также и неиндоевропейские — тюркские языки на Балканах. Не исключено в чем-то типологически сходное воздействие субстратов на Балканах и в иранских регионах, хотя они, несомненно, принадлежали к разным генетическим группам (ср. [Оранский 1979, 61–82, особенно 74] и [Откупщиков 1988]).

Часть таких признаков, которые можно условно назвать «балканизмами», определенно имеет причиной сходные типы упрощения древней индоевропейской флективной системы имени и глагола, сопровождавшегося развитием сходных же типов компенсаторных средств. Некоторые из них характерны для языков, подвергавшихся процессам пиджинизации и креолизации, связанным с массовым и относительно быстрым переходом на данные языки иноязычных племен и народов, притом в условиях неполного усвоения системы этих новых для них, престижных в данных регионах языков. Различная социолингвистическая ситуация в разных регионах древнеиранского мира породила и различные результаты в структурах разных языков, включая стремительное упрощение древней флективной системы древнеперсидского языка, которое можно расценить как его пиджинизацию (подробнее см. [Эдельман 2000]), ср. также сходные преобразования индоарийской системы [Елизаренкова, Топоров 1965, 150–155]. Аналогичные явления в других языках и в более поздние эпохи (см., например, [Дьячков 1988]) делают такое предположение вполне правдоподобным.

Здесь не затрагивались вопросы идиоматики, хотя даже сугубо предварительные наблюдения дают много интересного в плане ее возникновения, областей распространения, связей с определенными этнокультурными традициями, проницаемости для иноязычных воздействий при сосуществовании разных этносов в едином ареале. Не рассматривались здесь и проблемы взаимодействия иранского и славянского мира в мифологии, поскольку они требуют отдельного большого профессионального исследования. Даже обзор уже опубликованных трудов (не всегда однозначно трактующих один и тот же материал) по этой проблематике потребовал бы значительно большего объема.

Немалый интерес представляют различные ареалы возможного контактирования иранских и славянских языков. Помимо уже известных теперь «Дунайского региона», Северного Причерноморья и смежных областей, где могли происходить контакты славян со скифо-сарматскими племенами, особого внимания требуют регионы возможных контактов носителей иранских и индоиранских языков с дославянским населением (Южный Урал, Зауралье, юг Сибири), где усваивалась (индо)иранская лексика, передаваемая затем (через посредников) в местные русские диалекты (материал см. в [Аникин 1997]). Здесь могли распространяться кроме доисторических еще и средневековые иранизмы, исходящие из согдийских колоний и, возможно, иных поселений (включая сакские) Восточного Туркестана. Недавние контакты на территориях севера Ирана (Гилян и соседние области), Центрального Ирана (городское население), Афганистана и особенно некоторых бывших республик СССР, давшие огромное количество русизмов в иранских языках этих регионов, еще ждут изучения. Все это — задачи будущих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

К разделу «Введение»

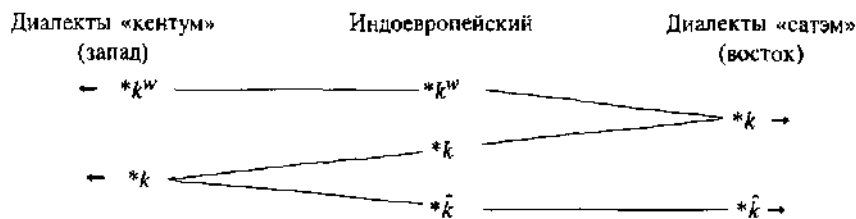
¹ Существование арийской общности в определенный период было подвергнуто сомнению на основании главным образом некоторых расхождений между древнеиндийским языком и авестийским, см. [Макаев 1977, 25–47], однако дальнейшие исследования (например, [СГВЯ-Ф, 24–65; Эдельман 1992]) показали единство исходного, т.е. общеарийского, состояния для индоарийских и иранских языков и тем самым сняли это сомнение.

² О.Н.Трубачев считает заслуживающими внимания мнения ученых различных специальностей, которые видят важную роль «Дунайского региона» в истории Европы: в частности, антропологи отмечают иррадиацию дунайского круга еще в неолите, археологи — балкано-дунайские влияния и распространение отсюда в Северное Причерноморье злаков, скота, металлов еще в V–IV тысячелетиях до н.э. Существенно, что на среднем Дунае и на Украине отмечается раннее одомашнивание лошади — в V–IV тысячелетиях до н.э. Ведутся споры, был ли этот очаг этнически индоевропейским или доиндоевропейским. Не исключены большой ареал прародины и наличие в этом ареале (или его части) и неиндоевропейских элементов. Это связано с вопросом о прародине индоевропейцев — европейской или азиатской. Лингвистическое решение, по мнению О.Н.Трубачева, — в пользу Европы. Северная Европа очистилась от ледника около 4000 г. до н.э.; это означает, что заселение ее произошло только после этого и только с юга, что усиливает вероятность Центральной Европы как прародины. С концепцией центрально-европейского ареала древних индоевропейцев связана и теория дунайской прародины славян. По О.Н.Трубачеву, серболужицкие языки — с вторичными восточными чертами: эти земли заселялись славянами с юга, а не с востока [Трубачев 1983, 246–248]. В I тысячелетии до н.э. в Дунайскую котловину вторглись кельты (середина IV — III в. до н.э.), и на территориях Чехии, Моравии и Паннонии возник симбиоз местного населения с кельтами — в русской летописи — волохами (германская форма) [Трубачев 1983, 252 и сл.].

К разделу «Фонетика и фонология»

¹ Членение индоевропейских языков на две большие группы, условно называемые «кентум» и «сатэм», проходило, как известно, по признаку отражения в языках этих групп трех рядов индоевропейских гуттуральных, простых,

лабиализованных и палатализованных. Впоследствии в языках группы «кентум» лабиализованные дают обычно рефлексы в виде лабиальных, простые совпадают с палатализованными. В языках группы «сатэм» простые совпадают с делабиализовавшимися рефлексами лабиализованных, а палатализованные, пройдя этап палатальных, аффридируются и затем в разных языках группы подвергаются различным изменениям (продвигаются вперед, в дентальную область и/или спирантизируются). Общая схема для индоевропейских глухих согласных (см. [Журавлев В.К. 1967 (I), 24]):

² Различия в отражении и.-е. *s помогают определить иранские и индоарийские заимствования в славянских языках. Ср. славянский теоним *Svarogъ и его древнеиндийское соответствие (или источник) svargá- 'небо' [Трубачев 1983, 257]. Ср. также предложенную О.Н.Трубачевым трактовку названия народа *sъrbi 'сербы' в качестве индоарийского элемента (с последующей сменой этнического состава самих носителей) и *xъrvatъ 'хорваты' — иранского (там же). Однако если иранский источник названия хорваты является уже общепризнанным, то индоарийский источник названия сербы признается не всеми, см. аргументацию [Бирнбаум 1987, 26]. В случаях отсутствия явных историко-фонетических свидетельств выявление различий между индоарийскими и иранскими заимствованиями затруднительно.

³ В некоторых лексемах поздних иранских языков происходит переход начальной группы *sC-, где C — глухая смычная, в sC-, причем шипящий характер чаще приобретают рефлексы индоевропейского *s-mobile, чем обычной *s (подробнее [СГВЯ-Ф, 54, 93–96]).

⁴ В разных традициях нотация славянских кратких и редуцированных несколько различна: в некоторых работах они обозначаются практически одинаково, т.е. ъ = ĭ, ѓ = ĭ̄, в других соблюдается относительная хронология, т.е. для праславянского используются ĭ, ĭ̄, для старославянского — так называемые «еры» ъ, ѓ.

⁵ В авестийском языке в анклауте перед гласным или слоговым вариантом сонанта отмечены сочетания неслоговых элементов: двухкомпонентные — br, dr, dv, fr, kv, tk, tb, xr, xš, sč, st, sp, sk, sr, θw, θr; zr, zb, źn; трехкомпонентные — xšv, xšn; drv, xrv, srv, zrv (последние четыре могут быть интерпретированы и как содержащие слоговой r); в срединной позиции: двухкомпонентные — gd, yr, dv, dr, bd, by, pt; xš, xt, tr, tk, tb, θr, θw, θy; hy, hm, fš, fn, fr, sk, st, sp, sm, sn, sč; šk, št, šr, šv, šw, šy; zd, zv, zb, žb; rz, rš, rm, ry, rv; nk, ng, nt, ny, gh, yr, mč, nr, mn, wr, wy и др.; трехкомпонентные — xšt, xšn, yrv, yny, θwy; fšc, fsm, ršt, ršn, nby, p̄hv; str, stv, štr, štv, wzd (? // wəzd); hrk, hrp (и zrv, drv, srv с возможным слоговым r); единичное четырехкомпонентное — ršty.

⁶ В древнеперсидском языке отмечены сочетания неслоговых элементов в анлауте: двухкомпонентные — *br, dr, dv; fr, xr, xš; sk, st, sp, zr, hy, (ty?)*; трехкомпонентное — *xšn*; в срединной позиции: двухкомпонентные — *gd, gn, gm, gr, jy; dr, dv, br; kt, xp, xr, xš, θm; fr, sp, st, sm; ik, šč, it, šp, šn, šm, šy, šv, zd, zm, zr, hy, hm, hv; ng, nk, nd, nt; mn, ny, mb, mp; rk, rx, rg, rč, rj, rt, rd, rd, rb, rn, rm, ry, rv, rs, rš* (окказионально, в основном в заимствованиях, также *θb, xθ, xm, θr, zb, nx, tp, tr, ld, šd*); трехкомпонентные — *xšn, xtr, ngm, ršt, ršn, ršy, rvy* (четырёхкомпонентное *xštr* — в заимствовании из мидийского).

⁷ Отмечаются следующие основные праславянские сочетания: двухкомпонентные — *kr, gr, tr, dr, pr, br; kl, gl, pl, bl* (позже также *tl, dl*), *sl, zl, sn, sm; kv, gv, tv, dv; sv, zv; sk, st, zd*, геминаты *tt, dd*; первичные и вторичные трехкомпонентные — *str, zdr*.

К разделу «Элементы морфонологии»

¹ Ср. различия огласовок в глаголе языков шугнано-рушанской группы с чередованиями, продолжающими древние чередования и вторичные перегласовки, возникшие в процессе действия умлаута: глагол 'идти, уходить', восходящий к корню **tak-*: осн. наст. вр. шугн. *ti(y)-*, руш., барт. *te(y)-* (из презентной осн. **tača-*), 1-е л. ед.ч. шугн. *tiyut* (стяж. *tīm*), руш., барт. *tēuyit*, 3-е л. ед.ч. шугн. *tīzd*, руш. *tīzd*, барт. *tēzd* < **tačati*, основы прош. времени (из древнего причастия), перфекта (из вторичного причастия) и инфинитива (из имени действия) [С ГОЯШ]:

Основы		Шугн.	Руш.	Барт.	Прототип
прошедшего времени	ед.ч.	м.р. <i>tīud</i>	<i>tuud</i>	<i>tūud</i>	<i>*tak-ta-</i>
		ж.р. <i>tōud</i>	<i>tūud</i>	<i>tōud</i>	<i>*tak-tā-</i>
	мн.ч.	<i>tōud</i>	<i>tāud</i>	<i>tōud</i>	<i>*tak-tāh</i>
перфекта	ед.ч.	м.р. <i>tīuj</i>	<i>tuuj</i>	<i>tūuj</i>	<i>*tak-ta-ka-</i>
		ж.р. <i>tīc</i>	<i>tauc</i>	<i>tauc</i>	<i>*tak-ta-čī</i>
	мн.ч.	<i>tōuj</i>	<i>tāuj</i>	<i>tōuj</i>	<i>*tak-ta-kāh</i>
инфинитива		<i>tīd</i>	<i>taud</i>	<i>taud</i>	<i>*tak-ti-</i>

² Последовательные этапы становления аблаута в языках шугнано-рушанской группы из чередований гласных основы с разными типами отражения согласных и умлаутных перегласовок корня: знаки типа резонанса: 0 — нулевой (при отсутствии умлаута), A — из *a*-умлаута, I — из *i*-умлаута

1	2	3	4	5
<i>-taka</i>	<i>-dək/ga</i>	<i>-dē/ga</i>	(0) = <i>-dč/jə</i>	(0) = <i>(δ)č/j</i>
<i>-takāh</i>	<i>-dək/gā</i>	<i>-dē/gā</i>	(A) = <i>-dč/jə</i>	(A) = <i>(δ)č/j</i>
<i>-tačī</i>	<i>-dəč/ji</i>	<i>-dēč/ji</i>	(I) = <i>-dč/zi</i>	(I) = <i>č/z</i>

К разделу «Морфология и синтаксис»

¹ При членении славянской общности на группы отмечаются следующие общие морфологические черты для восточно- и западнославянских: 1) наличие флексии *-ьтъ* (> *-от*, *-ет*) в инстр. ед.ч. у *o*-основ м.р. и ср.р. (в отличие от южнославянских, где эта флексия — *-отъ*); 2) наличие в прошлом флексии *-ѣ* в ген. ед.ч., ном.-акк. мн.ч. у *iā*-основ и в акк. мн.ч. у *iσ*-основ м.р. (в отличие от южнославянских, имевших в этих падежах некогда флексию *-ѣ*); 3) наличие окончания *-а*, а не *-у* в ном. ед.ч. у действительных причастий наст. вр. и т.д. [Бошкович 1984, 33–36].

² По признаку косвенного оформления имени субъекта к эргативобразным конструкциям формально примыкают (и иногда совпадают) некоторые иные конструкции, продолжающие древние конструкции состояния, посессивные, истинно пассивные и другие, возникшие из различных связочных оборотов (подробнее см. [Эдельман 1974, 25–31]). Интересны конструкции с прошедшими временами непереходных глаголов активной, т.е. «одушевленной», семантики, типа «плакать», «смеяться»; «лаять», «чихать», «мыть», «кукарекать»; «испражняться», «плясать» и т.п.; наибольшее количество таких глаголов отмечено в пашто (см. [Дворянков 1960, 70–71]). Распространены в языках Центральноазиатского союза и прилегающих к нему; возникли под воздействием субстрата (подробнее об их происхождении см. [Эдельман 1980, 25–26, 31]). Эти ареальные конструкции, обозначающие активное непереходное действие и/или состояние живого существа, формально присоединились к переходным относительно поздно. При этом именное словоизменение, способы согласования глагола и ряд других грамматических черт указывают на семантическую классификацию существительных в этих же языках по принципу «личность ~ неличность» или «человек ~ животное, вещь, понятие», т.е. отражают свойственное и другим иранским языкам более новое членение имен, чем «одушевленные ~ неодушевленные». Аналогов в славянских языках такие конструкции не выявляют.

³ Присоединение энклитических местоимений, выражающих прямой или косвенный объект, к глаголу встречается в иранских языках, даже имеющих ярко выраженную модель предложения SOV, например в классическом персидском, в современном разговорном персидском, в дари и в южных говорах таджикского языка. Ср. совр. перс. *dādam-aš* 'я дал-ему', *didam-aš* 'я видел-его'. Однако здесь за таким сочетанием обычно не следует полное (именное или полноударное местоименное) дополнение, т.е. такое сочетание возникает не для антиципации, а для замены имени (существительного или местоимения) энклитическим местоимением (подробнее см. [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982, 117–119]).

К разделу «Лексика»

¹ Кл. перс. *dēv* отмечено также в применении к Иблису — мусульманскому дьяволу, см. «Притчу о дьяволе» Саади, где Иблис охарактеризован сочувственно: *baxt-bargašta dēv* 'див с перевернутой (// превратной) судьбой'.

² Ср., например, сар. *xiḍr* 'волк' — заимствовано (с метатезой) из вах. *ḡari* 'волк', являющегося, в свою очередь, ранним заимствованием из дардского источника, ср. кховар *ḡarīr* 'волк' из раннекхов. **ḡarīta* из еще более раннего **ḡarīta-*, ср. др.-инд. *śarīā-* 'проклятый'. См. также ишк. *sabilək* — табуированное обозначение волка, употребляемое на летовке, букв. 'проклятый' + уничижительный суф. *-ək*.

³ См. также определение «божий» для обозначения диких, неодомащенных животных, известное в разных евразийских языках. Например, рус. колымское *божий олень* 'дикий олень' и якутск. *taḡara tabata* — то же, при *taḡara* 'видимое небо, небо как божество' и *taba* 'олень' [Аникин 1995 (I), 1995 (II), 92–93]. Ср. также примеры из других языков (кетского, селькупского) [Аникин 1995 (II), 92–93].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Языки и диалекты (говоры)

ав.	— авестийский
ав. г.	— авестийский — диалект Гат
ав. п.	— авестийский поздний
алб.	— албанский
англ.	— английский
араб.	— арабский
арийск.	— праарийский, арийский
арм.	— армянский
аром.	— ароманский
бадахш.	— бадахшанский (говор таджикского языка)
балт.	— балтийские
барт.	— бартагский
бдж.	— баджувский
бел.	— белуджский
белор.	— белорусский
болг.	— болгарский
буруш.	— бурушаски (язык)
вандж.	— ванджский (говор таджикского языка)
вах.	— ваханский
ведич.	— ведический
венг.	— венгерский
верш.	— вершицкий
в.-луж.	— верхнелужицкий
вогул.	— вогульский
вост.-иран.	— восточноиранский
гег.	— гегский (диалект албанского языка)
герм.	— германский
гил.	— гильянский
гот.	— готский
греч.	— греческий
груз.	— грузинский
дарв.	— дарвазский (говор таджикского языка)
диал.	— диалект
диг.	— дигорский (диалект осетинского языка)
др.-англ.	— древнеанглийский

др.-в.-нем.	— древнесверхненемецкий
др.-инд.	— древнеиндийский
др.-иран.	— древнеиранский
др.-ирл.	— древнеирландский
др.-исл.	— древнеисландский
др.-перс.	— древнеперсидский
др.-прус.	— древнепруссский
др.-рус.	— древнерусский
др.-сканд.	— древнескандинавский
жарг.	— жаргон
зап.-иран.	— западноиранский
и.-е.	— индоевропейский
индоиран.	— индоиранский
ирл.	— ирландский
ирон.	— иронский (диалект осетинского языка)
исп.	— испанский
ишк.	— ишкәшимский
йд.	— йидга
калуж.	— калужский (говор русского языка)
кан.	— канигурамский (диалект языка ормури)
кат.	— каталанский
кельт.	— кельтский
кимр.	— кимрский
кл. перс.	— классический персидский
крым.-татар.	— крымско-татарский (язык)
курд.	— курдский
лат.	— латинский
лит.	— литовский
литер.	— литературный
лог.	— логарский (диалект языка ормури)
лтш.	— латышский
маз.	— мазандеранский
макед.	— македонский
ман.	— манихейский (текст)
мид.	— мидийский
молд.	— молдавский
морав.	— моравский
мундж.	— мунджанский
нем.	— немецкий
н.-луж.	— нижнелужицкий
общериан.	— общерианский
орм.	— ормури
осет.	— осетинский
пар.	— парачи
парф.	— парфянский
перс.	— персидский

пехл.	— пехлевийский
позднеарийск.	— позднеарийский
полаб.	— полабский
польск.	— польский
порт.	— португальский
праарийск.	— праарийский
праиран.	— праиранский, общеиранский (праязык)
праслав.	— праславянский
пшт.	— пашто, пушту (афганский)
разг.	— разговорный
раннеарийск.	— раннеарийский
рош.	— рошорвский
рум.	— румынский
рус.	— русский
руш.	— рушанский
сар.	— сарыкольский
стл.	— сангличский, сангличи
сев.-пам.	— севернопамирские (языки)
семн.	— семнанский
серб.	— сербский
слав.	— славянский
словац.	— словацкий
словен.	— словенский
совр.	— современный
согд.	— согдийский
будд.	— буддийские тексты
ман.	— манихейские тексты
муг.	— тексты документов с горы Муг
хр.	— христианские тексты
ср.-перс.	— среднеперсидский
ст.-вандж.	— старованджский
ст.-польск.	— старопольский
ст.-слав.	— старославянский
ст.-чеш.	— старочешский
схрв.	— сербскохорватский
тадж.	— таджикский
тал.	— талышский
тоск	— тоскский (диалект албанского языка)
тох.	— тохарский
тюрк	— тюркские
укр.	— украинский
фин.	— финский
фрак.	— фракнийский
хет.	— хеттский
хор.	— хорезмийский
хорв.	— хорватский

хс.	— хотаносакский
хуф.	— хуфский
церк.-слав.	— церковнославянский
чагат.	— чагатайский
чер	— черемисский
чеш.	— чешский
чуващ.	— чувашский
шугн.	— шугнанский
ягн.	— ягнобский
язг.	— язгулямский

Грамматические термины

абл.	— аблатив
акк.	— аккузатив
акт.	— активный
атемат.	— атематический
буд. вр.	— будущее время
вок.	— вокатив
ген.	— генитив
дат.	— датив
дв.ч., дв. число	— двойственное число
ед.ч., ед. число	— единственное число
ж.р., жен. род	— женский род
инстр.	— инструменталис
инф.	— инфинитив
кауз.	— каузатив
л.	— лицо
лок	— локатив
мн.ч., мн. число	— множественное число
м.р., муж род	— мужской род
накл.	— наклонение
наст. вр.	— настоящее время
наст.-буд вр.	— настояще-будущее время
ном.	— номинатив
осн.	— основа
перен.	— переносное (значение)
перф.	— перфект
повел.	— повелительное (наклонение)
прил.	— прилагательное
прич.	— причастие
прош. вр.	— прошедшее время
ср.р.	— средний род
стяж.	— стяженный
темат.	— тематический

Библиографические сокращения

ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВЯ	— Вопросы языкознания. М.
ДРАН	— Доклады Российской академии наук. М.
ОИЯ	— Основы иранского языкознания. М.
BSLP	— Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
GIPh	— Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg
IJ	— Indo-Iranian Journal. The Hague—Leiden—Dordrecht—Boston
JA	— Journal asiatique, Paris
MSL	— Mémoires de la Société de linguistique de Paris
NTS	— Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo
TPhS	— Transactions of the Philological Society. London
ZI	— Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Leipzig

ЛИТЕРАТУРА

- Аб. ИЭСОЯ — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958. Т. II. Л., 1973. Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.
- Аб. ОЯФ — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949.
- Абаев 1924 — *Абаев В.И.* Об ударении в осетинском языке. — ДРАН. Серия В. 1924.
- Абаев 1952 — *Абаев В.И.* О принципах этимологического словаря. — ВЯ. 1952, № 5.
- Абаев 1956 (I) — *Абаев В.И.* О языковом субстрате. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IX. М., 1956.
- Абаев 1956 (II) — *Абаев В.И.* Этимологические заметки. — Труды Института языкознания АН СССР. Т. VI. М., 1956.
- Абаев 1957 — *Абаев В.И.* Опыт этимологии славянского *МВДЬ*. — Эзиковедски изследованиа в чест на акад. Ст. Младенова. София, 1957. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.)
- Абаев 1960 — *Абаев В.И.* Дохристианская религия алан. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
- Абаев 1962 — *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. — Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1962.
- Абаев 1965 — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.)
- Абаев 1968 — *Абаев В.И.* О перекрестных изоглоссах. — Этимология. 1966. М., 1968. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.)
- Абаев 1970 — *Абаев В.И.* Типология армянского и осетинского языков и кавказский субстрат. — Sprache und Gesellschaft. Jena, 1970. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.)
- Абаев 1972 — *Абаев В.И.* Как апостол Петр стал Петруном. — Этимология. 1970. М., 1972. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. [Т. I]. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.)
- Абаев 1978 — *Абаев В.И.* Armeno-ossetica (типологические встречи). — ВЯ. 1978, № 6. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.)
- Абаев 1986 — *Абаев В.И.* Как можно улучшить этимологические словари. — Этимология. 1984. М., 1986. (Переиздано в: *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.)

- Абаев 1990 — *Абаев В.И.* Избранные труды. [Т. I]. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1995 — *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.
- Амбразас 1985 — *Амбразас В.* Некоторые следы балто-финских контактов в синтаксисе балтийских языков. — Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.
- Амбразас 1990 — *Амбразас В.* Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990.
- Аникин 1995 (I) — *Аникин А.Е.* К изучению балто-славянских лексических связей. — Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
- Аникин 1995 (II) — *Аникин А.Е.* Несколько оговорок к русским данным в праславянской реконструкции. — Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
- Аникин 1995 (III) — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Пробный выпуск. Новосибирск, 1995.
- Аникин 1997 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири (заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков). Новосибирск, 1997.
- Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Беликов 1972 — *Беликов В.И.* К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке. — Памирские языки и фольклор. I. Душанбе, 1972.
- Беляев 1993 — *Беляев Д.Д.* Славянские заднеисбные после падения редуцированных. — ВЯ. 1993, № 6.
- Бенвенист 1965 — *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика (Под редакцией, с вступительной статьей и комментариями Ю.С.Степанова). М., 1974.
- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. [Введение. Фонетика]. М., 1961.
- Бернштейн 1968 — *Бернштейн С.Б.* Введение в славянскую морфологию. — ВЯ. 1968, № 4.
- Бернштейн 1974 — *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Бирнбаум 1987 — *Бирнбаум Х.* Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Боголюбов 1962 — *Боголюбов М.Н.* Личные местоимения в хорезмийском языке. — Ученые записки ЛГУ, № 306. Серия востоковедческих наук. Вып. 16. Л., 1962.
- Боголюбов 1965 — *Боголюбов М.Н.* Пролептические конструкции в иранских языках. — Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научной конференции. Л., 1965.
- Боголюбов 1976 — *Боголюбов М.Н.* Диссимилиция R — R в древнеперсидском. — Ученые записки ЛГУ, № 383. Серия востоковедческих наук. Вып. 18. Л., 1976.
- Боголюбов 1982 — *Боголюбов М.Н.* Категория безличности и переходность пассивных форм. — VIII Всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы иранской филологии». Тезисы докладов. Душанбе, 1982.

- Бондарко 1983 — *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бошковиц 1984 — *Бошковиц Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. Сост. и пер. Н.М.Елкиной, под ред. и с предисл. Н.И.Толстого. М., 1984.
- Варбот 1974 — *Варбот Ж.Ж.* Этимологические заметки. — Балто-славянские исследования. М., 1974.
- Варбот 1978 — *Варбот Ж.Ж.* К соотношению славянской этимологии и праславянской морфологии (в истолковании сложных имен). — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб—Любляна, 1978). Доклады советской делегации. М., 1978.
- Варбот 1981 — *Варбот Ж.Ж.* Еще один тип вторичного аблаута в славянских языках. — Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Варбот 1983 — *Варбот Ж.Ж.* Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка. — Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов (Киев, 1983). Доклады советской делегации. М., 1983.
- Варбот 1984 — *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
- Вольф 1974 — *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М., 1974.
- Вопросы 1962 — Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Высотский 1978 — *Высотский С.С.* Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров. — Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.
- Габинский 1967 (I) — *Габинский М.А.* Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (на материале албанского языка). Л., 1967.
- Габинский 1967 (II) — *Габинский М.А.* Зачатки утраты инфинитива в сефардских говорах Македонии. — Македонски јазик. Год XVIII. Скопје, 1967.
- Гаджиева 1966 — *Гаджиева Н.З.* Азербайджанский язык. — Языки народов СССР. Т. II. М., 1966.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
- Георгиев 1963 — *Георгиев В.И.* Праславянский и индоевропейский языки. — Славянская филология. Т. III. Доклады, сообщения и статьи по языкознанию. София, 1963.
- Гиунашвили 1976 — *Гиунашвили Дж. Ш.* О происхождении слова «стакан». — Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.
- Гловинская 1982 — *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Грамматика 1985 — Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Грюнберг 1987 — *Грюнберг А.Л.* Мунджанский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.

- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974 — Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша. — Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 — Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
- Дворячков 1960 — Дворячков Н.А. Язык пушту. М., 1960.
- Десницкая 1978 — Десницкая А.В. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — Славянское языкознание. М., 1978.
- Десницкая 1983 — Десницкая А.В. К вопросу о раннеисторических языковых связях восточных славян с балканским лингвистическим ареалом. — Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов (Киев, 1983). Доклады советской делегации. М., 1983.
- Десницкая 1984 — Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
- Деялова 1982 — Деялова М. Функционален развой на инфинитива в сърбохърватски език. София, 1982.
- Дмитриев 1940 — Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.
- Дмитриев 1960 — Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М., 1960.
- Додыхудоева 1988 — Додыхудоева Л.Р. Шугнанский глагол в историческом освещении. Душанбе, 1988.
- Дыбо 1970 — Дыбо В.А. О рефлексах индоевропейского ударения в афганском. — Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докладов. М., 1970.
- Дыбо 1972 — Дыбо В.А. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках (в дардских и в йидга). — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
- Дыбо 1974 — Дыбо В.А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация. — Балто-славянские исследования. М., 1974.
- Дыбо 1981 — Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982 — Дыбо В.А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). — Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.
- Дыбо 1989 — Дыбо В.А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. — Славянское и балканское языкознание. Просодия. Сборник статей. М., 1989.
- Дыбо 1997 — Дыбо В.А. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология. — *Studia linguarum*. М., 1997.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Дьячков 1988 — Дьячков М.В. Специфика процессов лиджинизации и креолизации языков. — ВЯ. 1988, № 5.
- Елизаренкова 1960 — Елизаренкова Т.Я. Аорист в «Ригведе». М., 1960.
- Елизаренкова 1982 — Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

- Елизаренкова, Топоров 1965 — *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Язык пали. М., 1965.
- Ефимов 1975 (I) — *Ефимов В.А.* Категория рода. — ОИТИИЯ. Т. II. М., 1975.
- Ефимов 1975 (II) — *Ефимов В.А.* Категория рода у глагола. — ОИТИИЯ. Т. II. М., 1975.
- Ефимов 1979 — *Ефимов В.А.* О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури. — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М., 1979.
- Ефимов 1986 — *Ефимов В.А.* Язык ормури (в синхронном и историческом освещении). М., 1986.
- Ефимов 1991 — *Ефимов В.А.* Ормури. — ОИЯ. Новоиранские языки: Северо-западная группа. I. М., 1991.
- Ефимов 1997 — *Ефимов В.А.* Парачи. — ОИЯ. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II. М., 1997.
- Ефимов, Керимова 1978 — *Ефимов В.А., Керимова А.А.* Юго-западная группа (в разделе «Иранские языки»). — Языки Азии и Африки. II. М., 1978.
- Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982 — *Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н.* Персидский, таджикский, дари. — ОИЯ. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Жирмунский 1976 — *Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Журавлев А.Ф. 1992 — *Журавлев А.Ф.* Заметки на полях Этимологического словаря славянских языков. — Этимология. 1988–1990. М., 1992.
- Журавлев В.К. 1961 — *Журавлев В.К.* Формирование группового сингармонизма в праславянском языке. — ВЯ. 1961, № 4.
- Журавлев В.К. 1963 — *Журавлев В.К.* Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. — V Международный съезд славистов. Доклады. Минск, 1963.
- Журавлев В.К. 1965 — *Журавлев В.К.* Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Автореф. докт. дис. М., 1965.
- Журавлев В.К. 1966 — *Журавлев В.К.* Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка. — Исследования по фонологии. М., 1966.
- Журавлев В.К. 1967 (I) — *Журавлев В.К.* Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния. — Известия на института за български език. Кн. XIV. София, 1967.
- Журавлев В.К. 1967 (II) — *Журавлев В.К.* Опыт фонологической интерпретации праславянских группофонем (к проблеме языков «силлабемного» типа). — *Phonologie der Gegenwart. Graz-Vienna-Cologne*, 1967.
- Журавлев В.К. 1984 — *Журавлев В.К.* Nominativus cum infinitivo с точки зрения теории морфологической нейтрализации. — *Baltistica*. 1984, XX (2).
- Завьялова 1963 — *Завьялова В.И.* Об ударении в персидском языке. — Иранский сборник. К 75-летию проф. И.И.Зарубина. М., 1963.
- Зализняк 1962 — *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. — Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.

- Зализняк 1975 — *Зализняк А.А.* Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней. — Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иванов 1972 — *Иванов В.Б.* О персидском словесном ударении (экспериментальное исследование). — Вестник МГУ. Серия востоковедение, № 2. М., 1972.
- Иванов 1975 — *Иванов В.Б.* Акустические характеристики словесного ударения в персидском языке (опыт экспериментального исследования). Автореф. канд. дис. М., 1975.
- Иванов 1977 — *Иванов В.Б.* О тоническом компоненте персидского словесного ударения. — Вестник МГУ. Серия XIII. Востоковедение, № 2. М., 1977.
- Иванов Вяч. Вс. 1976 — *Иванов Вяч. Вс.* К типологии инфинитива в балканских языках. — Славянское и балканское языковедение. М., 1976.
- Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- Ильинский 1916 — *Ильинский Г.А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Историческая типология 1986 — Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. Под ред. А.С.Мельничука. Киев, 1986.
- Калнынь 1994 — *Калнынь Л.Э.* Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме. — Славяноведение. 1994, № 5.
- Каралюнас 1966 — *Каралюнас С.* К вопросу об и.-е. *z после i, u в литовском языке. — Baltistica. 1966, I (2).
- Кауфман 1956 — *Кауфман К.В.* Некоторые вопросы истории согдийского языка. — Труды Института языковедения АН СССР. Т. VI. М., 1956.
- Климов 1973 — *Климов Г.А.* Типология языков активного строя и реконструкция праиндоевропейского. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973, т. 32, № 5.
- Климов, Эдельман 1974 — *Климов Г.А., Эдельман Д.И.* К названиям парных частей тела в языке буршаски. — Этимология. 1972. М., 1974.
- Коган 2000 — *Коган А.И.* Генетическая характеристика дардских языков. Автореф. канд. дис. М., 2000.
- Кортландт 1985 — *Кортландт Ф.* Праиндоевропейские глоттализованные смычные (Сравнительно-исторические данные). — ВЯ. 1985, № 4.
- Креницкайте 1979 — *Креницкайте С.А.* Классификация глагольных оппозиций по переходности/непереходности в литовском языке. — Проблемы синтаксиса и структуры слова. М., 1979.
- Кузнецов 1954 — *Кузнецов П.С.* Чередования в общеславянском «языке-основе». — Вопросы славянского языковедения. Вып. 1. М., 1954.
- Кузнецов 1958 — *Кузнецов П.С.* Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке. М., 1958.
- Кузнецов 1961 — *Кузнецов П.С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

- Кузьмина 1975 (I) — *Кузьмина И.Б.* О месте сочетаний типа (*есть*) поставлен, был (будет) поставлен; (*есть*) вставши, был (будет) вставши в грамматической системе современных русских говоров. — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.
- Кузьмина 1975 (II) — *Кузьмина И.Б.* Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано, кони запряжено, пол помыто* в русских говорах. — Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Кузьмина, Немченко 1964 — *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. — Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Курилович 1958 — *Курилович Е.* О балто-славянском языковом единстве. — Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М., 1958.
- Курилович 1962 — *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Куркина 1981 — *Куркина Л.В.* Некоторые вопросы формирования южных славян в связи с паннонской теорией Е.Копитара. — ВЯ. 1981, № 3.
- Лаучюте 1982 — *Лаучюте Ю.А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Лер-Сплавинский 1964 — *Лер-Сплавинский Т.* О северо-восточных окраинах праславянского языка. — ВЯ. 1964, № 1.
- Лившиц 1951 — *Лившиц В.А.* Местоимения в афганском языке (пашто). Канд. дис. М., 1951.
- Лившиц 1954 — *Лившиц В.А.* О внутренних законах развития таджикского языка. — Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Сталинабад, 1954, № 6.
- Лившиц 1956 — *Лившиц В.А.* Указательные местоимения в афганском языке (пашто). — Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Сталинабад, 1956, № 9.
- Лившиц, Хромов 1981 — *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык. — ОИЯ. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Ломов 1977 — *Ломов А.М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Лопашов 1970 — *Лопашов Ю.А.* К вопросу о местоименных повторах дополнения в балканских языках. — Лингвистические исследования. Л., 1970.
- Лушникова 1990 — *Лушникова А.В.* Стратификация ирано-уральских языковых контактов. Автореф. канд. дис. М., 1990.
- Макаев 1977 — *Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Мартынов 1978 (I) — *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.
- Мартынов 1978 (II) — *Мартынов В.В.* Балто-славянские лексико-словообразовательные отношения и глоттогенез славян. — Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Конференция 1978. Предварительные материалы. М., 1978.

- Мартынов 1981 (I) — *Мартынов В.В.* Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян. — Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- Мартынов 1981 (II) — *Мартынов В.В.* Балто-славянские этнические отношения по данным лингвистики. — Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс, 1981.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 1990 (I) — *Маслов Ю.С.* Аспектология. — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Маслов 1990 (II) — *Маслов Ю.С.* Вид. — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мейе 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
- Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Муравьева 1972 — *Муравьева И.А.* Чередование гласных в шугнанском языке. — Памирские языки и фольклор. Душанбе, 1972.
- Муравьева 1975 — *Муравьева И.А.* Непозиционные чередования фонем в шугнанском языке. — Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
- Никончук 1979 — *Никончук Н.В.* Приставки *ka-* и *ko-* в полесских говорах. — Этимология. 1977. М., 1979.
- ОВЛГ — *Эдельман Д.И.* Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968.
- Овчинникова 1983 — *Овчинникова Е.Н.* Наблюдения над согласными *x* — *h* в одном из словацких говоров Закарпатья. — Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов. М., 1983.
- ОИТИИЯ — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I-II. М., 1975.
- ОИЯ 1987 (I) — *Эдельман Д.И.* Шугнано-рушанская языковая группа. — ОИЯ. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.
- ОИЯ 1987 (II) — *Эдельман Д.И.* Язгулямский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.
- ОИЯ 1987 (III) — *Грюнберг А.Л., Эдельман Д.И.* Афганский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.
- Оранская 1986 — *Оранская Т.И.* Местоименные клитики в индоиранских языках. Канд. дис. Л., 1986.
- Оранская 1995 — *Оранская Т.И.* Композиты — трансформы риторических вопросов в санскрите и славянских языках. — Стхапакашраддха. Сборник статей памяти Г.А.Зюграфа. Под ред. Я.В.Василькова и Н.В.Гурова. СПб., 1995.
- Оранский 1963 — *Оранский И.М.* Афганское *wi-* — персидское *bi-*. — Краткие сообщения Института народов Азии. 67. Иранская филология. М., 1963.
- Оранский 1979 — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Орел 1986 — *Орел В.Э.* К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга. — ВЯ. 1986, № 5.

- Откупщиков 1977 — *Откупщиков Ю.В.* О происхождении лит., лтш. *gağala* «ведьма». — *Baltistica*. 1977, XIII (1).
- Откупщиков 1988 — *Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат (у истоков европейской цивилизации). Л., 1988.
- Откупщиков 1993 — *Откупщиков Ю.В.* Балтийские и славянские названия овцы и барана. — *Lietuvių kalbotyros klausimai*. Т. XXX. № V. Vilnius, 1993.
- Пирейко 1968 — *Пирейко Л.А.* Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
- Покровская 1966 — *Покровская Л.А.* Гагаузский язык. — *Языки народов СССР*. Т. II. М., 1966.
- Покровская 1977 — *Покровская Л.А.* Развитие внутривидовых изменений в балкано-турецких диалектах под влиянием славянских языков. — *Altaica. Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference*. Helsinki, 1977.
- Покровская 1978 — *Покровская Л.А.* Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Поляков 1998 — *Поляков О.В.* Славянские языки: Основные особенности. Параллельные тексты. Vilnius, 1998.
- Проценко 1985 — *Проценко Б.П.* История названий животных в славянских языках. Автореф. канд. дис. Минск, 1985.
- Расторгуева 1975 — *Расторгуева В.С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа. — *ОИТИЯ*. Т. I. М., 1975.
- Расторгуева 1990 — *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990.
- Расторгуева, Керимова 1964 — *Расторгуева В.С., Керимова А.А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
- Савичюте 1980 — *Савичюте Г.С.* Предикаты цели и предикаты каузации (на материале флективных индоевропейских языков). Автореф. канд. дис. М., 1980.
- Савченко 1973 — *Савченко А.Н.* Проблема системной реконструкции праязыковых состояний (на материале балтийских и славянских языков). — *Baltistica*. 1973, IX (2).
- СГВЯ-М — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- СГВЯ-Ф — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- С ГОМШ — *Соколова В.С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
- С ГОЯШ — *Соколова В.С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Семереньи 1967 — *Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне. — *ВЯ*. 1967, № 4.
- Семереньи 1980 — *Семереньи О.* Введение в сравнительное языковедение. М., 1980.
- Серебренников 1974 — *Серебренников Б.А.* Об одной изоглоссе района Прибалтики. — *Baltistica*. 1974, X (1).

- Серебренников, Гаджиева 1986 — *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
- Славянское 1981 — Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981.
- Соколов 1961 — *Соколов С.Н.* Авестийский язык. М., 1961.
- Соколов 1979 — *Соколов С.Н.* Язык Авесты. — ОИЯ. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Соколова 1981 (I) — *Соколова В.С.* К реконструкции восточноиранского вокализма. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Соколова 1981 (II) — *Соколова В.С.* К истории вокализма ваханского языка. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Ст.-К. ЭСВЯ — *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Стеблин-Каменский И.М. 1979 — *Стеблин-Каменский И.М.* «Колени» и «локти» памирского субстрата. — Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979.
- Стеблин-Каменский И.М. 1982 — *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.
- Стеблин-Каменский М.И. 1962 — *Стеблин-Каменский М.И.* Умлаут в германских языках. — Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962.
- Степанов 1978 — *Степанов Ю.С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции). — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб-Люблина, 1978). Доклады советской делегации. М., 1978.
- Степанов 1984 — *Степанов Ю.С.*оборот «земля пахать» и его индоевропейские параллели (Балто-славянское предложение. I). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984, т. 43, № 2.
- Степанов 1989 — *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов, Эдельман 1976 — *Степанов Ю.С., Эдельман Д.И.* Семантический принцип описания языка. — Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Супрун 1989 — *Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Теория 1987 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Толстой 1969 — *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Топоров 1961 — *Топоров В.Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. — Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961.
- Топоров 1963 — *Топоров В.Н.* Из области балто-славянских фольклорных связей. — Lietuvių kalbotyros klausimai. 1963, t. 6.
- Топоров 1965 — *Топоров В.Н.* Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза (ЦАЯС). — Symbolae linguisticae in honorem G.Kuryłowicz. Wrocław, 1965.
- Топоров 1969 — *Топоров В.Н.* Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — Этимология. 1967. М., 1969.

- Топоров 1971 — *Топоров В.Н.* Об одном иранизме в славянском: **bazuriti*. — Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь 60-летия проф. С.Б.Бернштейна. М., 1971.
- Топоров 1975 (I) — *Топоров В.Н.* Несколько соображений о происхождении флексий славянского генитива. — *Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von J. Hamn. Wien, 1975.*
- Топоров 1975 (II) — *Топоров В.Н.* К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. — *Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов.* М., 1975.
- Топоров 1978 — *Топоров В.Н.* Русская «Голубиная книга» и иранский *Bundahišn*. — *Этимология.* 1976. М., 1978.
- Топоров 1979 — *Топоров В.Н.* GOLTHESCYTHA у Иордана: К вопросу о северо-западных границах распространения древних иранцев. — VIII конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти акад. В.В.Струве. М., 1979.
- Топоров 1980 — *Топоров В.Н.* Балто-слав. **karv-* и **deiv- karv-*. — *Lingua rossnapiensis.* 1980, XXIII.
- Топоров 1983 — *Топоров В.Н.* Еще раз о GOLTHESCYTHA у Иордана (Getica, 116): К вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала. — *Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов.* М., 1983.
- Топоров 1985 — *Топоров В.Н.* Из индоевропейской этимологии III (1–3). — *Этимология.* 1982. М., 1985.
- Топоров 1988 — *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского. — *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, 1988). Доклады советской делегации.* М., 1988.
- Топоров 1989 — *Топоров В.Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре. — *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы.* М., 1989.
- Топоров 1995 — *Топоров В.Н.* Из «Русско-персидского» дивана: Русская сказка *301А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспектива). — *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы.* М., 1995.
- Топоров, Трубачев 1962 — *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев 1960 — *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев 1967 — *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — *Этимология.* 1965. М., 1967.
- Трубачев 1973 — *Трубачев О.Н.* Лексикография и этимология. — *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, 1973). Доклады советской делегации.* М., 1973.
- Трубачев 1974 — *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — *ВЯ.* 1974, № 6.
- Трубачев 1976 — *Трубачев О.Н.* [рец. на кн.:] *Etymologický slovník slovanských jazyků.* Praha, 1973. — *Этимология.* 1974. М., 1976.

- Трубачев 1977 — *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ. 1977, № 6.
- Трубачев 1978 — *Трубачев О.Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ. 1978, № 4.
- Трубачев 1979 — *Трубачев О.Н.* «Старая Скифия» (*Ἀρχαία Σκιδία*) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ. 1979, № 4.
- Трубачев 1983 — *Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов (Киев, 1983). Доклады советской делегации. М., 1983.
- Трубачев 1988 — *Трубачев О.Н.* Праславянская ономастика в Этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1–13. — Этимология. 1985. М., 1988.
- Трубачев 1991 — *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
- Трубачев 1992 (I) — *Трубачев О.Н.* В поисках единства. М., 1992.
- Трубачев 1992 (II) — *Трубачев О.Н.* Этногенез славян и индоевропейская проблема. — Этимология. 1988–1990. М., 1992.
- Трубачев 1999 — *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.
- Туманян 1971 — *Туманян Э.Г.* Древнеармянский язык. М., 1971.
- Фасмер 1964–1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Фрейман 1924 — *Фрейман А.А.* Ирано-славянские заметки. — ДРАН. Серия В. Л., 1924.
- Хакулинен 1955 — *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Лексикология и синтаксис. Ч. 2. М., 1955.
- Хаскашев 1983 — *Хаскашев Т.Н.* Фонетическая природа словесного ударения в современном таджикском литературном языке (экспериментально-фонетическое исследование). Душанбе, 1983.
- Цивьян 1979 — *Цивьян Т.В.* Синтаксическая структура Балканского языкового союза. М., 1979.
- Чекман 1979 — *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Чекман 1981 — *Чекман В.Н.* Древнейшая балто-славо-индоиранская изоглосса (**s_{i-k}* > **ʒ*). — Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- Чекмонас 2000 — *Чекмонас В.* Перифрастический перфект как одна из характеристик юго-восточно-прибалтийского языкового союза (Peipus-Bund). — International Baltistica Congress "Baltic Languages in Times of Change" (Abstracts of Papers). Rīga, 2000.
- Эдельман 1966 — *Эдельман Д.И.* Язгулямский язык. М., 1966.
- Эдельман 1973 — *Эдельман Д.И.* Относительная хронология некоторых фонетических и морфологических явлений в северопамирских языках. — Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.
- Эдельман 1974 — *Эдельман Д.И.* О конструкциях предложения в иранских языках. — ВЯ. 1974, № 1.

- Эдельман 1976 — Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений. — Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.
- Эдельман 1977 — Эдельман Д.И. К фонемному составу общеиранского (о фонологическом статусе *x^h). — ВЯ. 1977, № 4.
- Эдельман 1980 — Эдельман Д.И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза. — ВЯ. 1980, № 5.
- Эдельман 1982 — Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния. — ВЯ. 1982, № 1.
- Эдельман 1984 — Эдельман Д.И. К генетической классификации иранских языков. — ВЯ. 1984, № 6.
- Эдельман 1985 — Эдельман Д.И. К характеристике общеиранской акцентной системы. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1981. М., 1985.
- Эдельман 1987 — Эдельман Д.И. К проблемам исторического синтаксиса (иранские параллели к балто-славянским оборотам «номинатив + инфинитив»). — Baltistica. 1987, XXIII (2).
- Эдельман 1988 — Эдельман Д.И. Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков. — ВЯ. 1988, № 6.
- Эдельман 1989 — Эдельман Д.И. Еще раз об иранско-европейских изоглоссах. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1989, т. 48, № 4.
- Эдельман 1992 — Эдельман Д.И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности. — ВЯ. 1992, № 3.
- Эдельман 1994 — Эдельман Д.И. К предпосылкам и этапам перехода и.-е. *s в s в языках группы сатэм. — Baltistica. 1994, IV Priedas.
- Эдельман 1995 — Эдельман Д.И. О фонологической аналогии в истории иранских языков. — Kuryłowicz Memorial Volume. Part One. Ed. by W.Smoczyński. Cracow, 1995.
- Эдельман 1998 — Эдельман Д.И. К происхождению иранско-европейских грамматических изоглосс. — Studia iranica et alatica (Festschrift for V.I.Abaev on the Occasion of His 95th Birthday). Rome, 1998.
- Эдельман 1999 — Эдельман Д.И. К истории форм терминов родства на *-tar в иранских языках. — Ученые записки С.-Петербургского университета, № 432. Серия востоковедческих наук. Вып. 37. Востоковедение, 21. Филологические исследования. СПб., 1999.
- Эдельман 2000 — Эдельман Д.И. К реконструкции социолингвистической ситуации древнеиранского мира. — Вопросы филологии. 2000, № 2.
- ЭСИЯ — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. Вып. 1-... М., 1974 —
- Юсуфбеков 1998 — Юсуфбеков Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы. Семантико-прагматические аспекты. М., 1998.
- Ambrazas 1979 — Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyviųistorinė sintaksė. Vilnius, 1979.

- Ambrazas 1981 — *Ambrazas V.* Zur Geschichte einer indoeuropäischen Konstruktion (Dativus cum Infinitivo im Baltischen). — *Kalbotyra*. Vilnius, 1981, 32 (3).
- Ambrazas 1985 — *Ambrazas V.* Nominatyvo ir datyvo su infinityvu genetiniai ryšiai. — *Tarptautinė baltistų konferencija*. 1985. Pranešimų tezės. Vilnius, 1985.
- Ambrazas 1987 — *Ambrazas V.* Die indogermanische Grundlage des Dativus und Nominativus cum infinitivo im Baltischen. — *Indogermanische Forschungen*. 1987, Bd 92.
- Andersen 1968 — *Andersen H.* IE *s after t, u, r, k in Baltic and Slavic. — *Acta Linguistica Hafniensia. International Journal of Structural Linguistics*. Copenhagen, 1968, vol. XI, № 2.
- Arntz 1933 — *Arntz H.* Sprachliche Beziehungen zwischen Ansch und Baltoslavisch. Heidelberg, 1933.
- Bailey DKS — *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge-London-New York-Melbourne, 1979.
- Bailey 1958 — *Bailey H.W.* Languages of the Saka. — *Handbuch der Orientalistik*. Abt. I, Bd. IV. Iranistik. Abschnitt 1. Linguistik. Leiden-Köln, 1958.
- Bailey 1963 — *Bailey H.W.* Arya IV. — *BSOAS*. Vol. XXVI. Pt. 1. 1963.
- Barth. AiW — *Bartholomae Chr.* Altiramesches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (Repr.: Berlin-New York, 1979).
- Bartholomae 1895 — *Bartholomae Chr.* Vorgeschichte der iranischen Sprachen. — *GIPh*. Bd. I, Abt. 1. Strassburg. 1895-1901.
- Beekes 1981 — *Beekes R.S.P.* The Neutral Plural and the Vocalization of the Laryngeals in Avestan. — *IJ*. 1981, vol 23, N 4.
- Beekes 1988 — *Beekes R.S.P.* A Grammar of Gatha-Avestan. Leiden-New York-København-Köln, 1988.
- Benveniste 1952 — *Benveniste É.* La construction passive du parfait transitif. — *BSLP*. 1952, t. 48, fasc. 1 (рус. пер.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974).
- Benveniste 1956 — *Benveniste É.* Une corrélation slavo-iranienne. — *Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag*. Wiesbaden, 1956.
- Benveniste 1960 — *Benveniste É.* Être et avoir dans leurs fonctions linguistiques. — *BSLP*. 1960, t. 55 (рус. пер.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974).
- Benveniste 1967 — *Benveniste É.* Les relations lexicales slavo-iraniennes. — *To Honor R. Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday...* (= *Janua Linguarum, series maior*, 31-33). The Hague, 1967.
- Benveniste 1968 — *Benveniste É.* Le système phonologique de l'iranien ancien. — *BSLP*. 1968, t. 63, fasc. 1.
- Boyce WL — *Boyce M.* A Word-list of Manichaean Persian and Parthian. Téhéran-Liège, 1977 (= *Acta Iranica, sér. 3, vol. 2, Suppl.*).
- Boyce 1975 — *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Vol. 1. Leiden-Köln, 1975.
- Boyce 1979 — *Boyce M.* Zoroastrians. Their Religions, Beliefs and Practices. London, 1979.
- Brandenstein. Mayrhofer 1964 — *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.

- Brugmann 1904 — *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen: Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung. — Abhandl. der philol.-hist. Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XXII, № VI. Leipzig, 1904.
- Buddruss 1977 — *Buddruss G.* Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindukusch. — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1977, H. 36.
- Debeljak 1954 — *Debeljak A.* O mrtvih velarnih predponah. — Slavisticna Revija, 1954, V-VII.
- Edelman 1980 — *Edelman D.I.* History of the Consonant Systems of the North-Pamir Languages. — IJL. 1980, vol. 22, N 4.
- Emmerick SGS — *Emmerick R.E.* Saka Grammatical Studies. London, 1968.
- ESSJa 1980 — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. 2. Praha, 1980.
- Fraenkel LEW — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I — 1962. Bd. II — 1965. Heidelberg-Göttingen.
- Gauthiot 1914-1923 — *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne. I. Phonétique. Paris, 1914-1923.
- Gauthiot 1916 — *Gauthiot R.* De l'accent d'intensité iranien. — MSL. 1916, t. 20, fasc. 1.
- Gersh. Phil. Ir. — *Gershevitch I.* Philologia Iranica. Wiesbaden, 1985.
- Gershevitch 1949 — *Gershevitch I.* Iranian Notes. — TPhS. 1948. London, 1949.
- Gershevitch 1954 — *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.
- Gołqb 1972 — *Gołqb Z.* "Kentum" Elements in Slavic. — Lingua posnaniensis. 1972, XVI.
- Gołqb 1973 — *Gołqb Z.* The Initial *x-* in Common Slavic: a Contribution to Prehistorical Slavic-Iranian Contacts. — American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw, 1973, vol. I.
- Gołqb 1977 — *Gołqb Z.* Stratyfikacja słownictwa prasłowiańskiego a zagadnienie etnogenezy Słowian. — Rocznik sławistyczny. 1977, XXXVIII, 1.
- Gonda 1980 — *Gonda J.* The Character of the Indo-European Moods. Wiesbaden, 1980.
- Harmatta 1978 — *Harmatta J.* Migrations of the Indo-Iranian Tribes. — Acta Antiq. Academiae scientiarum hungaricae. T. 26, fasc. 3-4. Budapest, 1978.
- Henning SP — *Henning W.B.* Selected Papers. Vol. I-II. Téhéran-Liège, 1977 (= Acta Iranica, t. 14-15).
- Henning 1942 — *Henning W.B.* The Disintegration of the Avestic Studies. — TPhS. 1942. (repr.: Amsterdam, 1968).
- Henning 1955 (I) — *Henning W.B.* The Khwarezmian Language. — Z.V.Togan's Armağan. Istanbul, 1955.
- Henning 1955 (II) — *Henning W.B.* The Structure of the Khwarezmian Verb. — Asia Major. New Series. Vol. V, pt I. London, 1955.
- Henning 1958 — *Henning W.B.* Mitteliranisch. — Handbuch der Orientalistik, Abt. I, Bd. IV. Iranistik, Abschnitt I. Linguistik. Leiden-Köln, 1958.

- Hinz 1975 — *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
- Insler 1971 — *Insler S.* Some Problems of Indo-European *ə in Avestan. — *Language*. 1971, vol. 47, N 3.
- Jakobson 1975 — *Jakobson R. N.S.* Trubetzkoy's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975.
- Josephson 1993 — *Josephson J.* The Preverb *be* in Some Late Book Pahlavi Texts. — *Medioiranica: Proceedings of the International Colloquium Organized by the Katholieke Universiteit Leuven* (May 1990). Leuven, 1993.
- Josephson 1994 — *Josephson J.* The Preverb *be* and the Verb *kardan* in Book Pahlavi Texts. — *Proceedings of the Second European Conference of Iranian Studies* (Bamberg, 1991). Rome, 1994.
- Kellens 1974 — *Kellens J.* Les noms-racines de l'Avesta. Wiesbaden, 1974.
- Kent 1950 — *Kent R.* Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950 (2nd ed. — 1953).
- Knobloch 1986 — *Knobloch J.* Russ. *stakan* m. 'Trinkglas' und sein altiranischer Ursprung. — *Im Bannkreis des Alten Orients. Studien zur Sprach- und Kulturgeschichte des Alten Orients und seines Ausstrahlungsraumes*. K. Oberhuber zum 70. Geburtstag gewidmet. Innsbruck, 1986.
- Kortlandt 1979 — *Kortlandt F.H.H.* Towards a Reconstruction of the Balto-Slavic Verbal System. — *Lingua*. 1979, № 49.
- Kuiper 1976 — *Kuiper F.B.J.* Old East Iranian Dialects. — *IJL*. 1976, vol. 18, № 3/4.
- Kuiper 1978 (I) — *Kuiper F.B.J.* Old East Iranian **nāmani* 'Names', etc. — *IJL*. 1978, vol. 20, № 1/2.
- Kuiper 1978 (II) — *Kuiper F.B.J.* On Zarathustra's Language. Amsterdam, 1978.
- Kuiper 1978 (III) — *Kuiper F.B.J.* [Rec.:] G. Morgenstierne. Irano-Dardica. — *IJL*. 1978, vol. 20, № 1/2.
- Kuryłowicz 1925 — *Kuryłowicz J.* Traces de la place du ton en gathique. Paris, 1925.
- Kuryłowicz 1958 — *Kuryłowicz J.* L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław-Kraków, 1958.
- Kuryłowicz 1964 (I) — *Kuryłowicz J.* The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Kuryłowicz 1964 (II) — *Kuryłowicz J.* L'accentuation en vieux iranien. — *Indo-Iranica. Mélanges présentés à G. Morgenstierne*. Wiesbaden, 1964.
- Kuryłowicz 1975 — *Kuryłowicz J.* L'accent du mot en v.-iranien. — *Monumentum H.S. Nyberg*. Vol. I. Téhéran-Liège, 1975.
- Lehmann 1980 — *Lehmann W.P.* Proto-Indo-European Syntax. University of Texas Press. Austin and London, 1974 (2nd printing — 1980).
- Machek 1968 — *Machek V.* Sl. *gospodb*, lat. *hospes* et lit. *viešpats*. — *Slavica*. 1968, 8.
- MacK. CPD — *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. London, 1971.
- MacKenzie 1987 — *MacKenzie D.N.* Pashto. — *The World's Major Languages*. London, 1987.

- Mallory 1989 — *Mallory J.P.* Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. New York, 1989.
- Mayrhofer 1968 — *Mayrhofer M.* Die Rekonstruktion des Medischen. — Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1968, Sonderabdruck 1.
- Mh. EWA — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986–2001.
- Mh. KEWA — *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953–1975.
- Meillet 1900 — *Meillet A.* La déclinaison et l'accent d'intensité en perse. — JA. 1900, IX sér., t. 15.
- Meillet 1926 — *Meillet A.* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien. — Revue des études slaves. 1926, 6.
- Milewski 1969 — *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.
- Minissi 1970 — *Minissi N.* Come utilizzare la documentazione finnougistica nella linguistica indoeuropea. Napoli, 1970.
- Morg. EVP — *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- Morg. EVSh — *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
- Morg. ID — *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
- Morg. IIFL — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I. Parachi and Ormuri. Oslo, 1929. Vol. II. Iranian Pamir Languages (Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi). Oslo, 1938.
- Morgenstierne 1926 — *Morgenstierne G.* Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
- Morgenstierne 1942 (I) — *Morgenstierne G.* Archaisms and Innovations in Pashto Morphology. — NTS. 1942, Bd. 12.
- Morgenstierne 1942 (II) — *Morgenstierne G.* Iranica. — NTS. 1942, Bd. 12.
- Morgenstierne 1945 — *Morgenstierne G.* Indo-European *k* in Kafir. — NTS. 1945, Bd. 13.
- Morgenstierne 1974 — *Morgenstierne G.* Languages of Nuristan and Surrounding Regions. — Cultures of the Hindukush. Wiesbaden, 1974.
- Nyb. MP — *Nyberg H.* A Manual of Pehlevi. Pt. 2. Glossar. Wiesbaden, 1974.
- Pirejko 1979 — *Pirejko L.A.* On the Genesis of the Ergative Construction in Indo-Iranian. — Ergativity. Towards a Theory of Grammatical Relations. London, 1979.
- Pisani 1969 — *Pisani V.* Baltisch, Slawisch, Iranisch. — Baltistica. 1969, V (2).
- Pok. IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Pstrusińska 1996 — *Pstrusińska J.* Why the Celto-Asiatic Seminar? I. Celtic Versus Indo-Iranian. — Iranica Cracoviensia. Cracow Iranian Studies in Memory of Władysław Duleba. Cracow, 1996.
- Ravnæs 1981 — *Ravnæs E.* The Development of *ʌ*/interconsonantal Laryngeal in Iranian. — IJ. 1981, vol. 23.
- Reichelt 1909 — *Reichelt H.* Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.

- Rosinas 1988 — *Rosinas A.* Baltų kalbų įvardžiai. Vilnius, 1988.
- Rosinas 1995 — *Rosinas A.* Baltų kalbų įvardžiai: Morfologijos raida. Vilnius, 1995.
- Ross, Berns 1992 — *Ross A.S.C., Berns J.* Germanic. — Indo-European Numerals. Ed. by J.Gvozdanović. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 57 (Ed. W.Winter). Berlin — New York, 1992.
- Rozwadowski 1948 — *Rozwadowski J.* Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
- Sabaliauskas 1990 — *Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.
- Schaller 1975 — *Schaller H.W.* Die Balkansprachen (Eine Einführung in die Balkanphilologie). Heidelberg, 1975.
- Schütz 1965 — *Schütz J.* Das präfigierende Element *ka-* / *ko-* / *k-* in der Wortbildung des Slavischen. — Die Welt der Slaven. 1965, X.
- Sims-Williams 1979 — *Sims-Williams N.* On the Plural and Dual in Sogdian. — BSOAS. 1979, vol. 42, pt. 2.
- Sims-Williams 1982 — *Sims-Williams N.* The Double System of Nominal Inflection in Sogdian. — TPhS. 1982.
- Sims-Williams 1986 — *Sims-Williams N.* Sogdian *kw* and Slavonic *kŭ*. — Переднеазиатский сборник. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М., 1986.
- Szemerényi 1989 — *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 3. Aufl. Darmstadt, 1989.
- Szemerényi 1990 — *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 4. Aufl. Darmstadt, 1990.
- Tedesco 1926 — *Tedesco P.* Ostiranische Nominalflexion. — ZH. 1926, Bd. 4, H. 1.
- Vasmer 1923 — *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
- Vasmer 1924 — *Vasmer M.* Iranisches aus Südrussland. — Streitberg-Festgabe. Leipzig, 1924.
- Winter 1978 — *Winter W.* The Distribution of Short and Long Vowels in Stems of the Type Lith. *ėsti* : *vėsti* : *mėsti* and OCS *jasti* : *vesti* : *mesti* in Baltic and Slavic Languages. — Recent Developments in Historical Phonology. Ed. by J.Fisiak. Trends in Linguistics, Studies and Monographs 4. The Hague—Paris—New York, 1978.
- Zinkevičius 1996 — *Zinkevičius Z.* Apie įvardžių dviskaitą. — Kalbos kultūra. 68. Vilnius, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	3
КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ	4
Генетическая характеристика	4
Иранские языки	4
Славянские языки	8
Области распространения. Контакты. Языковые союзы	10
Типологические черты	14
ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНЕНИЯ	15
ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ	18
ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ	20
ПАРАДИГМАТИКА	20
Процессы становления и филиации праязыковых систем	20
Рефлексы индоевропейских согласных	21
Рефлексы индоевропейских палатальных согласных	21
Рефлексы индоевропейской *s	30
Правило РУКІ	30
Рефлексы индоевропейской *s в других позициях	33
Рефлексы индоевропейских звонких согласных	35
Рефлексы индоевропейских глухих согласных	38
Ранняя палатализация заднеязычных согласных	40
Рефлексы индоевропейских гласных	42
Рефлексы индоевропейских сонантов	43
Фонемный состав праиранского и праславянского	44
Вторичные параллели: судьба заднеязычных согласных	46
СИНТАГМАТИКА	54
Вторичные параллели: ассимиляция и аккомодация. Аналогия	68
Ассимиляция и аккомодация	68
Аналогия	71
АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ	78

ЭЛЕМЕНТЫ МОРФОЛОГИИ	87
МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС	101
ПРАЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ	101
Имя	101
Местоимения	104
Глагол	106
Синтаксис	111
ВТОРИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ	113
ЛЕКСИКА	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
ПРИМЕЧАНИЯ	201
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	206
ЛИТЕРАТУРА	211

Научное издание

Эдельман Джой Иосифовна

**ИРАНСКИЕ
и СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
Исторические отношения**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН*

Редактор *М.И. Карпова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Е.В. Карюкина*
Компьютерная верстка *О.Г. Климова*

ДР № 020297 от 23.06 97
Подписано к печати 05.04.02
Формат 60×90^{1/16}
Печать офсетная. Усл. п. л. 14,5
Усл. кр.-отт. 14,8. Уч.-изд. л. 14,4
Тираж 700 экз. Изд. № 7979
Зак № 53

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28